Карл Густав Юнг

ТЕВИСТОКСКИЕ ЛЕКЦИИ

прочитанные в Лондоне (в 1935 году), в Тавистокской клинике

Оглавление

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Дамы и господа!

Позвольте прежде всего заметить, что мой родной язык не английский, и поскольку мой английский не слишком хорош, я прошу прощения за возможные ошибки.

Итак, моя цель – наметить в общих чертах некоторые фундаментальные понятия психологии. То, что мои лекции главным образом связаны с моими собственными принципами и взглядами, не означает, что я не учитываю значимость вклада других исследователей в этой области. Не переоценивая себя, надеюсь, что мои слушатели в той же мере осознают заслуги Фрейда и Адлера, что и я.

Позвольте прежде кратко изложить смысл программы моих лекций. Две главные темы составляют ее содержание. Первая касается понятий, затрагивающих структуру бессознательного и его содержание; вторая содержит методы в исследовании содержания бессознательного. Вторая тема состоит из трех частей: метода словесных ассоциаций, толкования сновидений и метода активного воображения.

Я, конечно, не смогу раскрыть перед вами полностью такие серьезные темы, как, например, философские, религиозные, этические и социальные проблемы, свойственные коллективному сознанию нашего времени, или же процессы коллективного бессознательного и сравнительные мифологические и исторические исследования, необходимые для их разъяснения. Эти темы, казалось бы не связанные с нашими интересами, тем не менее являются наиболее мощным фактором в создании и регуляции личностных ментальных условий. Они служат также источником разногласий в психологических теориях. Хотя я медик и связан главным образом с психопатологией, я, тем не менее, убежден, что этой частной области психологии может помочь только глубокое, обширное знание о психике в целом. Врач никогда не должен забывать, что болезни – это нарушенные нормальные процессы. «Подобное лечится подобным» – замечательная истина древней медицины, но, как всякая великая истина, она может стать и великой чушью. Однобокость и узость горизонта – известные невротические свойства.

Что бы я ни сказал вам, все несомненно будет лишь очертанием темы. Я не стану анализировать новые теории, поскольку мой эмпирический темперамент больше стремится к новым фактам, нежели к тому, что могут говорить о них. Хотя, я должен согласиться, – это приятное интеллектуальное развлечение. Каждый новый случай для меня – почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю молодость современной психологии, которая, на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время для гениальных теорий еще не наступило. Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования. Из этого следует, что наблюдения и

суждения одновременно выступают в качестве субъекта, инструмента (средства), при помощи которого мы подобные исследования осуществляем. Угроза возникновения такого мощного порочного круга заставляет быть в этих вопросах крайне осторожным и релятивным, что само по себе часто воспринимается неверно.

Прошу вас принять во внимание, что ограниченное время не позволяет мне представить дополнительные доказательства для подтверждения моих выводов. Итак, я надеюсь на ваше доброе расположение и в свою очередь прекрасно понимаю, что моя первейшая задача – излагать материал как можно яснее.

Психология – в первую очередь и по преимуществу – наука о сознании. Она же и наука о продуктах того, что мы называем бессознательным психическим. Мы не можем непосредственно, «в лоб», изучать бессознательное психическое – у нас с ним нет никакой связи. Мы можем иметь дело только с продуктами сознания, которые, как можно полагать, имеют свое происхождение в области, называемой бессознательным, области «туманных представлений», которые философ Кант в своей «Антропологии» называл как наполовину бытующие в мире. Все, что по совести можно сказать о бессознательном, так это лишь то, что сознающему разуму позволительно о нем говорить. Бессознательное психическое, целиком заключающее в себе неизвестную природу, всегда выражалось сознанием и в терминах сознания, но это единственное, что можно делать. Пойти дальше мы не можем, и данное обстоятельство всегда необходимо иметь в виду, как крайнюю меру в критике нашего суждения.

Сознание – предмет чрезвычайно своеобразный. Это явление дискретно по своей природе. Одна пятая или одна третья, возможно даже одна вторая, часть нашей жизни протекает в бессознательном состоянии. Целиком бессознательно раннее детство человека. Каждую ночь мы погружаемся в бессознательное, и только в периоды между просыпанием и сном более или менее ощущаем себя в сознательном состоянии. До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или, иначе, степени сознания. Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания, в котором рефлексия своего «Я» может не участвовать; сознание ЭГО отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших, что «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто и именно как ОНИ; оглядываясь при этом назад, в свое прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут.

Необходимо допустить, что когда мы говорим «Я», то при этом не имеем абсолютного критерия для оценки полноты переживания этого «Я». Посему так и случается, что наше представление (реализация) ЭГО весьма фрагментарно, и лишь постепенно, во времени люди узнают все больше и больше о том, что же ЭГО означает для человека. Фактически процесс узнавания не имеет конца, длится всю жизнь, во всяком случае мы сами момент конца не фиксируем.

Сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве неизвестной степени мерности. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, потому что просто ничего о нем не знаем. Что можно сказать о вещи, о которой не знаешь ничего? Сказать нечего. Когда мы говорим «бессознательное», то часто имеем в виду передать нечто этим термином, но фактически, передаем то, что ничего об этом не знаем. У нас есть только непрямые доказательства, что существует ментальная сфера, пребывающая по ту сторону сознания. Есть некоторые научные суждения, приводящие к заключению, что нечто подобное существует. Из продуктов или результатов, которые бессознательный психический мир продуцирует, можно прийти к определенным заключениям относительно его возможной природы. Но необходимо быть крайне осторожным, чтобы не впасть в излишний антропоморфизм в своих заключениях, ибо в действительности вещи могут весьма отличаться от их представлений в нашем сознании.

Если, к примеру, мы видим цвета и слышим звуки, то в действительности это – осцилляции, колебания. Фактически нам необходимо иметь лабораторию со сложными устройствами для того, чтобы выстроить картину мира, не зависимую от наших ощущений и от нашей психики. И я полагаю, что весьма сходным образом обстоит дело и с нашим бессознательным – необходима лаборатория, в которой должно обосновывать объективные методы по оценке действительного положения вещей, составляющих контекст бессознательного.

Помимо всего прочего сознание характеризуется известной узостью. Оно способно нести в себе весьма малое информационное содержание одномоментно. Все прочее в данный миг осознается, и мы получаем ощущение непрерывности или общего понимания, или осведомленности об осознаваемом мире только через последовательность сознательных моментов. Мы не способны удержать целостный образ, потому что сознание слишком узко, и видим только вспышки существования. Словно наблюдаем мир через узкую щель и видим отдельные моменты, все остальное пребывает в темноте и неизвестности. Пространство всегда громадно и непрерывно, в то время как пространство сознания – ограниченное поле моментального видения.

Сознание в значительной степени – продукт восприятия и ориентации во внешнем мире. Возможно, что оно локализуется в церебруме, имеющим по своей природе эктодермическое происхождение и, вероятно, бывшим органом чувств кожи во времена наших далеких предшественников. Сознание произошло от этой локализации в мозгу, в силу чего сохранило качество ощущения и ориентации. Знаменателен тот факт, что французские и английские психологи XVII и XVIII столетий пытались вывести сознание из ощущений, т. е. представить себе его целиком состоящим из чувственных данных. Это выразилось в известной формуле: «Нет ничего в разуме, что до того не присутствовало бы в чувстве». Сходное можно обнаружить и в современных теориях. Фрейд, к примеру, не выводит сознание из чувственных данных, но выводит бессознательное из сознания, оставаясь на той же самой позиции рационализма.

Я ставлю вопрос обратным образом и говорю, что возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается и осознание ее вытекает из неосознанного состояния. В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно, и сознание, скорей всего, продукт бессознательного. Сознание требует для своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием. Когда наблюдаешь представителей первобытных племен, то можно заметить, что на малейшее раздражение, выводящее их из дремоты, они стараются исчезнуть. Могут сидеть часами неподвижно, когда же их спрашиваешь: «А что вы делаете? О чем думаете?» – они обижаются и говорят: «Только сумасшедшие думают – они держат мысли в своей голове. Мы не думаем». Если же они вообще думают, то, скорее, животом или сердцем. Некоторые негритянские племена уверяют, что мысли находятся в желудке, потому что они осознают только те мысли, которые действительно беспокоят: печень, почки, кишки или желудок. Другими словами, они осознают только эмоциональные мысли. Эмоции и аффекты всегда сопровождаются явными физиологическими иннервациями.

Индейцы пуэбло рассказали мне, что все американцы сумасшедшие; и, разумеется, я, несколько удивившись, спросил, почему? «Потому что они говорят, будто думают головой. Нормальный здоровый человек не думает головой. Мы думаем сердцем». Они пребывали в гомеровскую эпоху, когда диафрагма (френ – разум, душа) считалась местом (центром) психической активности. Это означает психическую локализацию иной природы. Наше понятие о сознании предполагает, что мысль концентрируется в достопочтенной голове. Но индейцы пуэбло определяют сознание на основе чувственной интенсивности. Абстрактная мысль для них не существует. Они поклоняются солнцу, и я немного поспорил с ними, высказав слова св. Августина о том, что Бог не есть солнце, но тот, кто сделал солнце. Они не могли принять подобной мысли, так как дальше своих ощущений и чувств пойти не могли. Вот почему их сознание и мысли концентрируются в сердце. Мы в свою очередь психическую активность никак к источнику не адресуем и стоим на том, что сны и фантазии локализуются непосредственно «там внизу», что дает возможность говорить о ПОД-сознании, ПОД-сознательном разуме, о вещах, располагающихся ниже сознания.

Эти своеобразные локализации играют большую роль в так называемых первобытных психологиях, которые ни в коей мере не следует считать первобытными. К примеру, изучая тантрическую йогу или индусскую психологию, вы найдете наиболее сложно разработанные системы психических пластов, локализаций сознания вверх от области промежности до вершины головы. Эти центры, так называемые чакры, можно найти не только в предписаниях и текстах йоги, – весьма сходные идеи обнаруживаются в древних немецких алхимических книгах, явно не имеющих ничего общего с йогой.

Важным фактом в области изучения сознания является то обстоятельство, что ничто не может быть осознано без ЭГО, к которому стекается весь информационный поток. Если «нечто» не связано с ЭГО, то это «нечто» и не осознается. Поэтому сознание можно определить как связь психических факторов с ЭГО. Что же такое ЭГО? Это комплекс данных, конструированный прежде всего общей осведомленностью относительно своего тела, своего

существования и затем данными памяти; у человека есть определенная идея о его прошлом бытии, определенные наборы (серии) памяти. Эти две составляющие и есть главные конституэнты ЭГО. Поэтому можно назвать ЭГО комплексом психических факторов. Этот комплекс обладает огромной энергией притяжения, как магнит; он притягивает содержания из бессознательного, из этой темной неведомой области; он также притягивает впечатления извне, и когда они входят в связь с ЭГО, то осознаются. Если же не входят, то осознания не происходит.

Моя идея заключается в том, что ЭГО – это своего рода комплекс, который мы в себе заботливо взращиваем. Он всегда в центре нашего внимания и наших желаний, он – центр нашего сознания. Если ЭГО раскалывается, как это случается при шизофрении, то рушатся все моральные критерии, теряется возможность сознательно воспроизводить действия, так как центр расколот и определенные части психики обращаются к одному фрагменту ЭГО, а остальные – к другому. Именно поэтому при шизофрении вы часто можете наблюдать быструю трансформацию из одной личности в другую.

В сознании можно различить ряд функций. Функции обеспечивают сознание возможностью получать ориентиры из области эктопсихических и эндопсихических факторов. То, что я понимаю под эктопсихикой, есть система связей между содержанием сознания и фактами (данными), идущими из внешней среды. Это система ориентации, которая имеет дело с внешними фактами, получаемыми мною посредством органов чувств. Эктопсихика – это система связей между содержаниями сознания и постулируемыми процессами в бессознательном.

Прежде всего мы коснемся эктопсихических функций.

А. Ощущения. Под ощущением я понимаю то, что французские психологи называют «la fonction dureel», что составляет результат моей осведомленности о внешних фактах, получаемых через функции моего сознания. Я думаю, что французский термин наиболее исчерпывающий. Ощущения говорят мне, что нечто есть; они не говорят, что это, но свидетельствуют, что это нечто присутствует.

Б. Мышление. Мышление, если спросить философа, представляет собой что-то очень сложное, поэтому лучше его об этом никогда не спрашивать. Философ – единственный человек, который не знает, что такое мышление. Все прочие знают. Когда вы говорите человеку: «А теперь давай подумаем», – он точно знает, что имеется в виду. Философ же никогда не знает. Мышление в своей простейшей форме говорит, что есть присутствующая вещь. Оно дает имя вещи и вводит понятие, ибо мышление есть восприятие и суждение. (Германская психология называет это апперцепцией).

В. Чувство. Здесь многие мыслящие люди смущаются, а иногда и сердятся, когда я начинаю размышлять о чувстве, вероятно потому, что, по их мнению, я говорю при этом ужасные вещи. Чувство с помощью определенных чувственных тонов информирует нас о ценности вещей. Оно говорит субъекту, что тот или иной предмет стоит для него, какую ценность он представляет. В согласии с этим феноменом невозможно воспринять или

помыслить о чем-либо без определенной чувственной реакции. Субъект всегда находится в состоянии определенного чувственного тона настроения, которые можно легко продемонстрировать в эксперименте. Что касается «ужасной вещи» относительно чувства, так это то, что оно, как и мышление, функция рациональная. По этому поводу все мыслящие люди убеждены абсолютно, что, напротив, чувство в высшей степени иррационально. Здесь мне остается сказать: потерпите немного и установите для себя ясным тот факт, что человек не может быть совершенен во всех психических проявлениях. И если человек более совершенен в мышлении, то ему явно недостает чувственности; эти два свойства (функции) маскируют друг друга и тормозят. Поэтому, скажем, если вы желаете размышлять бесстрастным образом, научно или философски, то должны избавиться от каких-либо чувственных оценок. Очевидно, что пара объектов, рассмотренных с чувственной точки зрения, будет различаться не только фактически, но и в ценностном отношении. Оценки не являются якорями для интеллекта, но они существуют, реализуясь как важная психологическая функция. И если вы хотите иметь полную картину мира, то необходимо принять во внимание и оценки. Если этого не сделать, то есть риск попасть в беду. Многие люди рассматривают чувство как наиболее иррациональное психическое явление. Поэтому каждый убежден, особенно в Англии, что следует контролировать свои чувства. Я вполне согласен с тем, что это хорошая привычка, и восхищаюсь англичанами за эту их способность. Но чувства все же существуют: я видел людей, которые великолепно управляются со своими чувствами, и тем не менее последние их ужасно беспокоят.

Г. Интуиция. Ощущения говорят нам, что НЕЧТО существует. Мышление определяет это НЕЧТО. Чувство информирует нас о его ценности. Предположим, имеется полная картина мира, когда человек знает: вещь существует, что это за вещь, насколько она ценна. Но есть еще другая категория – время. Вещи имеют свое прошлое и будущее. Они откуда-то появляются, куда-то текут, и трудно уверенно сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть некое чувство, которое американцы называют (hunch) предчувствием. Допустим, вы связаны с продажей антиквариата, и у вас появляется предчувствие, что некий предмет изготовлен прекрасным мастером в 1720 году, у вас предчувствие, что это хорошая работа. Или, положим, вы не предполагаете, что будет с вашими акциями, но у вас есть предчувствие, что они поднимутся. Это интуиция, мистическое свойство, некий чудный дар. Например, вы знаете, что у вашего пациента есть какое-то болезненное воспоминание, но вот вам «приходит в голову», у вас «возникает определенное чувство». Мы говорим так, потому что обычный язык не имеет подходящих определений. Слово интуиция становится все более употребимым в английском. Немцы же не могут «ощутить» лингвистической разницы между «ощущением» и «чувством». Иначе во французском: вы можете сказать, что у вас некоторые «sentiment dans l’estomac», или вы скажете «sensation». У англичан существует различие, но они с легкостью могут спутать feeling and intuition. Поэтому я предпринял здесь такое, почти искусственное разграничение, хотя исходя из практических целей, очень важно сделать такое разделение в научном языке. Употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье. В повседневной речи, когда один человек говорит «чувство», он может подразумевать нечто

полностью противоположное, нежели другой, говорящий о том же. Некоторые психологи используют понятие «чувство», определяя его как «ущербную», «хромую» мысль. Определение «чувство – нечто иное, как незаконченная мысль», принадлежит известному ученому. Но чувство это нечто подлинное, реальное, это функция, и поэтому у нас есть слово для его обозначения. Инстинктивный природный разум всегда находит слова для обозначения реально существующих вещей. Только психологи изобретают слова для несуществующих предметов. Многим интуиция покажется чем-то весьма колдовским; кстати, в отношении меня некоторые говорят, что я очень мистичен. В этом смысле интуиция одна из составляющих моего мистицизма. Данная функция позволяет видеть круглые углы, воспроизвести которые обычному человеку невозможно, однако есть специалисты по этой части. Живя в четырех стенах и выполняя рутинную работу, к интуиции не прибегают, но она очень нужна, скажем, при охоте на носорогов или тигров в Африке. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни. Интуицией пользуются изобретатели и судьи. Там, где бессильны понятия и оценки, мы целиком зависим от дара интуиции.

Добавлю еще, что интуиция есть особый вид восприятия, которое не ограничивается органами чувств, а проходит через сферу бессознательного. Но здесь я вынужден остановиться и сказать: «Как действует эта функция, я не знаю». Я не знаю, что происходит, когда человек знает то, что он определенно знать не может. Я не знаю, как это у него получается, но получается неплохо, и он в состоянии действовать. Так, «вещие» сны, феномен телепатии и прочие подобные вещи – это интуиция. Я наблюдал их и убежден – они существуют. Вы можете видеть их также у первобытных племен. Вы можете видеть их, если внимательны к этим процессам, которые как-то работают через подсознание, поскольку чувственное восприятие настолько слабо, что наше сознание не может получить их. Иногда, например в случае cryptomnesia (Дословно – потаенная память, т. е. память, скрытая от самого ее носителя. – Прим. перев.), что-то подкрадывается к вашему сознанию, вы улавливаете намек, но до того, как вы его получите, это всегда что-то бессознательное, будто «свалившееся с небес». Немцы называют это Einfall, что означает вещь, пришедшую вам в голову из «ниоткуда». Это похоже на откровение. Действительно, интуиция – природная, естественная функция, совершенно нормальная и необходимая вещь, которая компенсирует то, что вы не можете ощутить, почувствовать или осмыслить из-за недостатка реальности. Видите ли, прошлое уже не реально, а будущее не так реально, как мы думаем. Поэтому мы должны благодарить небеса за такую функцию, которая проливает некоторый свет на окружающие нас вещи. Врачи, часто сталкиваясь с незнакомыми ситуациями, серьезно нуждаются в интуиции. Множество верных диагнозов приходят благодаря этой таинственной функции.

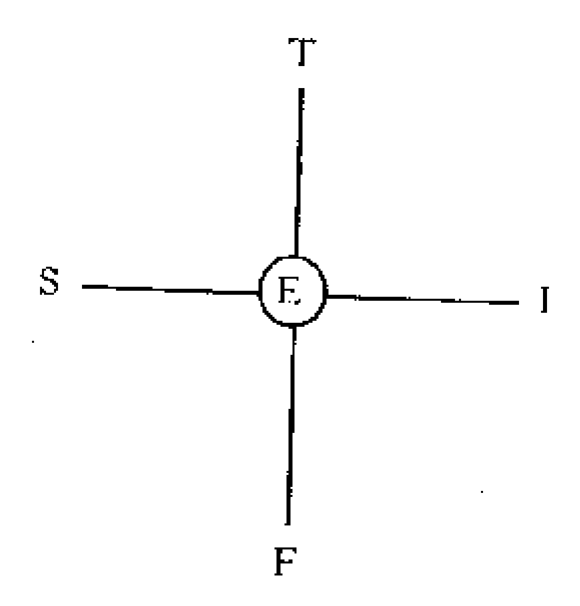

Рис. 1. Функции

Психологические функции обычно контролируются волей, во всяком случае мы надеемся, что это так, потому что боимся всего, что «само по себе». Когда же функции контролируются, их можно подавлять, отбирать, усиливать, они могут направляться волей, умыслом. Однако функции могут действовать и непроизвольно – думать, чувствовать за вас, так что вы даже не сможете остановить их. Или же они функционируют бессознательно, вы не догадываетесь об этом, хотя перед вами может предстать результат чувственного процесса, шедшего в подсознании. Возможно, кто-то скажет: «Просто вы были раздражены, и поэтому отреагировали именно так». Положим, вы настолько бессознательны, что чувствовали именно так; тем не менее это наиболее вероятная реакция. Психологические функции, как и чувственные, обладают специфической энергией. Вы не можете избавиться от чувств, мыслей. Никто не может сказать: «Я не буду думать», – несомненно, он думать будет. Нельзя сказать: «Я не буду чувствовать», – люди чувствуют благодаря выражению специфической энергии, заключенной в каждой функции, энергии, которая не может видоизмениться.

Конечно, можно иметь предпочтения. Люди мыслящие предпочитают думать и адаптируются таким путем. Другие, у которых развита чувственная функция, – общительны, для них важны моральные критерии, они великолепно режиссируют чувственные ситуации и живут ими. Человек с развитой наблюдательностью будет пользоваться главным образом своими ощущениями и т. д. Доминирующая функция определяет в индивиде его собственный психологический тип. Например, если человек пользуется в основном своим интеллектом, его можно отнести к так называемому «безошибочному» типу. Отсюда мы можем проследить местоположение чувства в структуре психики: когда мышление – доминантная функция, чувство неизменно занимает подчиненное положение. То же правило применимо к трем другим функциям. Я объясню это с помощью диаграммы.

Расположим функции крестообразно (рис. 1) В центре поместим ЭГО (Е), которое обладает определенной энергией. Эта энергия и есть сила воли. В случае мыслительного типа эта сила может быть направлена к мышлению (Г). Тогда мы должны расположить чувства (F) внизу, под Т, поскольку в этом случае F подчиненная функция. Это следует из того, что когда вы думаете, то должны исключить чувства, и наоборот. Когда вы думаете, оставьте ваши чувства и чувственные оценки. Чувства наиболее разрушительны для ваших мыслей. Эти две функции отрицают друг друга. То же происходит с ощущением (S) и интуицией (I). Наблюдая за человеком в режиме ощущения, вы заметите, что его особенностью является концентрация взгляда на каком-нибудь предмете, точке. Если же вы проследите за выражением глаз человека интуитивного типа, то поймете – он не смотрит, он окидывает взглядом предметы в поле своего зрения, выбирая один. Это и есть предчувствие. Обладая интуицией, вы обычно не вдаетесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда, внезапно, нечто вырисовывается из этого целого. Если же ваша основная функция – ощущения, вы будете лишены интуиции, только потому, что нельзя делать «два дела сразу». Это достаточно сложно, поскольку принцип одной функции исключает действие другой. Именно поэтому я и поместил их противоположно друг другу.

Итак, с помощью этой простой диаграммы вы можете прийти к важным выводам, касающимся сознания. Например, если вы находите, что мышление сильно дифференцированно, то оказывается, что чувства недифференцированны. Что это значит? Означает ли это, что у таких людей нет чувств? Напротив. Они говорят: «У меня сильные чувства. Я переполнен эмоциями. Я темпераментен». Эти люди во власти своих эмоций, они пойманы эмоциями. Если вы, к примеру, изучаете частную жизнь интеллектуала и хотите знать о его поведении дома, спросите об этом его жену – она сможет рассказать вам презабавные истории!

Чувствующий тип в естественном состоянии никогда не будет утруждать себя мыслью. Мышление возникает как следствие невротизирующего воздействия; в этом случае оно носит навязчивый характер. Наш герой остается в норме, но он полон необычайными идеями и убеждениями. Мышление захватило его и подчинило себе, и он не может выпутаться из этого, поскольку его мысли неподвижны. С другой стороны, интеллектуал, захваченный своими чувствами, говорит: «Я просто это чувствую», – чему трудно возразить. Но когда он полностью погружен в свои эмоции, возникает вопрос: «Сможет ли он оттуда выбраться?» Он не сможет до конца оправдать свои чувства, если же это ему удается, он ощутит собственную неполноценность.

Подобное происходит с людьми, относящимися к интуитивному типу и типу сенситивному. Интуитив всегда озабочен сущностью вещей; он обманывается в своих представлениях о реальности; не использует предоставляемых ему возможностей. Это человек, который возделывает поле и, не дождавшись созревшего урожая, переходит на другое. За ним остается возделанное поле, впереди – новые надежды, но из всего этого ничего не выходит. Сенситивный человек всегда остается в данной реальности. Для него истинно то, что реально. Вспомните, что означает реальное для интуитива: это неправда, этого не будет, будет что-то другое. Когда же сенситивный человек не имеет своей

реальности – четырех стен, в которых он может жить, он болен. Дайте четыре стены интуитиву, и единственное, что будет занимать его, как оттуда выбраться. Для него любая обусловленная ситуация – это тюрьма, из которой необходимо в кратчайший срок выйти навстречу новым возможностям. Эти различия играют неоценимую роль в практической психологии. Не думайте, что я раскладываю людей по полочкам, определяя: «Это интуитив, а это мыслительный тип». Меня часто спрашивают: «Не относится ли такой-то к мыслительному типу?» И я отвечаю, что никогда об этом не думал, и на самом деле это так. Не имеет смысла навешивать ярлыки, однако когда у вас есть большой эмпирический материал, необходимы упорядоченные принципы для его классификации. Без преувеличения скажу, что для меня крайне важно привести материал в порядок. Это особенно может пригодиться, когда вы представляете кому-либо смущенных, обеспокоенных пациентов, или представляете мужа жене, и наоборот. Всегда полезно иметь такие объективные критерии, в противном случае все остается на уровне «он сказал – она сказала». Как правило, подчиненная функция не обладает свойствами сознательной дифференцированной функции. Последняя, как правило, регулируется намерением и волей. Если вы настоящий мыслитель, вы в состоянии направлять ваше мышление волей, вы можете контролировать ваши мысли, говоря себе: «Я могу думать иначе, думать обратное». Чувствующий тип никогда не сделает так, поскольку не может отделаться от своих мыслей. Мысли владеют им, прельщают его, и – он боится их. Его чувства архаичны, и он сам, как древний человек, – беспомощная жертва своих эмоций. Именно по этой причине первобытный человек старался не тревожить чувств своих соплеменников – это было опасно. Многие наши обычаи объясняются такой «архаичной учтивостью»: не принято, обмениваясь рукопожатием, держать другую руку в кармане или за спиной. Вы должны показать, что в ваших руках нет оружия. Восточное приветствие, поклон с воздетыми кверху руками, означает то же. Преклоняясь к ногам другого, вы показываете свою полную беззащитность и полную в него веру. Изучая поведенческие символы первобытных народов, вы поймете их страх перед соплеменниками. Также мы боимся своих подчиненных функций. Представьте типичного интеллектуала, который боится влюбиться. Вам его страх покажется глупым, но, скорее всего, он прав. Где гарантия того, что, влюбившись, он не наделает глупостей. И он наверняка окажется в ловушке, его чувства среагируют именно на архаичный или опасный тип женщин. Именно поэтому интеллектуалы склонны вступать в неравный брак. Они не подозревают о своих архаических чувствах, и их часто ловят квартирные хозяйки или кухарки. Драма скрыта в их чувствах. Они не боятся сражаться интеллектом, но что касается чувств, их легко победить, обвести вокруг пальца, и они знают это. Поэтому никогда не «давите» на чувства человека, если он интеллектуал. Он готов к опасности и контролирует ситуацию.

Этот закон применим ко всем другим случаям. Подчиненная функция всегда ассоциируется в нас с архаической личностью. В этой функции мы всегда – первобытные люди. В дифференцированных функциях мы цивилизованны, предположительно обладаем свободой выбора. Ничего подобного нет в функциях подчиненных. Здесь у нас есть лишь открытая рана, или по крайней мере открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все, что угодно.

Теперь рассмотрим эндопсихические функции сознания. Функции, о которых я сказал выше, управляют или помогают нашей сознательной ориентации во взаимоотношениях с внешней средой; но они не неприменимы в отношении вещей, составляющих нижнюю область ЭГО. ЭГО – это всего лишь кусочек сознания, плавающий по океану темных вещей. Эти темные вещи – суть внутренние вещи. На внутренней стороне находится пласт психических событий, формирующих нечто вроде края, каймы сознания вокруг ЭГО. Проиллюстрируем это на диаграмме.

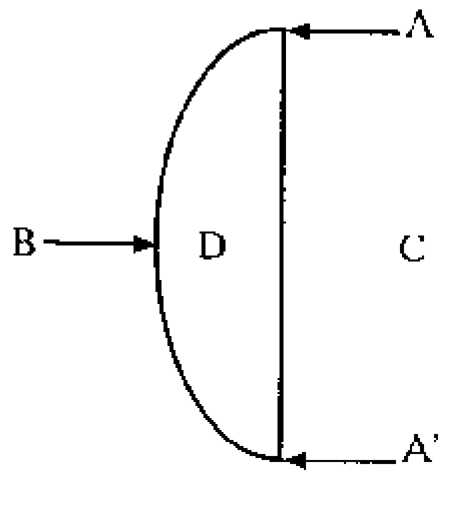

Рис. 2. Эго

Положим AA' порогом сознания, тогда D будет областью сознания, относимой к эндопсихическому миру B. миру, управляемому функциями, о которых мы только что говорили. С другой стороны C находится мир теней. Там ЭГО отчасти темное, мы не можем заглянуть в него, мы загадка самим себе. Мы знаем ЭГО только в D, но не в C. Поэтому всегда обнаруживаем в себе что-то новое. Мы часто думаем, что открывать дальше уже нечего, но это глубоко не так. Обнаруживая себя в одном, другом, десятом и т. д., мы приобретаем удивительный опыт. Он показывает, что часть нашей личности (неосознанной) находится в стадии становления; мы не закончены, следовательно растем и изменяемся. При этом, однако, та, будущая личность, которая возникнет, положим, через год, уже здесь, только пока еще она в тени. ЭГО, таким образом, напоминает движущийся кадр фильма. Будущая личность еще не видна, но движение происходит, и в настоящем мы строим будущее бытие. Потенциалии, заложенные в личности, принадлежат темной стороне ЭГО.

Поэтому первая функция эндопсихической стороны – память. Функция памяти, или воспроизведения, связывает нас с вещами, ставшими подсознательными – подавленными или отброшенными. То, что мы называем памятью, – это дар репродуцировать бессознательные содержания, и это – главная функция; ясно различимая во взаимосвязи между нашим сознанием и содержаниями, которые в действительности не существуют перед нашим взором.

Следующая эндопсихическая функция несколько сложней для понимания. Здесь нам приходится нырять в глубину, так как мы подходим к темной области. Сначала сформулируем само понятие: субъективные компоненты сознательных функций. Поясню. Когда вы встречаете какого-либо человека, которого до того не встречали, то, естественно, что-то о нем думаете. И не всегда думаете то, что можно было бы сказать ему тотчас же; возможно и так, что то, что вы думаете, неправдиво и в действительности не имеет места. Ясно, что налицо субъективная реакция. Подобное может происходить с любыми объектами и ситуациями. Любое действие сознательной функции, каков бы объект ни был, всегда сопровождается субъективными реакциями, в той или иной степени непозволительными, несправедливыми и неточными. Нечто подобное каждый отмечал в самом себе, и, вероятно, каждый предпочел бы не оказаться субъектом такого переживания. Посему человек предпочитает оставлять такие размышления в тени, – это помогает утверждать собственную невинность, честность и прямоту.

Реакции такого рода я называю субъективными компонентами. Последние являются важной составляющей во взаимоотношении с внутренней стороной ЭГО. И весьма болезненны. Поэтому мы не любим вторгаться в мир Тени. Человек не любит созерцать тень самого себя, поэтому многие люди нашего цивилизованного общества стремятся избавиться от нее, потерять ее полностью. С потерей тени, как правило, утрачивается тело. Тело – друг сомнительный, так как производит вещи, которые нам не всегда нравятся; существует также ряд вещей, связанных с телом, о которых стремятся не упоминать. Само тело является персонификацией тени ЭГО. Иногда оно просто сущий скелет в шкафу, от которого каждый, естественно, хочет избавиться. Сказанного, вероятно, достаточно для пояснения понятия субъективных компонентов. Как правило, это некоторая предрасположенность действовать определенным образом, и часто такая предопределенность носит недоброжелательный характер. Из этого определения есть только одно исключение: люди, которые вечно попадают впросак, постоянно оказываются причиной беспокойства для других, поскольку они живут своей собственной тенью, своей собственной противоположностью. Это те самые люди, которые вечно опаздывают на концерт или на лекцию и, являясь ко всему прочему весьма скромными, не желая тревожить других, прокрадываются в самый конец зала, по дороге роняя стул, и, – о, ужас! – нелепица шума и вынужденного общего внимания.

Теперь мы подходим к третьему эндопсихическому компоненту – в этом случае уже трудно говорить о функции. О последней еще можно говорить в случае памяти, но даже и память лишь до определенной степени послушна воле и контролируема. Очень часто она крайне самоуправна и напоминает капризную лошадь. Бывает, что она просто отказывается работать. В этом смысле субъективные компоненты и реакции еще более неуправляемы.

Но дело обстоит совсем плохо, когда мы имеем дело с эмоциями и аффектами. Тут становится ясно, что они никакие не функции, а просто события, потому что в эмоции, как обозначает само слово (emotion – англ. сдвигаться), вы сдвигаетесь прочь, вы выбрасываетесь, – благопристойное эго регрессирует, отходит в сторону и его место занимает нечто другое. Мы говорим: «В него вселился бес», или «Он вышел из себя», или «Что им сегодня владеет», так как этим он напоминает человека, который одержим. Первобытный

человек не скажет, что он сердит без меры; он говорит, что дух вошел в него и полностью изменил. Нечто подобное случается с эмоциями. Вас что-то держит, вы больше не вы, и ваш самоконтроль сведен практически к нулю. Это и есть то состояние, когда внутренняя сторона психики человека завладевает им, чему он не в силах помешать. Конечно, он может сжать кулаки и сохранить спокойствие, но тем не менее в данный момент им владеет тень.

Четвертый, важный эндопсихический фактор я называю инвазией, или вторжением. Здесь теневая сторона, сфера бессознательного имеет полный контроль и может даже нарушить условия существования сознания. Сознательный контроль в подобных случаях – наименьший. Сюда относятся и те состояния человеческой жизни, которые необязательно называть патологическими, они патологичны лишь в старом смысле этого слова, когда патология означала науку страстей. Любой может лишиться сознания более или менее «нормальным» образом. Подобные вещи считаются совершенно естественными среди первобытных народов. Они, к примеру, говорят, о дьяволе или духе, вошедшем в человека, или о его Душе, покинувшей тело – одной из его разных душ – часто насчитывающихся до шести. Когда душа покидает человека, он оказывается в неустойчивом состоянии, поскольку лишается себя и вынужден страдать от утраты. Подобное можно часто наблюдать и у пациентов-невротиков. Время от времени они вдруг теряют энергию, теряют себя. Этот феномен сам по себе не патологичен, но если такие явления становятся привычными, мы вправе говорить о неврозе. Подобные вещи ведут к неврозам, однако у нормальных людей также бывают такие исключительные состояния. Иметь непреодолимые эмоции само по себе не патология, просто это нежелательно. Пограничные явления не патологичны, но могут привести к неврозу.

ДИСКУССИЯ ПЕРВАЯ

Доктор Джеймс Хэдфилд:

В каком смысле вы употребляете слово «эмоция»? У нас многие считают эмоцией то, что вы называете «чувством». Придаете ли вы термину «эмоция» какое-то особое значение?

Профессор Юнг:

Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что употребление слова «эмоция» связано со множеством ошибок и недоразумений. Естественно, каждый волен пользоваться словами по своему усмотрению, однако в научном языке вы обязаны придерживаться четких разграничений, чтобы всем было понятно, о чем идет речь. Если вы помните, я определяю «чувство» как ценностную функцию и не связываю с этим никакого особого смысла. Я считаю, что чувство является рациональной функцией в том случае, если оно дифференцировано. Случается и так, что чувство носит недифференцированный характер, тогда ему присущи архаические свойства, которые можно резюмировать как «неразумные». Однако сознательное чувство — это всегда рациональная функция, служащая для различения ценностей.

Занимаясь эмоциями, вы обязательно заметите, что слово «эмоциональный» применяется для описания состояний, характеризующихся физиологическим возбуждением.

Поэтому эмоции в определенной степени поддаются измерению, не в психической, а в своей физиологической части. Вам известна теория аффектов Джемса–Ланге (*Эту теорию независимо друг от друга сформулировали Уильям Джемс и датский физиолог Ланге (не путать с русским психологом Н. Н. Ланге. — Пер.), поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых.*). Я рассматриваю эмоцию как аффект, эмоция — это нечто такое, что воздействует на вас (affects you). Такое вмешательство что-то делает с вами. При эмоциях вас заносит, вы выходите из себя, вас как будто выбрасывает куда-то взрывом. В этот момент можно наблюдать физически выраженное физиологическое состояние. Вот тут-то и пролегает различие: чувство не имеет зримых физических или физиологических проявлений, в то время как эмоция характеризуется изменением физиологического состояния. Согласно теории аффектов Джемса–Ланге вы действительно находитесь в эмоциональном состоянии лишь в том случае, если замечаете общее изменение вашего физиологического состояния. Это наиболее заметно в ситуации, когда вас должен охватить гнев. Вы знаете, что сейчас разозлитесь, затем начинаете чувствовать, как лицо наливается кровью, и лишь тогда — но никак не раньше — вас действительно охватывает гнев. До этого вы всего лишь знаете, что сейчас разозлитесь, но как только кровь подступает к голове, вы уже действительно злитесь, ибо воздействие претерпевает ваше тело, и поскольку вы видите, что возбуждены, вас это злит вдвойне. Теперь вы на самом деле охвачены эмоцией. Когда же у вас чувство, вы сохраняете контроль. Вы вполне владеете ситуацией и можете сказать: «У меня дивное чувство» или наоборот: «У меня на этот счет ужасное чувство». Все спокойно и ничего не происходит. Вы, например, можете совершенно спокойно, с милой улыбкой сообщить кому-то, что ненавидите его. Однако если вы говорите об этом со злобой, то значит вами овладела эмоция. Спокойные слова не вызовут ни у вас, ни у вашего собеседника прилива эмоций. Эмоции чрезвычайно заразительны, они являются реальными носителями психического заражения. Например, если вы находитесь в охваченной эмоциональным возбуждением толпе, вы ничего не можете с этим поделать — вами также завладевает эта эмоция. А вот чувства других людей вас нимало не волнуют, поэтому не удивительно, что носители дифференцированной чувственной функции охлаждают ваш пыл, в то время как эмоциональные личности своей непрерывной горячностью вызывают у вас возбуждение. Вы видите у них на лице пламя эмоций, это затрагивает вашу симпатическую систему, и вскоре нечто подобное происходит и с вами. С чувствами все иначе. Понятно я выразил свою мысль?

Доктор Генри В. Дикс:

Могу ли я в продолжение первого вопроса спросить о том, каково, на ваш взгляд, отношение между аффектами и чувствами?

Профессор Юнг:

Все дело в степени. Если для вас что-то чрезвычайно ценно, в определенный момент это может перерасти в сильную эмоцию; и произойдет это именно тогда, когда чувство достигнет той интенсивности, которая вызывает физиологическое возбуждение. Вероятно, все ментальные процессы вызывают определенные физиологические отклонения, которые,

однако, настолько невелики, что наши средства не позволяют их обнаружить. А вот для измерения эмоций, по крайней мере их физиологии, у нас есть прекрасный метод, основанный на психогальваническом эффекте (*Юнг, Петерсон. Психологические исследования с гальванометром и пневмографом у нормальных и душевнобольных людей (1907); Юнг, Рикшер. Дальнейшие исследования гальванического феномена и дыхания у нормальных и душевнобольных людей (1907). Обе работы вошли в кн.: Jung C.G. C.W. — Vol.2.*). Суть последнего состоит в том, что под влиянием эмоций падает электрическое сопротивление кожи. Под действием чувств этого не происходит.

Приведу один пример. Когда-то, работая в клинике, я провел с моим тогдашним профессором следующий эксперимент. Он отвечал на вопросы моего теста, будучи подключенным к аппарату, измеряющему психогальванический эффект. Я попросил его представить себе нечто крайне неприятное и даже болезненное, однако такое, о чем, как он знает, мне ничего неизвестно. Он сделал это. Подобный эксперимент не был для него в новинку, к тому же он обладал огромной способностью концентрации; когда он концентрировал на чем-то внимание, сопротивление кожи практически не изменялось, сила тока вообще не увеличивалась. Затем у меня мелькнула одна догадка. Однажды я заметил, что происходит нечто такое, что должно быть чертовски неприятно моему шефу. Я решил, что стоит попробовать, и просто сказал ему: «Дело, случайно, не в таком-то?» — и назвал одно имя. Мгновенно произошел всплеск эмоций. Это была эмоция, тогда как предыдущей реакцией было чувство.

Интересно, что при истерической боли сужение зрачков не наблюдается и она не сопровождается физиологическим возбуждением, хотя это весьма интенсивная боль. Физическая же боль обязательно вызывает сужение зрачков. Можно иметь сильное чувство, но это не влечет за собой изменения физиологического состояния. Как только происходит такое изменение, вы не владеете собой, вы теряете свою целостность; вас выставили из собственного дома, и в него вселился дьявол.

Доктор Эрик Грэхем Хоу:

Не можем ли мы сопоставить эмоцию и чувство соответственно с волей и познанием? Чувство подобно познанию, а эмоция сходна с волевым порывом.

Профессор Юнг:

— С философской точки зрения — да. У меня нет возражений.

Доктор Хоу:

Могу ли я сделать еще одно замечание? Мне кажется, что ваши четыре функции — ощущение, мышление, чувство и интуиция — последовательно соответствуют первому, второму, третьему и четвертому измерениям. Вы сами в связи с проблемой человеческой телесности воспользовались понятием «трехмерности»; кроме того, вы сказали, что интуиция отличается от остальных трех функций тем, что включает в себя временной аспект. Не следует ли из этого, что она соответствует четвертому измерению? На этом основании я полагаю, что «ощущение» соответствует одномерной, «перцептуальное познание» —

двухмерной, «концептуальное познание» (которое ближе всего по смыслу к вашему «чувству») - трехмерной, а интуиция — четырехмерной системе координат.

Профессор Юнг:

Это не лишено смысла. Поскольку интуиция действительно функционирует то так, словно нет пространства, то так, словно нет времени, можно сказать, что я ввел своего рода четвертое измерение. Но не следует при этом заходить слишком далеко. Понятие четвертого измерения не дает новых фактов. Интуиция чем-то похожа на «машину времени» Герберта Уэллса. Вспомните, вы садитесь в машину со специальным двигателем, и она вместо того, чтобы переместить вас в пространстве, несет вас во времени. У нее есть четыре цилиндра, три из которых видны хорошо, а четвертый — смутно, ибо он отвечает за время. К сожалению, интуиция в каком-то смысле подобна этому четвертому цилиндру. Существует такой феномен, как бессознательное восприятие, или, говоря иначе, неосознанное восприятие. Имеется эмпирический материал, который подтверждает существование этой функции. Это ведь весьма печальный акт: мой интеллект хотел бы видеть универсум ясно очерченным, без каких бы то ни было темных закоулков, но мир полон подобных туманностей. И тем не менее в интуиции я не вижу ничего мистического. Можете ли вы, например, с полной ясностью ответить на вопрос, что заставляет некоторых птиц преодолевать огромнейшие расстояния, или объяснить сложное поведение гусениц, бабочек, муравьев и термитов? Здесь возникает целый ряд вопросов. Или взять хотя бы факт наибольшей плотности воды при температуре 4°С. Почему происходит именно так? Почему энергия имеет квантовую природу? Да просто имеет — и все, и с этим ничего не поделаешь. Точно как тот пресловутый вопрос: «Почему Бог создал мух?» — Просто создал — и все.

Доктор Уилфред Р. Байон:

Почему, проводя эксперимент с профессором, вы просили его думать о чем-то болезненном для него и вам не известном? Как вы считаете, имеет ли какое-то значение тот факт, что при повторном эксперименте он понимал, что вам что-то известно об этом неприятном для него случае, и это вызвало различие в реакциях, наблюдавшихся в двух описанных вами случаях?

Профессор Юнг:

Да, безусловно. Я исходил из того, что для меня более приемлемо, если я знаю, что моему партнеру ничего не известно; если же я знаю, что и ему об этом известно, это совсем другое дело, это для меня невыносимо. В жизни каждого врача есть такие неприятные случаи, о которых коллегам лучше не знать. Я был почти уверен, что он взорвется, как мина, как только я намекну ему о том, что я в курсе дела. И он действительно взорвался. Таковы мои соображения на этот счет.

Доктор Эрик Б. Штраус:

Не мог бы доктор Юнг более ясно объяснить, что он имеет в виду, когда называет чувство рациональной функцией. Еще я не совсем понял, что доктор Юнг понимает под самим чувством. Большинство из нас, употребляя термин «чувство», имеют в виду некие

полярные качества, типа наслаждения и страдания, напряжения и расслабления. Далее, доктор Юнг считает, что различие между чувством и эмоцией заключается лишь в степени. Если дело всего лишь в степени, почему тогда он располагает их, так сказать, по разные стороны границы? И наконец, доктор Юнг считает, что одним из критериев, или даже основным критерием, является тот факт, что, в отличие от эмоций, чувство не сопровождается изменением физиологического состояния. Как мне кажется, эксперименты, проведенные профессором Фрейндлишером (*Возможно, это ошибка стенографиста: скорее всего имеется в виду Якоб Фрейндлих, проводивший эксперименты с электрокардиограммами.*) из Берлина, ясно показали, что простые чувства (наслаждение и страдание, напряжение и расслабление) на самом деле сопровождаются физиологическими изменениями; так, например, с помощью современной аппаратуры можно очень точно зарегистрировать сопутствующие чувствам изменения кровяного давления.

Профессор Юнг:

Это правда, что чувства, если они носят эмоциональный характер, сопровождаются физиологическими эффектами; однако, безусловно, есть и такие чувства, которые не вызывают изменений в физиологическом состоянии. Эти чувства имеют не эмоциональную, а четко выраженную ментальную природу. Таково проводимое мною различение. Поскольку чувство является оценочной функцией, легко понять, что это вовсе не физиологическое состояние. Это может быть нечто столь же абстрактное, как и мышление. Вы ведь не считаете абстрактное мышление физиологическим состоянием. Термин «абстрактное мышление» говорит сам за себя. Дифференцированное мышление является рациональным; точно так же может быть рациональным и чувство, несмотря на всеобщую терминологическую путаницу.

Нам нужно найти какое-то слово для обозначения оценочной функции. В отличие от прочих, термин «чувство» является вполне подходящим. Бесспорно, вы можете найти какое-то другое слово, необходимо лишь специально это оговорить. Я бы вовсе не возражал, если бы большинство мыслящих людей пришло к выводу о том, что «чувство» является неудачным наименованием для данной функции. Раз вы говорите, что было бы лучше найти для этих целей какой-то другой термин, так, будьте добры, найдите его, ибо факт остается фактом: оценочная функция существует, и поэтому мы должны ее как-то назвать. Обычно ценностный аспект передается словом «чувство». Однако я совершенно не намерен цепляться за слова. В этом отношении я абсолютно либерален. Просто, употребляя тот или иной термин, я всегда сначала даю определение того, что в данном случае имею в виду. Если кому-то хочется считать, что чувство — это эмоция или причина повышения кровяного давления, у меня нет возражений. Но я вкладываю в это слово иное значение. Если люди придут к выводу, что в предложенном мной смысле употреблять слово «чувство» нельзя, я тоже не буду возражать. В немецком языке есть слова Empfindung и Gefuhl. Если вы почитаете Гете или Шиллера, то заметите, что и поэты путают эти два понятия. Немецкие психологи уже давно настаивают на том, что слово Empfindung для обозначения чувства употреблять нельзя. Они предлагают называть словом Gefuhl (чувство) оценочную функцию, а словом Empfindung — ощущение. В наши дни уже никто из психологов не скажет: «чувства

моих глаз, ушей или кожи». Люди, конечно, говорят, что у них «какое-то чувство под ложечкой» или еще где-то, но в научном языке это уже невозможно. Если отождествлять эти два понятия, то было бы позволительно выразить словом Empfindung состояние высшей экзальтации, однако это будет звучать точно так же, как, например, на французском фраза «les sensations les plus nobles de 1'amour» (*«Благороднейшее ощущение любви». — Ред.*). Над вами будут смеяться. Это звучит нелепо и шокирующе!

Доктор Эдвард А. Беннет:

Вы считаете, что у человека, страдающего маниакальной депрессией, в период депрессии высшая функция остается сознательной?

Профессор Юнг:

Я бы не сказал. Наблюдая случаи маниакальной депрессии, вы заметите, что в маниакальной фазе превалирует одна функция, а в депрессивной — другая. Например, если в маниакальной фазе человек настроен живо и оптимистично, мил и привлекателен и ни о чем особо не думает, то как только начинается депрессия, он становится крайне задумчивым, его начинают угнетать навязчивые мысли. У меня есть информация о нескольких склонных к маниакальной депрессии интеллектуалах. В маниакальной фазе они свободно мыслят, причем мыслят весьма ясно, тонко и продуктивно. Затем наступает депрессивная фаза, и у них появляются навязчивые чувства, их одолевает ужасное настроение, но заметьте: именно настроение, а не мысль. Все это, конечно, психологические тонкости. Лучше всего наблюдать эти процессы у людей лет сорока или чуть старше, которые долгое время вели специфически интеллектуальный образ жизни, или же тех, что жили чувствами, ценностями, но внезапно все перевернулось с ног на голову. Есть целый ряд интересных случаев подобного рода. Имеются замечательные литературные иллюстрации, например, Ницше. Это наиболее впечатляющий пример психологической метаморфозы в зрелом возрасте. В молодые годы Ницше мыслил во французском афористическом стиле, однако позднее, в возрасте тридцати восьми лет, при написании «Заратустры» его охватило дионисийское неистовство, полностью отрицающее все, что было написано раньше.

Доктор Беннет:

А меланхолия не экстравертивна?

Профессор Юнг:

Так нельзя сказать, поскольку это несоизмеримые понятия. Сама по себе меланхолия может быть определена как интровертивное состояние, однако все не так однозначно. Называя какого-то человека интровертом, вы имеете в виду, что, в принципе, он более склонен к интроверсии, но ему присущи и элементы экстраверсии; всем нам присуще и то и другое, иначе мы были бы не в состоянии приспосабливаться, влиять на окружающих, и вообще были бы вне себя. Депрессия — это всегда интровертивное состояние. Меланхолик погружается в своего рода эмбриональное состояние, и поэтому у него можно обнаружить массу специфических физических симптомов.

Доктор Мэри К. Лафф:

Поскольку профессор Юнг определил эмоцию как охватывающее индивида навязчивое состояние, мне не ясно, как он различает «инвазию» и «аффекты».

Профессор Юнг:

Порой вы переживаете так называемые «патологические» эмоции, сталкиваясь при этом с весьма специфическими проявлениями этих эмоций — мыслями, которые вам никогда не приходили в голову; причем порой это чудовищные мысли или фантазии. Например, некоторые люди, будучи сильно разгневаны, жаждут не просто мести, а воображают ужасающие планы убийства своего врага, с отрезанием рук или ног и тому подобные жестокости. Это не что иное, как вторжение (*Invading (ср.: invasion — инвазия). — Ред.*) фрагментов бессознательного, и если речь идет о совершенно патологической эмоции, то перед нами действительно состояние помутнения сознания: человек находится в бреду и делает абсолютно безумные вещи. Это и есть инвазия. В принципе, это патология, но фантазии подобного рода не исключены и в пределах нормы. Я слыхал, как вполне невинные люди говорили: «Я раздеру его в клочья», и их действительно посещают подобные кровавые фантазии; они и впрямь готовы «размозжить голову» своему врагу; им представляется, что они совершают то, что в спокойном состоянии просто называется метафорой. Когда эти фантазии оживают и люди начинают бояться самих себя, мы говорим об инвазии.

Доктор Лафф:

Может быть, это то, что вы называете психозом спутанности?

Профессор Юнг:

Это может быть вообще не психоз. Вовсе не обязательно, чтобы это была патология; подобное случается и с нормальными людьми, когда они оказываются во власти определенных эмоций. Однажды я пережил очень сильное землетрясение. Это было впервые в моей жизни. Я был буквально поглощен идеей о том, что земля — это не твердыня, а шкура гигантского животного, которое встает на дыбы подобно лошади. Эта фантазия преследовала меня до тех пор, пока я не вспомнил, что точно так же объясняют землетрясение японцы: это ворочается огромная саламандра, несущая на себе землю (Согласно японской легенде, большую часть Японии несет на себе гигантских размеров рыбокот — mamazu, и если его потревожить, он начинает вертеть головой или хвостом, вызывая тем самым землетрясение. Данная тема широко представлена в японском искусстве.). Таким образом, я удовлетворился тем, что это была внезапно всплывшая в сознании архаическая идея. Подобное событие мне кажется весьма примечательным и, самое главное, вовсе не патологическим.

Доктор Бернард Д. Хэнди:

Не хочет ли профессор Юнг сказать, что аффект вызван определенным физиологическим состоянием, или же что само это физиологическое изменение является результатом, скажем так, инвазии?

Профессор Юнг:

Вопрос о связи души с телом очень сложен. Вам известно, что согласно теории Джемса–Ланге аффект является результатом физиологических изменений. Ответ на вопрос, какой фактор является доминирующим — тело или дух, — всегда зависит от темперамента отвечающего. Те, кто в силу своего темперамента предпочитают теорию первичности тела, скажут, что ментальные процессы являются эпифеноменами физиохимических процессов. Те же, кто верит в дух, выскажутся противоположным образом; по их мнению, тело — лишь придаток разума, и причиной всего выступает дух. Это подлинно философский вопрос, а поскольку я философом не являюсь, то и не предлагаю никакого решения. Из опыта мы знаем лишь о том, что некоторым непонятным для нас образом телесные и духовные процессы совпадают. Наш жалкий разум не в состоянии помыслить тело и дух как единое целое; вероятно, это и есть одно целое, мы просто не можем себе этого представить. Современной физике свойственны аналогичные затруднения; вы только посмотрите, что происходит со светом! Свет ведет себя то как колебание, то как корпускула. Потребовалась очень сложная математическая формула Луи де Бройля для того, чтобы человеческий разум смог осознать, что колебания и корпускулы суть наблюдаемые при различных условиях проявления одной и той же фундаментальной реальности (*Луи Виктор де Бройль, французский физик, лауреат Нобелевской премии в области физики за 1929 год, открыл волновой характер электронов. Вместо использованных Юнгом терминов «колебание» и «корпускула» сейчас более употребительны «волна» и «частица».*). Это положение невозможно помыслить, но вы вынуждены принять его как постулат.

Аналогично, неразрешимой проблемой является и так называемый психофизический параллелизм. Взять хотя бы для примера брюшной тиф с его психическим синдромом. Если вы ошибочно примете психический фактор за определяющий, это повлечет за собой нелепые выводы. Факты же таковы, что определенные физиологические состояния явно вызваны душевным расстройством, а другие не обусловлены, а лишь сопровождаются определенными психическими процессами. Тело и душа суть два аспекта единого живого существа — это все, что нам известно. Поскольку мы не в состоянии помыслить их вместе, я предпочитаю говорить, что эти две вещи совпадают неким чудесным образом. Для себя лично я создал термин, делающий это сосуществование наглядным; я предполагаю, что в мире действует определенный принцип синхроничности (*См.: Jung C.G. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle// C.W. — Vol.8. Русс, перевод: К. Г. Юнг, Синхроничность. М.: Рефл–бук; К.: Ваклер, 1997.*), благодаря которому есть вещи, которые определенным образом совпадают и ведут себя так, как если бы они были одно и то же, хотя нам они представляются совершенно различными. Возможно, в один прекрасный день будет найден новый математический метод, позволяющий доказать, что происходит нечто в этом роде, однако в настоящий момент я не в состоянии сказать, что главенствует — душа или тело, или же они просто сосуществуют.

Доктор Лоуренс Дж. Бандит:

Мне не совсем понятно, в каких случаях инвазия становится патологической. В первой половине вашего рассказа вы убеждали нас в том, что это происходит тогда, когда она

входит в обыкновение. Чем же патологическая инвазия отличается от образов поэтического вдохновения и творческих идей?

Профессор Юнг:

Между поэтическим вдохновением и инвазией нет никакой разницы. Это абсолютно одно и то же, и как раз поэтому я избегаю слова «патология». Я никогда не назову поэтическое вдохновение патологией, ибо, на мой взгляд, это совершенно нормальное состояние. В этом нет ничего плохого, ничего выходящего за пределы нормы. Вследствие этого я делаю исключение и для инвазии. К счастью, человек устроен так, что вдохновение приходит внезапно и чрезвычайно редко, но все же приходит. И вот, поскольку ясно, что патологические явления происходят в принципе таким же образом, мы вынуждены где-то провести грань. Предположим, что вы все занимаетесь психиатрией; я рассказываю вам случай одного человека, и вы все уверены, что он душевнобольной. Однако я могу вам возразить, сказав, что раз ему удалось мне все толком объяснить, раз у нас с ним возник контакт, он вовсе не сумасшедший. Сумасшествие — это крайне относительное понятие. Например, если чернокожий ведет себя специфическим образом, мы говорим: «Ну что с него возьмешь, это же негр», — но когда точно так же поступает белый человек, мы говорим: «Он с ума сошел», — ибо, на наш взгляд, белый человек так себя вести не может. От чернокожего чего-то подобного уже ожидают, а от белого — нет. Быть сумасшедшим — это социальное понятие; для того чтоб распознать психические расстройства, мы пользуемся социальными мерками. Например, речь идет о каком-то своеобразном человеке, который ведет себя неожиданным образом и выдвигает странные идеи; случись ему жить в маленьком городке где-нибудь во Франции или в Швейцарии, про него скажут: «Оригинальный парень, один из самых оригинальных обитателей нашего местечка». Но попадись он врачам (*В первом издании 1935 г. употреблено словосочетание «Harley Street»; Harley Street — улица в Лондоне, на которой расположены кабинеты преуспевающих врачей, поэтому данное сочетание имеет переносный смысл «врачи», медицина».*), и окажется, что перед вами — безумец. Или другой пример: вы считаете человека оригинальным художником, но если вдруг он станет работать кассиром в банке, у банка будут неприятности, и все сразу же скажут, что этот парень — полный идиот. Но все это чисто социальные соображения. Нечто подобное мы можем наблюдать в психиатрических клиниках. Причина того, что больницы забиты до отказа, отнюдь не в абсолютном возрастании числа душевнобольных — мы просто перестали мириться с теми, кто не соответствует норме, хотя все же приходится признать, что сейчас сумасшедших больше, чем прежде. В юности я знавал людей, которые, как я сейчас понимаю, были просто шизофрениками. Мы же говорили: «Дядюшка такой-то — большой оригинал». В моем родном городке было несколько слабоумных, но о них никогда не говорили: «Он полный осел» — или что-то в этом роде, а наоборот, говорили: «Он — просто прелесть». Точно так же некоторых идиотов называют «кретинами» (это идет от французского «il est bon chretien» *«Он добрый христианин» — Ред*). Вряд ли к этому можно что-то добавить, разве что признать, что все они действительно добрые христиане.

Председательствующий:

Дамы и господа, я считаю, что нынешним вечером мы должны избавить профессора Юнга от дальнейших трудов и выразить ему глубокую признательность.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Вчера мы рассмотрели функции сознания. Сегодня я хочу закончить с проблемой структуры психики. Обсуждение человеческого разума, целостной психической сферы будет неполным, если мы не включим сюда существование бессознательных процессов. Вчера я уже говорил о том, что мы не можем иметь непосредственный контакт с бессознательными процессами, так как они для нас непостижимы. Бессознательное дает о себе знать только в своих продуктах, и нам остается только постулировать его как таковое на основании специфичности этих продуктов; утверждать, что существует нечто, состоящее у истоков их возникновения. Мы называем эту темную сферу бессознательным психическим.

Эктопсихические содержания сознания вытекают прежде всего из окружающей среды посредством чувственных данных. Существуют и другие источники, такие как память и процессы суждения, иначе – субъективные компоненты. Последние относятся к эндопсихической сфере. Третьим источником осознанных содержаний является темная сфера разума – бессознательное. Мы приближаемся к ней благодаря свойствам эндопсихических функций, которые не контролируются волей. Эти функции – как раз то самое средство, благодаря которому бессознательное содержание достигает поверхности сознания.

Бессознательные процессы не фиксируются прямым наблюдением, но их продукты, переходящие через порог сознания, могут быть разделены на два класса. Первый содержит познаваемый материал сугубо личностного происхождения; эти программы являются индивидуальными приобретениями или результатами инстинктивных процессов, формирующих личность как целое. Далее следуют забытые или подавленные содержания и творческие процессы. Относительно их ничего особенного сказать нельзя. У некоторых людей подобные процессы могут протекать осознанно. Есть люди, сознающие нечто, не осознаваемое другими. Этот класс содержаний я называю подсознательным разумом или личностным бессознательным, потому что, насколько можно судить, оно всецело состоит из личностных элементов; элементов, составляющих человеческую личность как целое.

Есть и другой класс содержаний психики с очевидностью неизвестного происхождения; все события из этого класса не имеют своего источника в отдельном индувидууме. Данные содержания имеют характерную особенность – они мифологичны по сути. Специфика здесь выражается в том, что содержания эти принадлежат как бы типу. не воплощающему свойства отдельного разума или психического бытия человека, но, скорее, типу, несущему в себе свойства всего человечества, как некоего общего целого. Когда я впервые столкнулся с подобными явлениями, то был несколько удивлен и, убедившись, что наследственными факторами их не объяснишь, решил, что разгадка кроется в расовых признаках. Чтобы решить вопрос, я отправился в Соединенные Штаты и исследовал сны чистокровных негров, после чего, к великой радости, убедился, что искомые признаки ничего

общего с. так называемым кровным или расовым наследованием не имеют, как не имеют и личностного индивидуального происхождения. Они принадлежат человечеству в целом и, таким образом, являются коллективными по природе.

Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал архетипами, используя выражение Бл. Августина. Архетип означает типос (печать – imprint – отпечаток), определенное образование архаического характера, включающее равно как по форме, так и по содержанию мифологические мотивы. В чистом виде мифологические мотивы появляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре. Некоторые из них хорошо известны: фигура Героя, Освободителя, Дракона (всегда связанного с Героем, который должен победить его). Китом или Чудовищем, которые проглатывают героя. Мифологические мотивы выражают психологический механизм интроверсии сознательного разума в глубинные пласты бессознательной психики. Из этих пластов актуализируется содержание безличностного, мифологического характера, другими словами, архетипы, и поэтому я называю их безличностными или коллективным бессознательным. Я глубоко понимаю, что даю здесь лишь слабый эскиз понятия о коллективном бессознательном, требующим отдельного рассмотрения, но хочу привести пример, иллюстрирующий символическую основу явления и технику вычленения специфики коллективного бессознательного от личностного. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательные явления у негров, я считал, что все коллективные паттерны наследуются расовыми признаками либо являются «априорными категориями воображения», как их совершенно независимо от меня назвали французы Губерт и Маусс. Один негр рассказал мне сон, в котором появилась фигура человека, распятого на колесе. Нет смысла описывать весь сон, так как он не имеет отношения к разбираемой проблеме. Разумеется, он содержал личностный смысл, равно как и намеки на безличностные идеи, но нас здесь интересует только мотив. Негр был с юга, необразованный, с низким интеллектом. Наиболее вероятным было предположить, что исходя из христианской основы, привитой неграм, он должен был увидеть человека, распятого на кресте. Крест – символ личностного постижения. Но маловероятно предположить, что во сне он мог увидеть человека, распятого на колесе. Подобный образ весьма необычен. Конечно, я не могу доказать, что по «счастливой» случайности, он не увидел нечто подобное на картине или не услышал от кого-либо, но если ничего такого у него не было, то мы имеем дело с архетипическим образом, потому что распятие на колесе – мифологический мотив. Это древнее солнечное колесо, и распятие означает жертву богу-солнцу, чтобы умилостивить его, так как и человеческие жертвы и жертвы животных издавна приносились в целях повышения плодородия земли, т. е. солнце-колесо – очень архаичная идея, древнейшая из существовавших когда-либо у религиозных людей. Ее следы можно обнаружить в мезолите и палеолите, в чем убеждают родезийские скульптуры. Как показывает современная наука, изобретение колеса относится к бронзовому веку; в палеолите колеса как такового еще не существовало (оно не было изобретено). Родезийское колесо-солнце по возрасту сродни самым ранним наскальным изображениям животных, и поэтому является первым изображением, вероятно, архетипического образа-солнца. Но этот образ не является натуралистическим изображением, так как он всегда разделен на четыре или восемь частей (рис. 3). Этот образ, разделенный круг, является символом, который можно

обнаружить на протяжении всей истории человечества, а также и в снах наших современников. Можно предположить, что изобретение колеса началось с этого образа. Многие изобретения возникли из мифологических предчувствий и первобытных образов. К примеру, искусство алхимии – мать современной химии. Наш сознательный научный разум начался в колыбели бессознательного ума. Человек на колесе в сновидении негра является повторением греческого мифологического мотива Иксиона, который за свою обиду на людей и богов был привязан Зевсом к бесконечно вращающемуся колесу. Я привожу этот пример мифологического мотива во сне лишь для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, разумеется, еще не доказательство. Но в данном случае нельзя предполагать, что негр изучал греческую мифологию, и исключается возможность того, что он мог видеть какие-либо изображения греческих мифологических фигур. Тем более, что изображения Иксиона крайне редки. Я мог бы предоставить вам убедительные и подробные доказательства существования этих мифологических структур в бессознательном разуме. Но за недостатком времени я сначала раскрою вам значение сновидений и снов-сериалов, а затем предоставлю все исторические параллели, символизм идей и образов которых редко знаком даже специалистам. Мне пришлось работать годы, собирая материал. Когда мы займемся техникой анализа сновидений, я более подробно остановлюсь на разборе мифологического материала, а сейчас лишь хочу предварительно заметить, что в слое бессознательного содержатся мифологические паттерны и что бессознательное формирует содержания, которые невозможно предписать индивиду и которые, более того, могут оказаться в крайнем противоречии с личностной психологией сновидца. Поразительными порой оказываются и детские сновидения, символика которых подчас поражает глубиной мысли, настолько, что невольно воскликнешь сам себе: «Да как это возможно, чтобы ребенок мог такое увидеть во сне?».

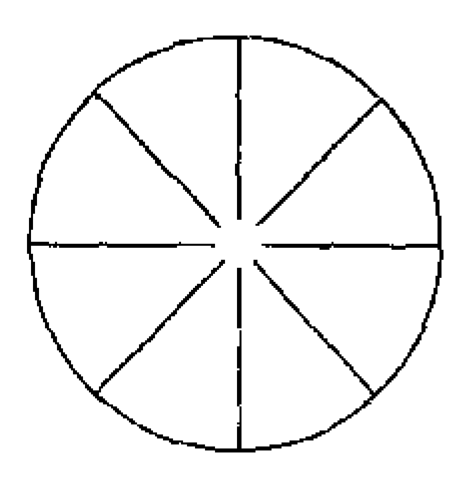

Рис. 3. Колесо-солнце

В действительности все достаточно просто. Наш разум имеет свою историю, подобно тому, как ее имеет наше тело. Возможно, кому-то и покажется удивительным, что человек имеет аппендикс. А знает ли он, что должен его иметь? Он просто рождается с ним, и все.

Миллионы людей не знают, что имеют зобную железу, однако они ее имеют. Так и наш бессознательный разум, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом. Исследование структуры коллективного бессознательного может привести к таким открытиям, какие делаются и в сравнительной астрономии. Не следует думать, что здесь прячется что-то мистическое. Хотя стоит мне заговорить о коллективном бессознательном, как меня сразу же стараются обвинить в обскурантизме. А речь идет всего лишь о новой области науки, и допущение существования коллективных бессознательных процессов граничит с тривиальным здравым смыслом. Возьмем ребенка: он не рождается с готовым сознанием, но его разум не есть табула раса (tabula rasa). У младенца наличествует определенный мозг, и мозг английского ребенка будет действовать не так, как у австралийца, но в контексте жизненных путей современного гражданина Англии. Сам мозг рождается с определенной структурой, работает современным образом, но этот же самый мозг имеет и свою историю. Он складывается в течение миллионов лет и содержит в себе историю, результатом которой является. Естественно, что он функционирует со следами этой истории, в точности подобным телу, и если поискать в основах мозговой структуры, то можно обнаружить там следы архаического разума.

Идея коллективного бессознательного действительно очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде. Но я вовсе не торгую чудесами, а исхожу из опыта. С моим опытом вы бы пришли к таким же выводам по поводу этих архаических мотивов. Случайно «вступив» в мифологию, я всего-навсего прочел больше книг, нежели, возможно, вы.

Так вот, однажды, когда я работал в клинике, случился пациент с диагнозом шизофрении и весьма своеобразными видениями. Он рассказал мне об этих видениях и предлагал при этом «взглянуть тоже». Чуть позже я натолкнулся на книгу одного исследователя из Германии (Albrecht Dieterich, «Eine Mithras-liturgie»), опубликовавшего главу о магическом папирусе. Я прочел ее с большим интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего лунатика «слово в слово». Это меня потрясло. Как могло оказаться, чтобы мой клиент мог увидеть подобное? И это был не просто один образ, но серия, и в книге буквально все повторялось. Данный случай я опубликовал в «Символах трансформации».

Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, – это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одни и те же. Подобно анатомической схожести тел, имеющих два глаза, два уха, одно сердце и т. д., с несущественными индивидуальными различиями, разумы также схожи в своей основе. Это легко понять, изучая психологию первобытных людей. Наиболее ярким фактом в мышлении первобытных является отсутствие различия между индивидуумами, совпадение субъекта с объектом, как определил Леви-Брюль, мистическое участие (participation mystique). Первобытное мышление выражает основную структуру нашего разума, тот психологический пласт, который в нас составляет коллективное бессознательное, тот низлежащий уровень,

который одинаков у всех. Поскольку базовая структура мозга и разума одна и та же у всех, то функционирование на этом уровне не несет в себе каких-либо различий. И здесь мы не осознаем происходящее с вами или со мной. На низлежащем коллективном уровне царит целостность, и никакой анализ здесь невозможен. Если же вы начинаете думать о сопричастности, как о факте, означающем, что в своей основе мы идентичны друг другу во всех своих проявлениях, то неизбежно приходите к весьма специфическим теоретическим выводам. Дальнейшие рассуждения на этот счет нежелательны и даже таят в себе опасность. Но некоторые из этих выводов вы должны использовать на практике, поскольку они помогают в объяснении множества вещей, составляющих жизнь человека.

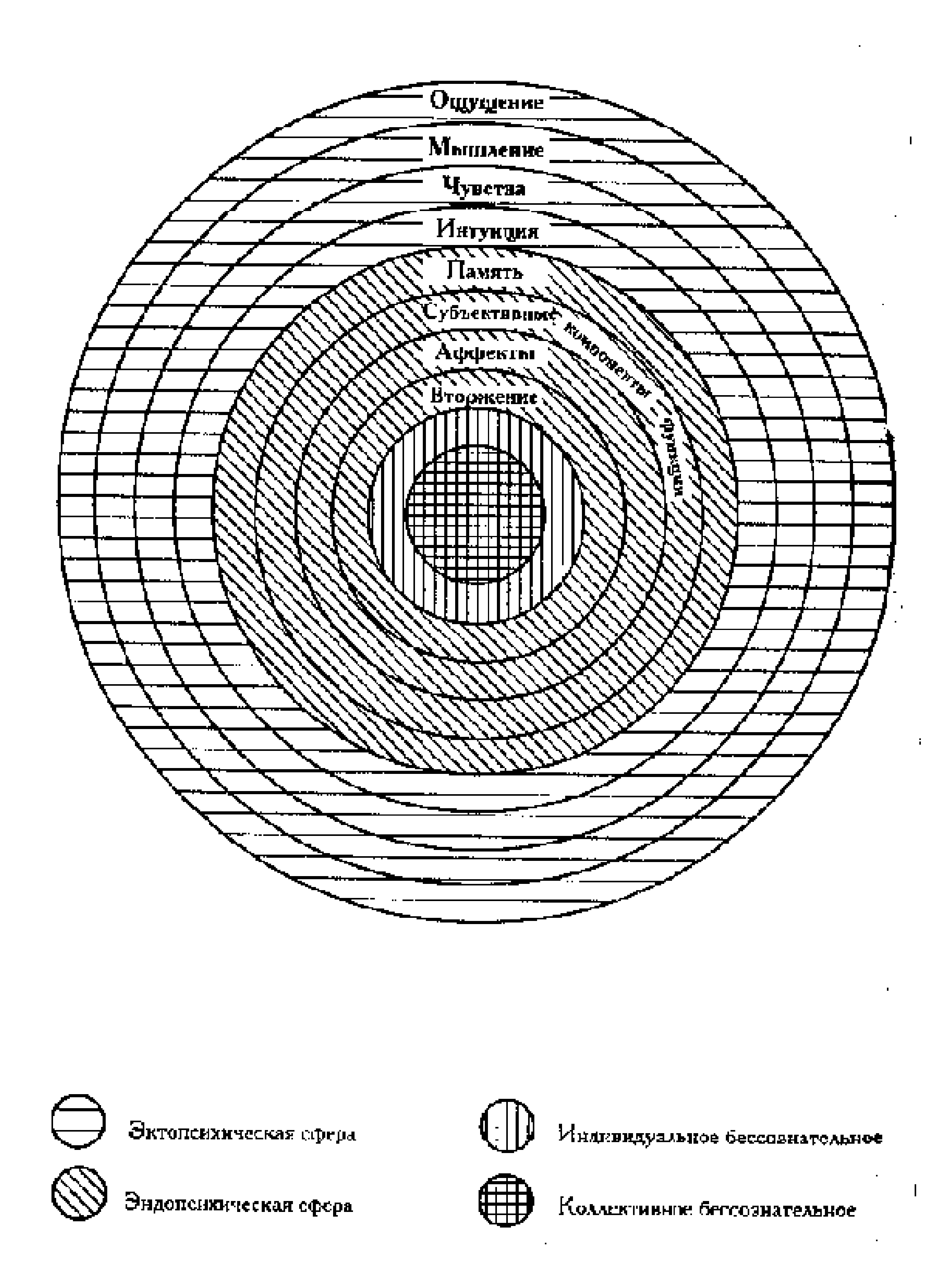

Рис 4 Структура психического бытия человека

Я хочу подытожить сказанное, используя диаграмму (рис. 4).

На первый взгляд изображенное здесь может показаться сложным, но, в сущности, все выглядит достаточно просто. Представьте, что наша ментальная сфера выглядит наподобие светящегося глобуса. Поверхность, из которой выходит свет, является доминирующей функцией личности. Если вы человек, адаптирующийся в окружающем мире, главным образом, с помощью мышления, то ваша поверхность и будет поверхностью мыслящего человека. Ведь вы осваиваете мир вещей и событий путем мышления, и, следовательно, то, что вы при этом демонстрируете, и есть ваше мышление. Если же вы принадлежите к другому типу, то налицо будет проявление другой функции.

На диаграмме в качестве периферической функции выступает ощущение. С его помощью человек получает информацию о внешнем мире. Второй круг – мышлеше: на основании информации, полученной от органов чувств, человек дает предмету имя. Затем идет чувство, которое будет сопутствовать его наблюдениям. И, в конце концов, человек осознает, откуда берутся те или иные явления и что может произойти с ними в дальнейшем. Это интуиция, с помощью которой мы «видим в темной комнате». Эти четыре функции формируют эктопсихическую систему.

Следующая сфера в диаграмме представляет сознательный ЭГО-комплекс, к которому обращены функции. Начнем по порядку: память, функция, контролируемая волей и находящаяся под контролем ЭГО-комплекса. Субъективные компоненты функций могут быть подавлены или усилены силой воли. Эти компоненты не так контролируемы, как память, хотя и она, как вы знаете, несколько ненадежна. Теперь мы переходим к аффектам и инвазиям, которые контролируются одной только силой. Единственно, что вы можете сделать, это пресечь их. Сожмите кулаки, чтобы не взорваться, ведь они могут оказаться сильнее вашего ЭГО-комплекса.

Разумеется, никакая психическая система не может быть отражена в такой грубой диаграмме. Это, скорее, шкала оценок, показывающая, как энергия или интенсивность ЭГО-комплекса, манифестирующая себя в волевом усилии, уменьшается по мере приближения к темной сфере – бессознательному. Прежде всего мы вступаем в личностное подсознание, некий порог в сфере бессознательного. Это часть психики, содержащая те элементы, которые могут быть осознанными. Многие вещи именуются бессознательными, но это относительно. Есть люди, для которых осознанно практически все, что может осознать человек. Конечно, в нашем цивилизованном мире есть много неосознанных вещей, хотя индусы, китайцы, к примеру, осознают то, к чему наши психоаналитики идут долгим, сложным путем. Более того, живущий в естественных, природных условиях человек удивительным образом осознает то, о чем городской житель просто не догадывается, а если и вспоминает, то лишь под влиянием психоанализа. Я обнаружил это еще в школе. Я жил в деревне, среди крестьян, и знал то, чего не знали другие мальчишки в городе. Просто мне представился случай и это во многом помогло мне. Анализируя сны или симптомы фантазий невротиков или обычных людей, вы проникаете в сферу бессознательного, вы переступаете этот искусственный порог.

Весьма примечательно то, что человек может развить свое сознание до такой степени, что может сказать: Ничто человеческое мне не чуждо. (Nihil humanum a me alienum puto).

В конце концов мы подходим к ядру, которое вообще не может быть осознано – сфере архетипического разума. Его возможные содержания появляются в форме образов, которые могут быть понятны только в сравнении с их историческими параллелями. Если вы не распознаете определенный материал как исторический и не проведете параллели, то не сможете собрать все содержания в сознании, и последние останутся проектированными (о проектировании см. Лекцию пятую. – Прим. перев.). Содержания коллективного бессознательного не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас и не существовали – их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе. К примеру, плохие абиссинцы нападают на итальянцев; или, как в известном рассказе Анатоля Франса: два крестьянина живут в постоянной вражде. И когда у одного из них спрашивают, почему он так ненавидит своего соседа, он отвечает: «Но ведь он на другом берегу реки!»

Как правило, когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится публичное помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Подобные движения очень заразительны – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой. Он не просто участвует в движении, он и есть само движение.

Вы человек, и где бы вы ни жили, вы можете защитить себя реально только путем ограничения сознания, опустошая себя, насколько это возможно. Вы всего лишь пылинка, крупица сознания, брошенная в океан жизни, существующий сам по себе. Но если вы не растворитесь и останетесь сами собой, то тут же заметите, что окружающая атмосфера поглощается вами. И вам не удастся избежать этого, потому что кем бы вы ни были – негром, китайцем, – все едино, ибо прежде всего вы – человек. В коллективном бессознательном все люди имеют похожие архетипы, независимо от цвета кожи. Различные уровни мышления отличают лишь истории рас.

Изучая северных американцев, я сделал интересные открытия: американец по причине того, что живет на земле аборигенов, несет в себе краснокожего индейца. Краснокожий, которого американец, возможно, никогда не видел, или негр, несмотря на всевозможные «только для белых», прочно вошли в американца и сделали его принадлежащим отчасти к нации «разноцветных». Эти вещи всецело бессознательны, и говорить о них следует лишь с просвещенными людьми. Нелегко, скажем, обсуждать с французом или немцем причины их взаимного недопонимания.

Не так давно я провел приятный вечер в обществе весьма образованных людей. Мы говорили о национальных различиях. «Вы цените ясность романского сознания, – сказал я, – поскольку проигрываете ему. Романское мышление в свою очередь уступает в сравнении с немецким». Все насторожились. Я продолжил: «Зато ваши чувства непревзойденны, вдобавок абсолютно дифференцированны. Ваше искусство может быть гротескным, циничным и тут же сентиментальным: мать теряет свое дитя, последняя любовь или что-то патриотическое – и тут же слезы на ваших глазах. Вы едите сладкое и соленое одновременно. Немец же целый вечер предпочитает сладкое. Француз при встрече обязательно скажет, что

ему приятно познакомиться, даже если он готов послать вас к черту. Немец же этим, ничего не значащим приветствиям поверит. Прислав вам из магазина пару подтяжек, помимо обычной платы он будет ждать вашей любви».

Для немцев вообще характерна подчиненность и недифференцированность чувственной функции. Если вы скажете об этом немцу, он оскорбится. Я бы тоже обиделся. Немец очень привязан к тому, что называется Gemutlichkeit, в переводе «уют». Комната, полная табачного дыма, где царит любовь и взаимопонимание, – это уютно и никто не вправе этот уют нарушить. Все было бы понятно, но необходимо сделать одно замечание: это и есть та самая «ясность» подчиненного немецкого чувства. С другой стороны – француз, для которого всякое парадоксальное высказывание обидно, поскольку неясно, и англичанин, который считает, что лучшие мысли всегда не совсем понятны. Я согласен с этим, то же самое происходит и с чувствами, мыслями. Правдивые чувства, в которых вы слегка сомневаетесь, принесут вам только наслаждение. Мысль, в которой нет мягких противоречий, не убедительна.

Теперь займемся вопросом: как достичь темной сферы человека? Я уже говорил вам, что это можно сделать с помощью трех методов анализа-текста словесных ассоциаций, анализом сновидений и методом активного воображения. Начнем с теста словесных ассоциаций. Многим он может показаться старомодным, но я часто им пользуюсь, даже в криминальных случаях.

Эксперимент прост: я читаю перечень из ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мной слово другим словом, своим. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое, пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера. Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слова-стимулы и испытуемый должен воспроизвести свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает «осечку» и воспроизведение оказывается с другим значением, либо вовсе затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя.

Исходная идея теста была утопична – ментальные ассоциации. Тест оказался слишком примитивен для этого. Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс-скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно болезненным, чувством. Комплекс – это то, что обычно тщательно скрывают. И тут словно острая молния пронзает толстый слой персоны и попадает в темный пласт сознания. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах «покупать», «деньги», «платить».

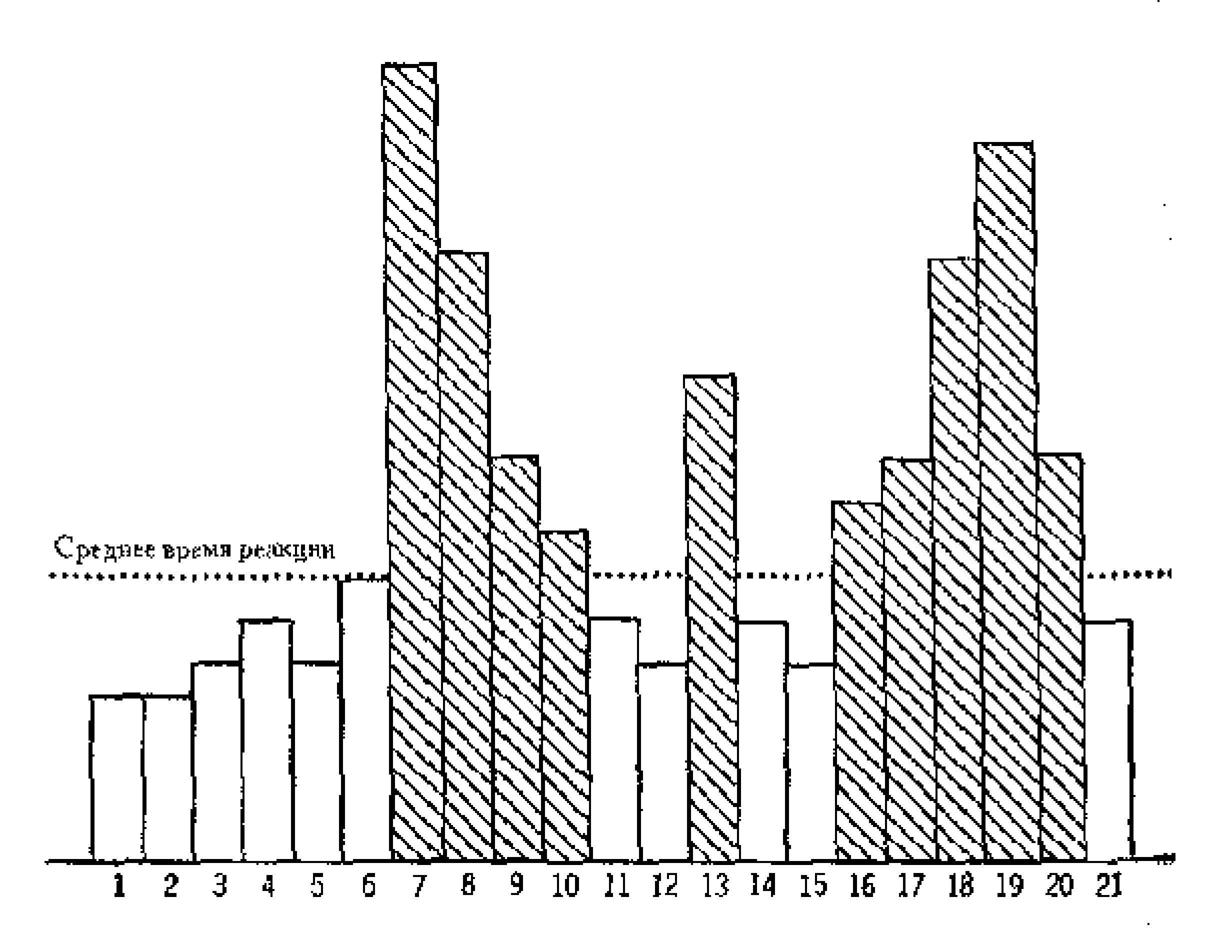

Рис. 5. Ассоциативный тест
Слова-стимулы: 7 — нож, 13 — копье, 16 — бить, 18 — острый, 19 — бутылка

Мы столкнулись более чем с двенадцатью различными типами нарушений реакции. Продление времени реакции наиболее важно. Чтобы выяснить что, необходимо рассчитать среднее время реакции тестируемого. Нарушения могут быть иного характера: реакция более чем одним словом; реакция не словесная, а выраженная мимикой, это может быть смех, движения тела, покашливание, заикание и т. д.; ассоциация может не соответствовать реальному значению стимулирующего слова; использование одних и тех же слов; использование иностранного языка; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции.

Эти реакции не контролируются волей, и поэтому всегда истинны. Результаты теста можно четко проиллюстрировать диаграммой (рис. 5). Высота колонок отражает время реакции на каждое слово. Штриховая горизонтальная линия показывает среднее время реакции. Белые колонки обозначают реакции без нарушений, а заштрихованные – нарушенные реакции, время которых превышает среднее. В реакциях 7-10 мы наблюдаем целую серию нарушений. Реакция 13 изолирована, но вслед за ней идет еще одна серия нарушений (16-20).

Необходимо отметить, что сам пациент не замечает в своих реакциях отклонений. Наиболее сильное нарушение мы наблюдаем в реакциях 18 и 19. В этом частном случае мы имеем дело с так называемой интенсификацией чувствительности через бессознательные эмоции: когда критическое слово вызвало стойкую реакцию, а следующее оказалось созвучно первому, можно ожидать большего эффекта, чем от серии обычных ассоциаций. Это называется эффектом усиления чувствительности.

Его применение в криминальных случаях может оказаться полезным. Для усиления эффекта критических слов-стимулов необходимо расположить их в определенной последовательности, чтобы они могли вызвать стойкую реакцию. Если тестируемый подозревается в совершении преступления, для него критическими будут слова-стимулы, имеющие прямой намек на преступление.

Тест, изображенный на рис. 5, был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с обычными людьми до того, как научился делать выводы из патологического материала. Если вы хотите знать, что беспокоило этого человека, взгляните на слова, вызывавшие нарушения. Свяжите их, и у вас получится неплохая история.

Итак, это был «нож», который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были «копье», «ударить», «острый», «бутылка». Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: «Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека…». Потрясенный, он во всем мне признался. Этот человек был из респектабельной семьи. Будучи заграницей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это; ибо не хотел осложнять себе жизнь.

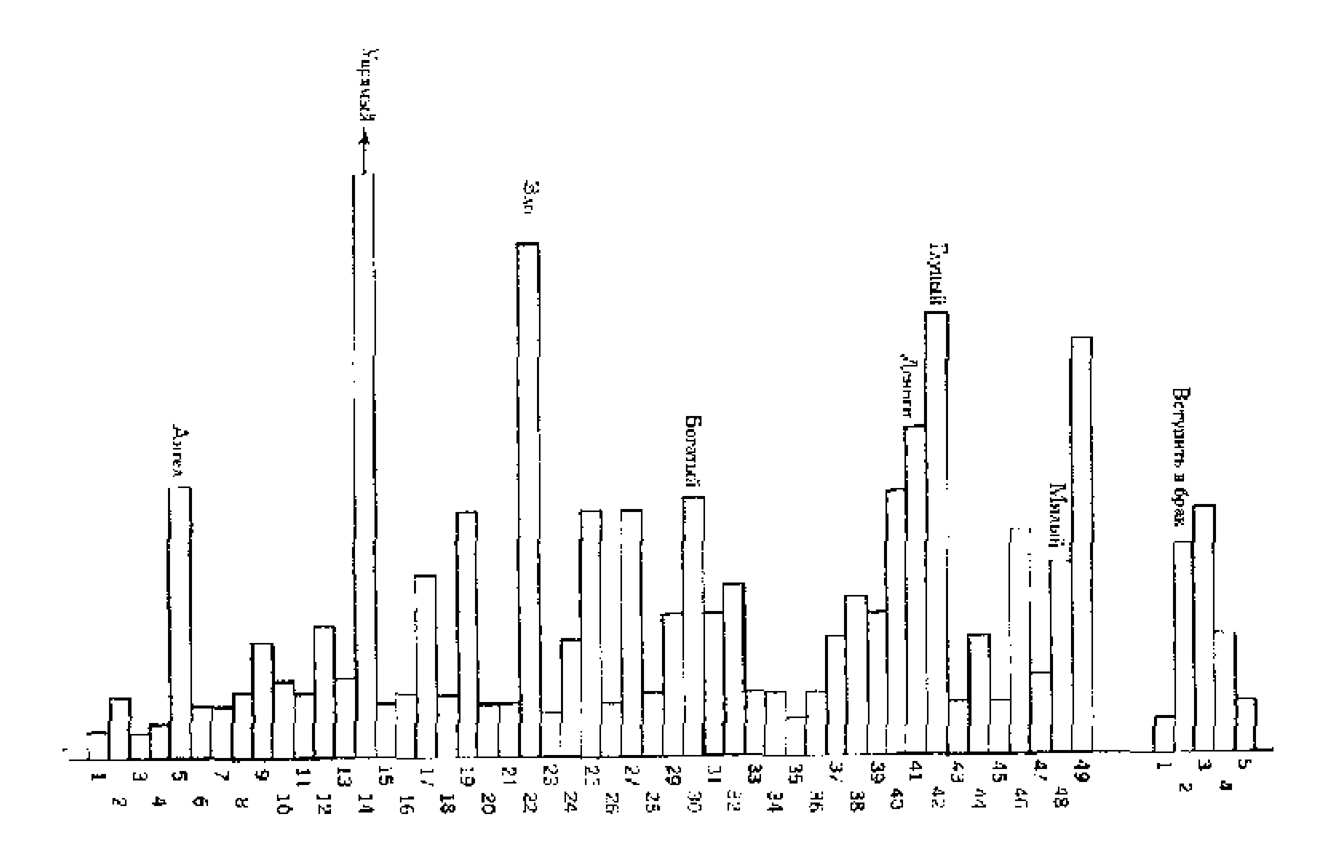

Рис. 6. Ассоциативный тест

Я приведу другой пример. Много лет назад, когда я был еще молодым доктором, пожилой профессор криминологии спросил меня об эксперименте, выразив свое недоверие. Я предложил ему попробовать тест на себе. Он согласился, однако после десяти слов устал, и мне пришлось довольствоваться ими. Я сказал ему, что совсем недавно его беспокоили денежные дела, что он боится умереть от сердечного приступа. Возможно, он учился во Франции, там у него было любовное приключение. И, как это часто бывает, когда человеку приходят в голову мысли о смерти, память приносит светлые воспоминания из далекого прошлого.Как я мог это знать? Это мог понять даже ребенок!

У человека семидесяти двух лет слово,,сердце» ассоциировалось с «болью», «смерть» с «умирать»; естественная реакция, вызванная боязнью смерти. На слово «деньги» он отреагировал обычно – «слишком мало». Следующие ассоциации поразили меня: на «плата» он, после некоторого раздумья, ответил «La Semeuse». Это известное изображение на французской монете. Мы говорили по-немецки, почему же он употребил французское «La Semeuse»? Пришла очередь слову «поцелуй», была долгая реакция и ответ – «красивый». Теперь я мог представить события связно. Он ни за что бы не использовал французский, если бы это не было связано с определенными ощущениями. Какими? Неприятности с французским франком? Нет, в те дни о девальвации франка не было и речи. Я сомневался – любовь или деньги, – что послужит ключом к разгадке, но реакция «поцелуй» – «красивый» убедила меня в том, что причина – любовь. Он был не из тех, кто ездит во Францию в зрелые

годы. Он был в Париже студентом-юристом, учился, возможно в Сорбонне. Теперь я мог с легкостью «соорудить» историю.

Бывают случаи, когда вы сталкиваетесь с настоящей трагедией. На рис. 6 представлен тест, проведенный с женщиной тридцати пяти лет. Она лежала в клинике с диагнозом «шизофрения депрессивного характера». Прогноз был удручающ. Она была моей подопечной, но я был не совсем согласен с таким диагнозом. Уже тогда у меня была своя точка зрения по поводу шизофрении: я думал, что все мы в какой-то мере сумасшедшие. Я сделал анамнез, но не обнаружил ничего, что могло бы пролить свет на ее болезнь. Тогда я применил тест на ассоциации и сделал с его помощью немаловажные открытия. Первое нарушение было вызвано словом «ангел», а полное отсутствие реакции повлекло за собой слово «упорный». У пациентки наблюдалось нарушение реакции на слова «зло», «богатый», «деньги», «глупый», «дорогой» и «женитьба». Эта женщина была замужем за преуспевающим и, по-видимому, довольным жизнью человеком. Я беседовал с ее мужем, и он лишь подтвердил ее слова о том, что депрессия началась спустя два месяца после смерти ее старшей четырехлетней дочери. Тест запутал меня окончательно, я не мог свести воедино и объяснить реакции моей пациентки. Вы тоже могли попасть в такую ситуацию, особенно если вы не так часто сталкивались с такого рода заболеваниями. Начните со слов, которые не отражают суть вашего теста. Если же вы сразу попросите охарактеризовать наиболее сильные раздражители, вы можете получить ложный ответ. Поэтому начните с„невинных» слов, и я обещаю вам честный ответ.

Я начал с того, что спросил у пациентки, значит ли для нее что-нибудь слово «ангел». Заплакав, она сказала, что это ребенок, которого она потеряла. Значение слова «упорный» пациентка отрицала, сказав, что оно для нее ничего не значит. Мне трудно было объяснить это. Затем последовала серьезная негативная реакция на„зло». Она просто отказалась отвечать. Я не мог вытянуть из нее ни слова. «Голубой» ассоциировалось у нее с глазами умершего ребенка: «Они были удивительно голубые, когда она родилась, но это не были глаза моего мужа…» В результате выяснилось, что глаза у девочки были похожи на глаза бывшего возлюбленного ее матери. Мне удалось расположить пациентку к рассказу.

В небольшом городе, где она росла, жил богатый молодой человек. Она была из обеспеченной, но не именитой семьи. Он – богатый аристократ. Герой, о котором мечтала каждая девочка в том маленьком городке. Она была хорошенькой, верила в себя и надеялась. Но родители сказали, что он богат, и вовсе не думает о ней. А вот мистер такой-то, милый человек, и почему бы ей не выйти за него замуж… Она вышла замуж и даже была счастлива первые пять лет своего супружества, до тех пор, пока ее не навестил старый друг детства. В отсутствие мужа он сказал ей, что она причинила боль одному джентльмену (имелся в виду Герой), что он был влюблен в нее, а ее брак был для него ударом. Это известие словно током пронзило нашу пациентку, но она сумела взять себя в руки. Через две недели она купала своих детей – мальчика двух и девочку четырех лет. Вода – это было не в Швейцарии – вызывала некоторые подозрения, как оказалось, она на самом деле была заражена тифозной палочкой. Мать заметила, что девочка тянет в рот губку для мытья, но не остановила ее. А когда мальчик попросил пить, она дала ему эту воду. В результате девочка заболела тифом и

умерла, мальчика спасли. Получилось то, чего она втайне хотела, – или дьявол в ней хотел, – возможность расторгнуть брак, с тем чтобы выйти замуж за другого. Получилось, что она совершила убийство. Сама она этого не знала: она излагала только факты, но выводы не делала. Но именно она была в ответе за смерть ребенка, поскольку знала, что опасность заражения была. Предо мной встал вопрос: сказать ей о том, что она убийца, или следует промолчать? Поясню, криминал ей не грозил, но «известие» могло бы ухудшить ее состояние. Учитывая неблагоприятный прогноз, я решил использовать шанс: если она осознает свой поступок, возможно выздоровление. Я собрался с духом и сказал: «Вы убили своего ребенка». Это был взрыв эмоций, они затмили все, но потом она пришла в себя. Через три недели мы ее выписали. Я наблюдал за ней в течение пятнадцати лет – рецидива не было. Депрессия психологически соответствовала ее случаю: она – убийца, и должна понести наказание. Но вместо тюрьмы она оказалась в психиатрической лечебнице. Возложив тягостную ношу на ее сознание, я фактически спас ее от кары безумия. Признание греха дает силы жить дальше, в противном случае человек обрекает себя на неизбежные страдания.

ДИСКУССИЯ ВТОРАЯ

Вопрос:

Я хочу напомнить о том, что было вчера. Уже ближе к концу лекции, когда речь шла о высших и низших функциях, Доктор Юнг сказал, что мыслительный тип в своей чувственной функции неизбежно архаичен. Мне хотелось бы знать, истинно ли обратное? Когда чувственный тип пытается мыслить, он что — мыслит архаически? И с другой стороны, должны ли мы неизменно видеть в мышлении и интуиции функции высшие в сравнении с чувством и ощущением? Я спрашиваю об этом потому, что ... насколько я понял из лекции, ощущение является низшей из сознательных функций, а мышление — высшей. В повседневной жизни мышление, ясное дело, представляется более значительным. Когда профессор — не наш, конечно, а вообще, — думает над своими исследованиями, сам он себя считает и другим представляется высшим типом — высшим по сравнению с крестьянином, который говорит: «Иногда я сижу и думаю, а иногда просто сижу».

Профессор Юнг:

Смею надеяться, что не дал вам повода считать, что я отдаю предпочтение какой-либо из функций. У конкретного индивида всегда наиболее дифференцирована его доминирующая функция, но таковой может быть любая из функций. У нас нет абсолютно никаких критериев, на основании которых можно было бы сказать, что та или иная функция сама по себе является наилучшей. Мы лишь можем сказать, что данный индивид лучше всего адаптируется с помощью своей дифференцированной функции и что наибольший ущерб от этого испытывает подчиненная функция: она как бы оказывается в тени высшей. В наше время есть люди, считающие интуицию высшей функцией. Утонченные люди предпочитают интуицию — это так тонко! Человек сенсорного типа всегда считает других людей ниже себя: он уверен, что им недостает реализма. Он один -реалист, а все остальные — фантазеры, которые далеки от реальности. Каждый считает, что его высшая функция является квинтэссенцией всего на свете. В этом вопросе мы все склонны к печальнейшим

заблуждениям. Для подлинного понимания связи функций в сознании необходим строгий психологический критицизм. Есть масса людей, считающих, что мышление способно решить все мировые проблемы. На самом деле нет такой истины, которую можно было бы установить без участия всех четырех функций. Помыслив мир, вы сделали лишь одну четвертую часть того, что положено; остальные три функции могут оказаться против вас.

Доктор Эрик Б. Штраус:

Профессор Юнг сказал, что ассоциативный тест является средством, с помощью которого можно изучать содержания индивидуального бессознательного. На самом деле в приведенных им примерах были обнаружены содержания сознания пациента, а не его бессознательного. Если бы кто-то захотел обнаружить бессознательный материал, ему бы пришлось сделать следующий шаг — заняться поиском свободных ассоциаций там, где наблюдались аномальные реакции. Я имею в виду ассоциации, связанные со словом «нож», из которых профессор Юнг столь ловко вывел историю о том несчастном случае. Все это присутствовало в сознании пациента, но если бы слово «нож» имело бессознательные ассоциации, мы должны были бы — будь мы фрейдистами — предположить, что оно связано с бессознательным комплексом кастрации или чем-то подобным. Я не говорю, что это так, но мне непонятно, что профессор Юнг имеет в виду, говоря, что посредством ассоциативного теста мы достигаем бессознательного пациента. В случае, рассмотренном сегодня, мы достигаем сознания, или того, что Фрейд, возможно, назвал бы предсознательным.

Профессор Юнг:

Я был бы очень рад, если бы вы внимательнее слушали, что я говорю. Я говорил, что бессознательные феномены очень относительны. Если я не осознаю нечто, то это лишь относительно; в каком-то ином отношении я могу об этом знать. В определенном смысле содержания индивидуального бессознательного совершенно сознательны, но мы их не осознаем, то ли в определенном отношении, то ли в определенный момент.

Как мы можем установить, является сознательным или бессознательным? Нужно просто спросить об этом самих людей. У нас нет никакого иного критерия для того, чтобы установить, сознательно ли это или нет. Вы спрашиваете: «Заметили ли вы у себя определенные колебания?» — и вам отвечают: «Нет, у меня не было никаких колебаний; насколько я знаю, я реагировал как обычно». — «Осознаете ли вы, что вас что-то обеспокоило?» — «Нет». — «У вас нет никаких воспоминаний, связанных с вашим ответом на слово «нож»?» — «Нет, никаких». Подобное неведение очень распространено. Если меня спросят, знаю ли я некоего человека, я могу сказать, что не знаю: я ведь просто могу его не вспомнить или, иначе говоря, не осознать, что знаю его; но когда мне скажут, что я встретил его два года назад, что его зовут так-то и так-то, что он сделал то-то и то-то, я отвечу: «Конечно, я его знаю». Я знаю его — и не знаю. Все содержания индивидуального бессознательного, включая даже комплексы кастрации и инцеста, бессознательны относительно. С одной стороны, они совершенно сознательны, а с другой -бессознательны. Относительность сознания становится совершенно очевидной в случае истерии. Очень часто

оказывается, что некоторые вещи, кажующиеся бессознательными, выглядят таковыми лишь для врача, а для медсестер или родственников — вовсе нет.

Как-то в известной клинике в Берлине мне довелось наблюдать интересный случай; речь шла о множественных саркомах спинного мозга, и хотя диагноз был поставлен знаменитым неврологом, перед которым я, можно сказать, трепетал, я все же настоял на проведении анамнеза, что дало великолепные результаты. Я спросил о том, когда появились симптомы, и выяснил, что все началось вечером того дня, когда единственный сын этой женщины женился и покинул ее. Она была вдовой, очевидно, обожавшей своего сына, и я сказал: «Это не саркома, а обычная истерия, в чем можно теперь же убедиться». Профессор ужаснулся, уж не знаю чему — моей глупости, бестактности или еще чему-то, и мне пришлось уйти. Но кое-кто побежал за мной на улицу. Это была медсестра, которая сказала: «Доктор, я хочу вас поблагодарить за то, что вы сказали, что тут была-таки истерия. Я всегда так думала».

Доктор Эрик Грэхем Хоу:

Могу ли я возвратиться к тому, что сказала доктор Штраус? Вчера вечером профессор Юнг упрекнул меня в произвольном употреблении слов, но, на мой взгляд, очень важно, чтобы эти слова были ясно поняты. Хотелось бы знать, задумывались ли вы над тем, что произойдет, если ассоциативный тест будет применен к словам «мистика» или «четвертое измерение»? Я уверен, что реакция всех существенно замедлится и всегда, когда будут упоминаться эти слова, вас будет охватывать сильнейшая ярость. Я предлагаю вернуться к идее четырехмер–ности, которая, как мне думается, со всем этим тесно связана и, следовательно, может помочь нам разобраться. Доктор Штраус использует слово «бессознательное», но его, как я. понял из высказываний профессора Юнга, как такового нет, есть лишь относительно бессознательное — в зависимости от степени осознанности. Согласно сторонникам Фрейда, имеется некое место, нечто, реальность, называемая бессознательным. Согласно профессору Юнгу, насколько я его понял, таковой не существует. У него речь идет об изменчивой среде отношений, а у Фрейда — о статичной среде безотносительных сущностей. Проще говоря, Фрейд трехмерен, а Юнг — в своей психологии в целом — четырехмерен. По этой причине я бы, с вашего позволения, подверг критике схематизированную систему Юнга за то, что тут нам предлагается трехмерное изображение четырехмерной системы, статичное изображение того, что является функционально динамичным; кроме того, несмотря на все объяснения, вас сбивает с толку фрейдовская терминология, и вы уже ничего не можете понять. Поэтому я продолжаю настаивать на необходимости уточнения слов.

Профессор Юнг:

Хотелось бы надеяться, что Доктор Грэхем Хоу будет более осторожен. Вы правы, но, пожалуй, не стоило заводить этот разговор. Я ведь объяснил, что стараюсь исходить из наиболее осторожных предположений. Этого-то как раз вы и коснулись, заговорив о четырех измерениях, о слове «мистика» и сказав мне, что на эти слова–раздражители у нас у всех будет замедленная реакция. Вы совершенно правы, мы все легко уязвимы, ибо находимся в

самом начале пути. Я согласен с вами в том, что очень трудно поддерживать в психологии ее живой дух и не сводить ее к статичным сущностям. Естественно, привнеся в трехмерную систему временной фактор, вы вынуждены будете воспользоваться понятием четвертого измерения. Когда вы говорите о динамике и о процессах, вам необходим временной фактор, но поскольку вы вводите понятие «четырехмерности», против вас восстают все предрассудки этого мира. Это слово–табу, которое не следует упоминать. Оно имеет свою историю, и мы должны обращаться с ним и ему подобными исключительно тактично. Чем дальше мы продвинемся в понимании psyche, тем осторожнее нам придется обращаться с терминологией, ибо каждое слово имеет множество исторических параллелей и с ним связана масса предрассудков. Чем глубже мы проникнем в фундаментальные проблемы психологии, тем чаще будем затрагивать философские, религиозные и моральные предрассудков. Поэтому с определенными вещами следует обращаться крайне осторожно.

Доктор Хоу:

В данной аудитории лучше не осторожничать. Сейчас я скажу нечто рискованное. Ни вы, ни я не рассматриваем эго как прямую линию. Мы должны быть готовы рассматривать в качестве истинной формы самости четырехмерную сферу, одним из измерений которой является трехмерный контур. Если так, можете ли вы ответить на вопрос: «Каковы масштабы той самости, которая в четырех измерениях предстает как движущаяся сфера?» Я предполагаю, что ответ будет таков: «Это сам универсум, включая ваше понятие коллективного расового бессознательного».

Профессор Юнг:

Я был бы очень признателен, если бы вы повторили вопрос.

Доктор Хоу:

Как велика эта сфера четырехмерной самости. Я не могу удержаться от ответа и не сказать, что она по величине подобна универсуму.

Трехмерный контур как одно из четырех измерений, очевидно, следует понимать как оговорку Доктора Хоу, беспристрастно зафиксированную стенограммой: "...four dimensions, of which one is the three-dimensional outline» — Ред.

Профессор Юнг:

Это чисто философский вопрос, ответ на него требует серьезного обращения к теории познания. Мир — это наша картина. Лишь по–детски мыслящие люди воображают, что мир таков, каким мы его себе представляем. Образ мира является проекцией мира самости, так же, как последний является внутренней проекцией внешнего мира. Лишь особо устроенный философский разум может заглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, где вещи статичны и изолированы друг от друга. Шагнув за рамки этой картины, обыденный разум испытает потрясение: это способно поколебать основы всего мироздания, поправ наши сокровеннейшие убеждения и надежды, и я не вижу необходимости расшатывать устоявший

порядок вещей. Это не нужно ни пациентам, ни их врачам; может быть, это то, что нужно философам.

Доктор Ян Д. Сатти:

Я бы хотел возвратиться к вопросу доктора Штрауса. Я могу понять, что имеет в виду доктор Штраус, и думаю, что в состоянии понять, что имеет в виду профессор Юнг. Насколько я могу судить, профессору Юнгу не удалось как-то связать свои рассуждения с тем, что сказал доктор Штраус. Доктор Штраус хотел узнать, как ассоциативный тест может выявить фрейдовское бессознательное, т.е. материал, который в настоящее время вытеснен из сознания. Насколько я понимаю профессора Юнга, он имеет в виду фрейдовское «Id». Мне кажется, что каждый из нас должен определить свои понятия достаточно четко для того, чтобы их можно было сопоставлять, а не просто употреблять в характерном для своей школы смысле.

Профессор Юнг:

Я вынужден вновь повторить, что мои методы служат открытию фактов, а не теорий, и я рассказываю вам, какого рода факты я открываю с помощью этих методов. Я не смог бы открыть комплекс кастрации или вытесненный инцест, или что-нибудь еще в этом роде, ибо занят поиском психологических фактов, а не теорий. Боюсь, вы слишком часто путаете теорию с фактом и поэтому с разочарованием узнаете о том, что эксперимент не подтверждает наличия комплекса кастрации и подобных вещей, но ведь комплекс кастрации — это теория. Посредством ассоциативного теста вы обнаруживаете определенные факты, о которых мы прежде не знали и о которых в определенном смысле не знал и сам тестируемый. Я не отрицаю того, что он их знал в каком-то ином смысле. Есть много вещей, которые вы осознаете на работе и не осознаете дома, но так же и дома вы знаете множество таких вещей, о которых вы не знаете в рабочей обстановке. В одном положении вам это известно, а в другом — нет. Это мы и называем бессознательным. Я должен повторить, что невозможно проникнуть в бессознательное эмпирическим путем, а затем открыть, скажем, фрейдовскую теорию комплекса кастрации. Комплекс кастрации является мифологической идеей, но как таковой он не обнаружим. В действительности мы обнаруживаем специфически сгруппированные факты и в соответствии с историческими или мифологическими параллелями даем им название. Мы в состоянии обнаружить не мифологический, а лишь индивидуальный мотив, причем последний всегда появляется не в форме теории, а как живой факт человеческой жизни. Исходя из него мы можем построить теорию — фрейдовскую, адлеровскую или любую другую. Вы можете думать о фактах, что вам угодно, но в результате теорий будет столько же, сколько ломающих над этим голову людей.

Доктор Сатти:

Я протестую! Меня не интересует та или иная теория, меня не интересует, какие факты обнаружены, а какие нет, но я заинтересован в обретении средств коммуникации, с помощью которых каждый сможет понять, что имеют в виду другие, и с этой целью я настаиваю на том, чтобы мы определили наши понятия. Мы должны знать, что другие

подразумевают под тем или иным понятием, таким, например, как бессознательное Фрейда. Что касается слова «бессознательное», оно уже всем более или менее понятно. В силу своего социального признания и наглядности оно имеет известную ценность, но Юнг отказывается понимать под бессознательным то, что имел в виду Фрейд, и употребляет это слово так, что теперь мы можем его понимать как то, что Фрейд называет «Id».

Профессор Юнг:

Слово «бессознательное» не является изобретением Фрейда. Оно было известно в немецкой философии задолго до него: Кант, Лейбниц и другие. Каждый из этих мыслителей давал данному термину собственное определение. Прекрасно зная, что есть множество разных концепций бессознательного, я по мере сил пытался высказать о нем свое собственное мнение. Это не значит, что я не признаю заслуги Лейбница, Канта, фон Гартмана и других великих мыслителей, включая Фрейда, Адлера и т.д. Я просто объяснял вам, что я сам подразумеваю под бессознательным, предполагая, что вы все прекрасно осведомлены о том, что думает на этот счет Фрейд. Я не думал, что моей задачей было объяснить вещи таким образом, чтобы все сторонники фрейдовской теории, отдающие предпочтение его точке зрения, отказались от своей веры. У меня–нет намерения разрушать ваши воззрения и убеждения. Я просто предлагаю собственную точку зрения, и если кому-то покажется, что она тоже имеет смысл, мне этого достаточно. Мне совершенно безразлично, какие у кого представления о бессознательном, иначе мне бы пришлось срочно садиться за длинную диссертацию о том, как понимали бессознательное Лейбниц, Кант и фон Гартман.

Доктор Сатти:

Доктор Штраус спросил, как соотносится ваше понимание бессознательного с фрейдовским. Можно ли установить между ними ясную и определенную взаимосвязь?

Профессор Юнг:

Доктор Грэхем Хоу ответил на этот вопрос. Фрейд рассматривает психические процессы как статичные, в то время как я говорю о них в терминах динамики и взаимосвязи. Для меня все это относительно. Нет ничего однозначно бессознательного: это лишь то, что не осознано разумом в определенном свете. Можно выдвигать самые различные предположения насчет того, почему нам что-то с одной точки зрения известно, а с другой — нет. Единственное исключение я делаю для мифологического паттерна: у меня есть фактические подтверждения того, что он глубоко бессознателен.

Доктор Штраус:

Безусловно, между использованием вашего ассоциативного теста в качестве детектора преступления и поисками с его помощью, скажем так, бессознательной вины имеется различие. Преступник у вас осознает как свою вину, так и свой страх быть разоблаченным. Невротик же не знает ни о своей вине, ни о своем страхе быть разоблаченным. Можно ли пользоваться одной и той же техникой в двух столь несхожих случаях?

Председательствующий:

Та женщина не осознавала своей вины, хотя не запретила ребенку сосать губку.

Профессор Юнг:

Я покажу вам различие экспериментальным путем. На рис. 7 мы имеем схематическое изображение дыхания тестируемого во время проведения ассоциативного эксперимента. Вы видите четыре серии по семь вдохов и выдохов, зарегистрированных после слов–стимулов. Диаграмма отражает типичную для множества тестируемых зависимость дыхания от индифферентных и критических стимулов.

Серия «А» показывает, как протекает дыхание после индифферентных слов–стимулов. Вдохи, идущие сразу после слов–стимулов, ниже нормы, затем следует нормализация.

В серии «В» слово–стимул было критическим и объем дыхания существенно снижен, порой более чем в два раза по сравнению с нормой.

В серии «С» дана динамика дыхания после слова–стимула, относящегося к комплексу, осознаваемому тестируемым. Первый вдох почти нормальный, и лишь затем происходит некоторое уменьшение объема дыхания.

Серия «D» соответствует дыханию после слова–стимула, относящегося к такому комплексу, который не осознается тестируемым. В этом случае первый вдох явно слаб, и те, что идут вслед за ним, несколько ниже нормы.

Эти диаграммы наглядно демонстрируют различие между реакциями, соответствующими сознательным и бессознательным комплексам.

В серии «С», например, комплекс является сознательным. Слово–стимул задевает тестируемого за живое, и следует глубокий вдох. Но когда слово–стимул ударяет по бессознательному комплексу, объем дыхания, как показывает диаграмма «D» (ее первая колонка), уменьшается. Имеет место спазм грудной клетки — дыхание практически замирает. Таким образом можно эмпирически подтвердить различие между сознательными и бессознательными реакциями.

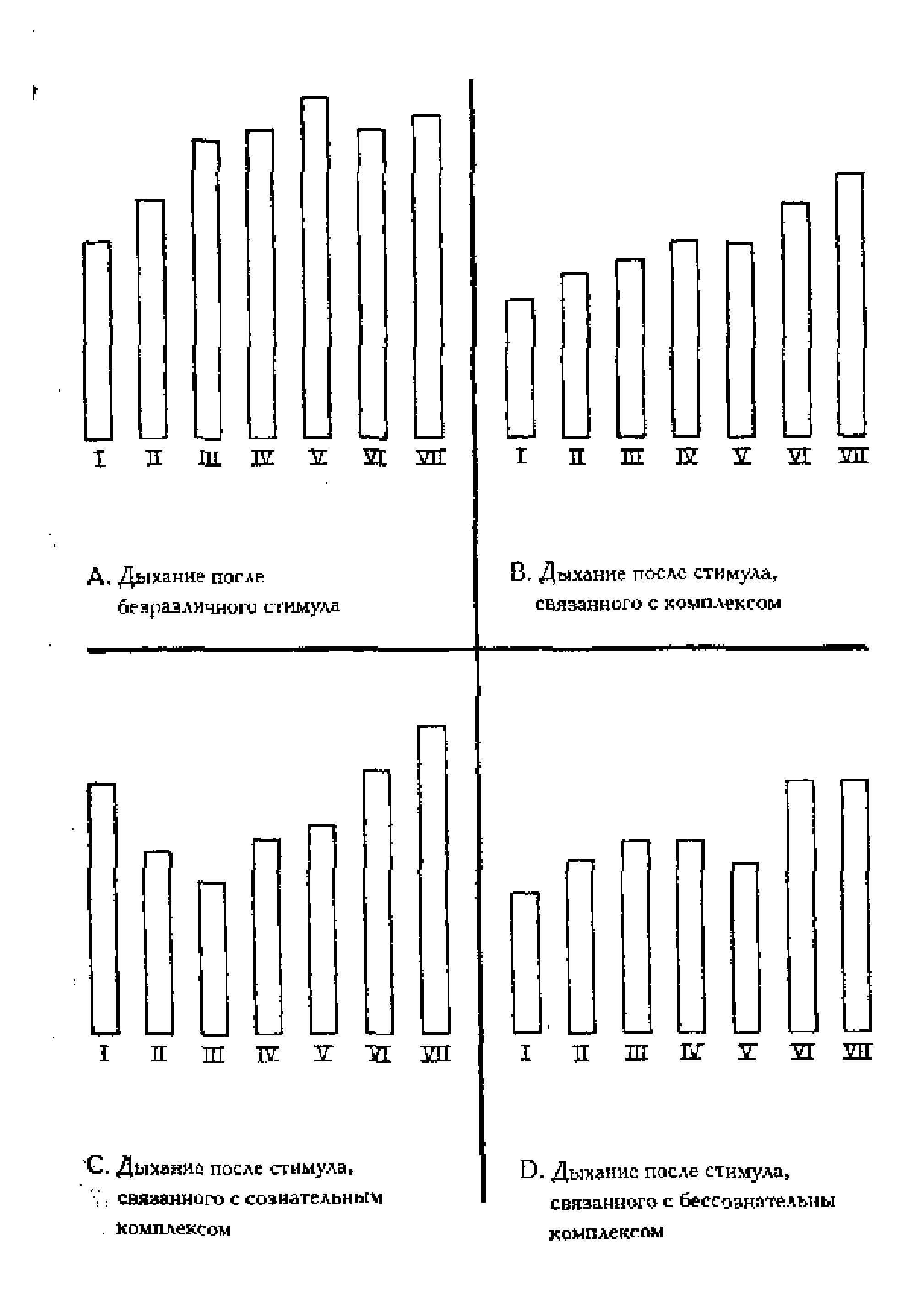

Рис. 7. Тест словесных ассоциаций (дыхание)

Доктор Уилфред Р. Байон:

Вы провели аналогию между архаическими формами тела и архаическими формами сознания. Это просто аналогия или на самом деле есть более тесная связь? Из того, что вы сказали вчера вечером, можно сделать вывод о том, что вы признаете наличие связи между сознанием и мозгом; недавно в «British Medical Journal» был опубликован диагноз, поставленный вами на основании сна: органическое расстройство*. Если это сообщение

является точным, то мы получаем очень важное подтверждение, и мне хотелось бы знать, не считаете ли вы, что между этими двумя рудиментарно–архаическими формами существует более тесная связь.

*// * См.: Davie T.M. Comments upon a case of «Periventricular Epilepsy»// British Medical Journal. — 1935. — No 3893 (Aug.). — P 293–297. Сон, сообщенный пациентом доктора Дэви, был таков: «Кто-то сзади беспрерывно спрашивал меня что-то о смазке какого-то механизма. Говорилось, что лучшим смазочным средством является молоко. Я же. по–видимому, считал, что предпочтительнее будет использовать илистую грязь. Затем, когда был осушен пруд, среди ила обнаружили двух ископаемых животных. Один был маленький мастодонт, а кто второй — я забыл». Комментарии Дэви: «Я подумал, что было бы интересно представить этот сон Юнгу и спросить, какова его интерпретация. Несмотря на то, что в этом сне было множество психологических ответвлений, Юнг нисколько не сомневался, что заболевание в своей основе было не психологическим. По его мнению, сон свидетельствовал об органическом расстройстве. Осушение водоема он проинтерпретировал как ухудшение циркуляции спинномозговой жидкости».//*

Профессор Юнг:

Вы вновь касаетесь противоречивой проблемы психофизического параллелизма, в отношении которой у меня нет ответа, ибо она находится за пределами человеческого познания. Как я пытался объяснить вчера, эти две вещи — психический факт и факт физиологический — некоторым образом происходят вместе. Они случаются вместе, и я предполагаю, что они являются двумя *разными* (курсив мой. — В.М.) аспектами лишь с точки зрения нашего *разума* (курсив автора. — В.М.), но в реальности все не так. Эта двойственность возникает вследствие абсолютной неспособности разума помыслить их вместе. Исходя из допускаемого нами единства этих двух вещей, нам следует ожидать обнаружения снов, которые в большей степени являются физиологическими, нежели психологическими, точно так же, как есть сны более психологические, нежели физиологические. Сон, о котором вы упомянули, был явным выражением органического расстройства. Такие «органические образы» часто встречаются и в древней литературе. Врачи древности и средневековья пользовались подобными снами для установления диагноза. Я не проводил физического осмотра этого человека. Я просто услышал его историю, узнал о его сне и высказал свое мнение. У меня были и другие случаи, например, очень непонятный случай прогрессирующей мускульной атрофии у молодой девушки. Я спросил о ее сновидениях: у нее было два чрезвычайно ярких сна. Мой коллега — человек, знакомый с психологией, — считал, что это, должно быть, случай истерии. Симптомы истерии тут и вправду имели место, и было не ясно, действительно ли это прогрессирующая мускульная атрофия или нет; но на основе анализа сновидения я пришел к заключению, что это было физическое заболевание. События подтвердили мой диагноз. Тут было органическое расстройство, и сны явно соотносились с ее органическим состоянием (*Jung C.G. The Practice of Psychotherapy// C.W. — Vol.l6(Par.344f).*). Исходя из моей идеи о единстве psyche и живого тела, все должно было быть именно так, и было бы удивительно, если бы было иначе.

Доктор Байон:

Будете ли вы говорить об этом впоследствии — при обсуждении проблемы сновидений?

Профессор Юнг:

Боюсь, что не могу входить в такие детали; это слишком специальная тема. На самом деле это предмет особого опыта, и попытка его представить была бы очень трудоемкой. Представляется невозможным сжато изложить вам критерии, с помощью которых я анализирую сны. В упомянутом вами сне был маленький мастодонт — помните? Для того чтобы показать, что же на самом деле этот мастодонт означает в органическом аспекте и почему сам сон я должен рассматривать как органический симптом, мне придется прибегнуть к таким аргументам, что вы обвините меня в жутчайшем мракобесии. Тут действительно все окутано мраком. Мне пришлось бы изъясняться в терминах глубинного разума, мыслящего архетипическими паттернами. Когда я говорю о мифологических паттернах, люди, осведомленные об этих вещах, понимают, о чем идет речь, но если вы не в курсе, то подумаете: «Парень сошел с ума — он говорит о мастодонтах и их отличии от змей и коней». Прежде чем вы смогли бы оценить сказанное мною, мне потребовалось бы прочитать вам примерно четырехсеместровый курс по символизму.

К сожалению, между тем, что об этих вещах общеизвестно, и тем, что я наработал за все эти годы, имеется расхождение. Даже если бы я выступал перед медицинской аудиторией, мне пришлось бы вести речь не только о niveau mental (*Досл.: ментальный уровень (франц.). — Ред.*) (в терминологии Жане), но и заговорить чуть ли не по–китайски. Например, я сказал бы, что abaissement du niveau mental (*Снижение ментального уровня (франц.) — Ред.*) в определенном случае доходит до уровня manipura chakra, т.е. до уровня пупка. Мы, европейцы, не единственные люди на Земле. Мы всего лишь полуостров на азиатском материке, населенном древними цивилизациями, представители которых тысячелетиями упражнялись в психологической интроспекции, тогда как мы занялись психологией даже не вчера, а сегодня утром. Эти люди достигли фантастических прозрений, и для того чтобы понять некоторые факты, связанные с бессознательным, я должен был заняться Востоком. Мне нужно было вернуться назад, чтобы достичь понимания восточного символизма. Вскоре я опубликую небольшую книгу, посвященную лишь одному символическому мотиву (*Мотив мандалы — в лекции «Traumsymbole des Individuationsprozesses», прочитанной Юнгом двумя неделями раньше Она была напечатана в «Eranos-Jahrbich» за 1935 год.*); вас бы это шокировало. Мне пришлось заняться не только китайским и хинди, но также и литературой, написанной на санскрите, средневековыми латинскими манускриптами, не известными даже специалистам, — можете сходить в Британский музей посмотреть мои заказы. Только располагая таким аппаратом параллелизма, вы можете начать ставить диагнозы и судить, является ли этот сон органическим или нет. Пока люди не освоят эту область знания, я буду выглядеть как колдун. Это называется un tour de passe-passe (*Фокус, магическая манипуляция (франц.). — Ред*). Так говорили в Средние века; люди могли сказать: «Как вы можете видеть,

что у Юпитера есть спутники?» Предположим, вы бы ответили, что у вас есть телескоп, но что такое телескоп для средневековой публики?

Я не собираюсь этим хвастаться. Но меня всегда озадачивает, когда мои коллеги спрашивают: «Как вы поставили такой диагноз?» или «Как вы пришли к такому заключению?» Я отвечаю: «Хорошо, я объясню, но для начала мне придется объяснить вам, что вы должны знать для того, чтобы быть в состоянии это понять». Я ощутил это на себе, когда знаменитый Эйнштейн был профессором в Цюрихе. Он тогда начинал работать над своей теорией относительности. Мы часто виделись, нередко он бывал у меня дома, и я выспрашивал у него об этой теории. Я лишен математического дара, и вы можете представить, с какими мучениями этот бедняга объяснял мне, что такое относительность. Он не знал, как это сделать. Увидев, как он со мной замучился, я почувствовал себя совсем ничтожным и готов был провалиться сквозь землю. Но однажды он спросил меня о чем-то из области психологии. Тут-то я и отыгрался.

Особое знание ставит в невыгодное положение. Оно заводит вас настолько далеко, что вы уже ничего не можете объяснить. Вам придется смириться с тем, что я буду говорить вам элементарные, на первый взгляд, вещи, ибо лишь зная о них, вы сможете понять, почему я делаю те или иные выводы. Я приношу извинения, поскольку у нас не так много времени, и я не могу рассказать вам все. Переходя к снам, я отдаю себя во власть вашего суждения и рискую показаться полным дураком, поскольку я не в состоянии предоставить вам все те материалы, все те исторические свидетельства, на которых строятся мои заключения. Я буду вынужден цитировать литературу Индии и Китая, средневековые тексты — т.е. все то, чего вы не знаете. Да и как вы могли бы знать все это? Я сотрудничаю со специалистами из других областей знания, и они помогают мне. Среди них был и мой покойный друг — синолог — профессор Вильгельм; я работал вместе с ним. Он перевел даосский текст и попросил меня прокомментировать его с психологической точки зрения, что я и сделал (*«The Secret of the Golden Flower» (Китайский текст был переведен Рихардом Вильгельмом. Комментарий Юнга см. в: Jung C.G. Alchemical Studies// C.W. — Vol.13).*). Мой рассказ полон неожиданностей для синолога, но то, что может рассказать он, будет столь же неожиданно для нас. Китайская философия не была заблуждением. Это мы считаем, что древние просто заблуждались, но они были ничем не хуже нас. Это были чрезвычайно мудрые люди, и психологии следует неустанно учиться у древних цивилизаций, особенно у Индии и Китая. Бывший президент Британского антропологического общества как-то спросил меня: «Как понять, что такие высокоразвитые люди, как китайцы, не имеют своей науки?» Я ответил: «У них есть наука, но вы не понимаете ее. Она не основывается на принципе причинности. Причинность не единственный принцип; это только условность».

Кто-то может сказать: «Что за глупость считать причинность условностью!» Однако взгляните на современную физику! Восток строит свое мышление и систему оценки фактов, исходя из иного принципа. У нас для него даже нет названия. На Востоке, естественно, есть обозначающее его слово, но мы его не понимаем. Таким восточным словом является Дао. У моего друга МакДугалла (*Уильям МакДугалл (1871–1938), американский психиатр.*) был китайский студент, которому он задал вопрос: «Что именно ты понимаешь под Дао?» Как это

типично для Запада! Китаец объяснил, что такое Дао, но тот этим не удовлетворился: «Мне пока не понятно». Тогда китаец вышел на балкон и сказал: «Что вы видите?» — «Я вижу улицу, дома, людей, прогуливающихся или едущих в трамваях». — «Что еще?» — «Я вижу гору». — «А еще?» — «Деревья». — «А еще?» — «Дует ветер». Китаец воздел руки и сказал: «Это Дао».

В этом все дело. Дао может быть в чем угодно. Для его обозначения я пользуюсь иным, достаточно узким термином. Я называю его синхроничностью. Когда восточный разум наблюдает целостную совокупность фактов, он воспринимает ее как таковую, а западный разум разделяет ее на нечто меньшее — на отдельные сущности. Например, вы смотрите на некоторое скопление людей и говорите: «Откуда они все пришли?» или «Зачем они собрались вместе?» Восточный разум это абсолютно не интересует. Он говорит: «Что означает, что эти люди находятся вместе?» Для западного разума нет такой проблемы. Вас интересует, зачем вы сюда пришли и что вы здесь собираетесь делать. Для восточного разума все не так: его интересует то, что вы вместе.

Вот как это выглядит: вы стоите на берегу моря, и волной выбрасывает старую шляпу, поломанный ящик, ботинок, мертвую рыбу, и они остаются лежать на берегу. Вы говорите: «Случай, бессмыслица!» А китайский разум задает вопрос: «Что означает, что эти вещи находятся вместе?» Китайский разум экспериментирует с этим «быть вместе», «явиться вместе и одновременно»; у него есть свой, неизвестный на Западе, но играющий значительную роль в восточной философии, экспериментальный метод. Это метод предвосхищения возможностей, которым японское правительство пользуется и по сей день при решении политических вопросов — так было, например во время Мировой войны. Этот метод был сформулирован еще в 1143г. до Р.Х. (*И–цзин — Книга Перемен*)

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Рассмотрим теперь вкратце вопрос о комплексах. Комплекс является агломерацией ассоциаций, нечто вроде слепка более или менее сложной психологической породы – иногда травматического, иногда просто болезненного аффектированного характера. Аффектированными чувствами достаточно трудно управлять. Я, например, нерешительно приступаю к важному для меня делу. Вы заметили, наверное, задавая мне непростые вопросы, что я не могу ответить на них мгновенно. Время моей реакции продолжительно именно потому, что вопрос серьезен. Я начинаю заикаться, и память не подносит мне необходимого материала. Подобные нарушения – тоже комплекс, несмотря на то что лично я таким комплексом не страдаю. Такие ситуации связаны с физиологическими реакциями: сердечной деятельностью, давлением крови, дыханием, состоянием желудочного тракта, раздражимостью кожи. Комплекс, что называется, «сидит» в теле, делает его неуправляемым. Имея свои «пути» в теле человека, задевая его нервную систему, комплекс вызывает трудноустранимую реакцию. То, что имеет небольшую эмоциональную значимость и невысокий тонус, с легкостью может быть устранено, поскольку не имеет своих путей в организме. Такие комплексы не так «прилипчивы».

Важным моментом здесь является тот факт, что комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и определенное количество собственной физиологии. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус, – словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об ЭГО. Наш собственный ЭГО-комплекс – это агломерация высокочувствительных компонентов, которыми ЭГО управляет. Поэтому нет принципиальной разницы между ЭГО-комплексом и другими комплексами. У шизофреника комплекс эмансипируется из-под сознательного контроля до такой степени, что становится видимым и слышимым. Эта персонификация комплексов сама по себе еще не обязательное патологическое условие. В снах, например, наши комплексы появляются в персонифицированном виде. Можно натренировать себя до такой степени, что они приобретут внешнюю форму и в бодрствующем состоянии. В цикле тренировок йоги есть раздел, посвященный подобным персонификациям. В психологии бессознательного есть типичные фигуры, имеющие свою собственную определенную жизнь. К примеру, анима и анимус.

В основе объяснительной части лежит факт безусловной иллюзии того, что понимается под единством сознания. Здесь желаемое принимается за действительное. Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имеющими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личностное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (в смысле неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей.

В этой мысли содержится многое. Возьмем, например, любого поэта или драматурга. Последний обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания. Когда он создает персонаж, на сцене или в поэтическом произведении (драма, новелла), то думает, что этот персонаж – просто продукт его воображения. На самом же деле персонаж в некотором смысле сделал сам себя. Автор будет отрицать, что эти персонажи имеют психологическое значение, но фактически, как нам известно, они-таки их имеют. Поэтому можно «прочесть» авторский разум, когда изучаешь персонажи, которые он творит. Комплексы, следовательно, частичные или фрагментарные личности. Когда мы говорим об ЭГО-комплексе, то, естественно, предполагаем, что последний обладает сознанием, так как взаимосвязь различных содержаний с центром, иными словами с ЭГО, и называется сознанием. Но мы также обладаем сгруппированными содержаниями относительно своего центра, некими ядрами, в других комплексах. Поэтому позволительно спросить: обладают ли комплексы своим собственным сознанием? Я считаю, что да, и настаиваю на этом здесь (на существовании отдельной точки сознания внутри комплексов) только потому, что комплексы играют большую роль в анализе сновидений. Вы помните диаграмму, демонстрирующую различные сферы сознания и темный центр бессознательного посередине. Чем ближе вы

приближаетесь к центру, тем больше вы имеете дело с тем, что Жане (Janet) называет понижением ментального уровня: сознательная автономия начинает исчезать, и вы все больше и больше оказываетесь в плену бессознательных содержаний. Сознательная автономия теряет свое напряжение и энергию, и эта энергия вновь возникает в возрастающей активности бессознательных содержаний. Этот процесс в своей крайней форме можно наблюдать при внимательном изучении случаев безумия. Обворожительность бессознательных содержаний постепенно нарастает, и контроль сознания пропорционально падает до тех пор, пока в конце концов пациент полностью не погружается в бессознательное и не становится жертвой. Теперь он жертва полной автономной активности, которая имеет своим началом не ЭГО, а темную сферу.

Для завершения разговора о тесте словесных ассоциаций я должен упомянуть о совершенно другом эксперименте. Экономя время, я не буду входить в его подробности. Результат наших объемных исследований, проводившихся в семьях, отражен в диаграммах (рис. 8, 9-11). Например, небольшая величина на рис. 8 – это класс или категория ассоциаций. Принцип классификации – логический и лингвистический. Я подразделил ассоциации на пятнадцать категорий. Мы провели тест во многих семьях, по определенным причинам среди малообразованных людей, и выяснили, что типы ассоциаций и реакций особенно совпадают среди определенных членов семьи, например, отец и мать, два брата, мать и ребенок.

Опишу случай, представленный на рис. 8: это был несчастный брак, отец – алкоголик, мать – эксцентричная особа. На диаграмме видно, что шестнадцатилетняя дочь полностью повторяет тип матери. Более тридцати процентов всех ассоциаций у них было представлено одинаковыми словами. Это удивительный случай ментальной «инфекции». Матери 45, замужем за алкоголиком, жизнь не удалась. У девочки такие же реакции, что и у матери. Представьте, что может случиться с ней, когда она вступит в жизнь, шестнадцатилетняя девочка, которой уже сорок пять и которая побывала замужем за алкоголиком. Скорее всего, она будет искать такого и выйдет за него замуж.

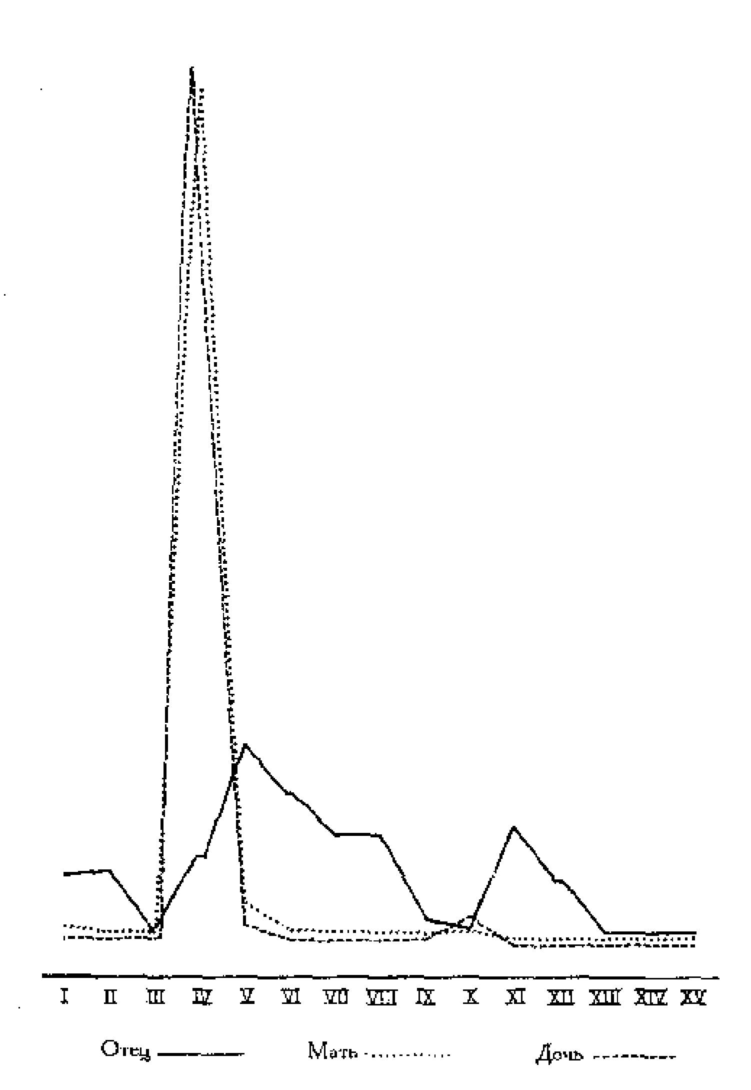

Рис. 8. Семейный ассоциативный тест

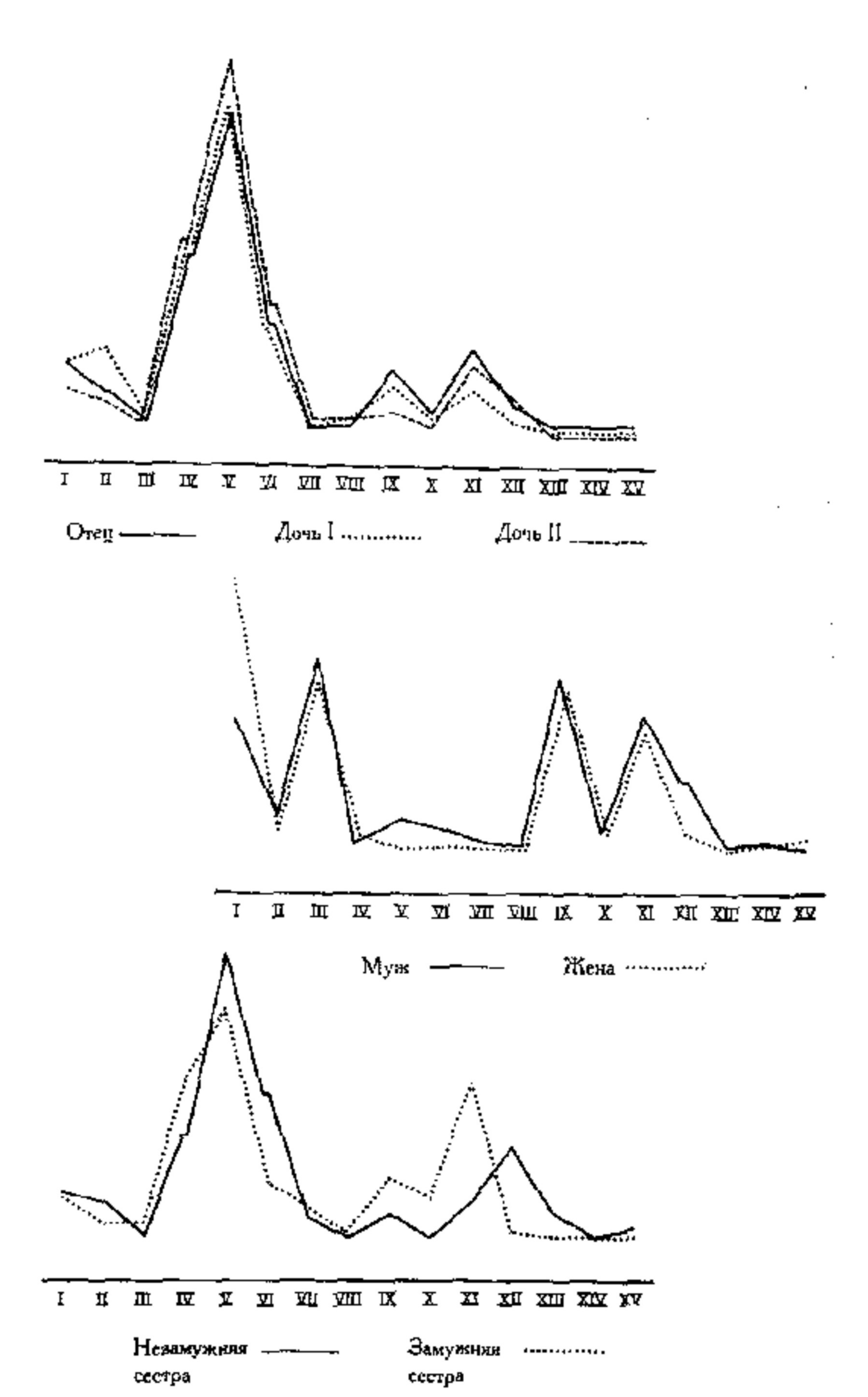

Рис. 9–11. Семейные ассоциативные тесты

На рис. 9 изображен не менее поразительный случай. Вдовец жил с двумя дочерьми в полном согласии, о чем говорят все графики. Конечно, это неестественно, поскольку либо реакции были девичьими, либо девочки реагировали по мужскому типу, что выражалось даже в манере их разговора. В этом случае мы наблюдаем привнесение чуждого элемента в сознание.

Рис. 10 – это случай мужа и жены, который вносит некоторый оптимизм в мои достаточно пессимистические примеры. Вы видите здесь гармонию, но не думайте, что для этой пары это рай. Полная гармония в семье, основанная на участии, вскоре может привести к безумным попыткам супругов освободиться друг от друга. Тогда они придумывают раздражающие обоих темы для дискуссий для того, чтобы иметь причину чувствовать себя непонятым. Если вы изучали психологию брака, вы знаете, что все неприятности происходят от этих хитроумных «изобретений», которые не имеют под собой никакого основания.

Рис. 11 не менее интересен. Две сестры живут вместе, одна из них замужем. Их пиковая реакция проходит под номером V. Жена в предыдущем случае – сестра этих двух женщин, и, возможно, все они принадлежат к одному типу, но она вышла замуж за человека иного типа. Их пик на рис. 10 проходит под номером III.

Состояния идентичности или участия, продемонстрированные в ассоциационном тесте, могут быть подтверждены другими опытами, например с помощью графологии. Почерк жен, особенно молодых, часто похож на почерк мужей. Не знаю, бывает ли такое сейчас, но думаю, что человеческая природа остается неизменной. Иногда получается наоборот, потому что так называемый «слабый пол» не всегда бывает слабым.

Дамы и господа, сейчас мы перейдем условную границу реального мира и отправимся в мир сновидений. Я не хочу делать какого-либо особого вступления к разделу по анализу снов и думаю, что лучшим способом осветить суть идеи будет практически показать вам, как я работаю с явлениями сна.

Случай с мужчиной 40 лет, женатым, до этого не болевшим. Выглядит превосходно, он – директор большой общественной школы, весьма интеллигентен, ранее изучил некоторые, ныне вышедшие из моды области психологии, в частности вундтовскую, ничего общего не имеющую с деталями человеческой жизни, но уводящую в стратосферу абстрактных идей. В последнее время был серьезно встревожен невротическими симптомами. Он стал страдать особого свойства головокружениями, нападавшим на него время от времени сердцебиением, тошнотой, ознобом и приступами слабости и удушья. Данный синдром представил картину болезни, хорошо известную в Швейцарии. Это горная болезнь, случающаяся с людьми, не привыкшими к большим высотам и легко возникающая у них при восхождениях. Поэтому я спросил: «А не горная ли это у вас болезнь?» Он ответил: «Да, вы правы. Похоже на горную болезнь». Я спросил, были ли у него сновидения, и он ответил, что совсем недавно видел три сна.

Я не люблю анализировать единичные сны, так как их можно интерпретировать весьма неопределенно. Дело существенно меняется в случае серии из двадцати или, скажем, ста снов: тут есть что сравнивать и легко выделить устойчивые информативные признаки. Здесь наяву процесс, происходящий в бессознательном из ночи в ночь и длящийся непрерывно. Существует предположение, что мы видим постоянно, и стало быть и днем тоже, хотя в последнем случае этого не воспринимаем, так как сознание подавляет их (окклюзия). Но бессознательное работает непрерывно днем и ночью. И вот ночью, когда происходит понижение ментального уровня (abaissement du niveau mental), сны прорываются в психическую сферу и становятся видимыми.

В первом сне пациент обнаружил, что находится в маленькой швейцарской деревушке. Представительный, в длинном черном пальто, он держит подмышкой несколько толстых книг. Появляется группа молодых людей, лица которых ему знакомы. Это его бывшие товарищи по школе. Они смотрят на него и говорят: «Этот парень не очень-то часто здесь появляется».

Чтобы понять сон, необходимо вспомнить, что пациент имел относительно высокий уровень образования и занимает достаточно высокий уровень социальной лестницы. Тем не менее ему пришлось все начинать с нуля, так как в известном смысле он Self made man (Человек, самостоятельно выбившийся в люди: человек, всем обязанный самому себе. - прим. перев.). Его родители были бедными крестьянами, так что дорогу пришлось пробивать самостоятельно. Пациент очень амбициозен и полон надежд, что поднимется еще выше. По ассоциации картина напоминает человека, вскарабкавшегося от береговой морской отметки до высоты 2000 метров и теперь рассматривающего окрестные вершины еще большей высоты, возвышающиеся над ним. Человек забыл, что 2000 метров уже пройдены, пора отдохнуть, но нет, он намерен немедленно начать новый подъем; человек не осознает, что он устал и в данный момент не способен идти дальше. Утрата понимания сложившейся ситуации и есть причина симптома горной болезни. Сон донес до него реальную психологическую ситуацию. Контраст его представительной фигуры с книжками в родной деревне и среди деревенских мальчишек, заметивших, что он не часто появляется в ней, означает, что пациент не часто вспоминает, откуда он появился. Напротив, он думает о своей будущей карьере и надеется получить место профессора. Поэтому сон ставит его обратно в прошлое окружение, помогая осознать и оценить результаты по сравнению с началом работы, а также границы естественных человеческих усилий.

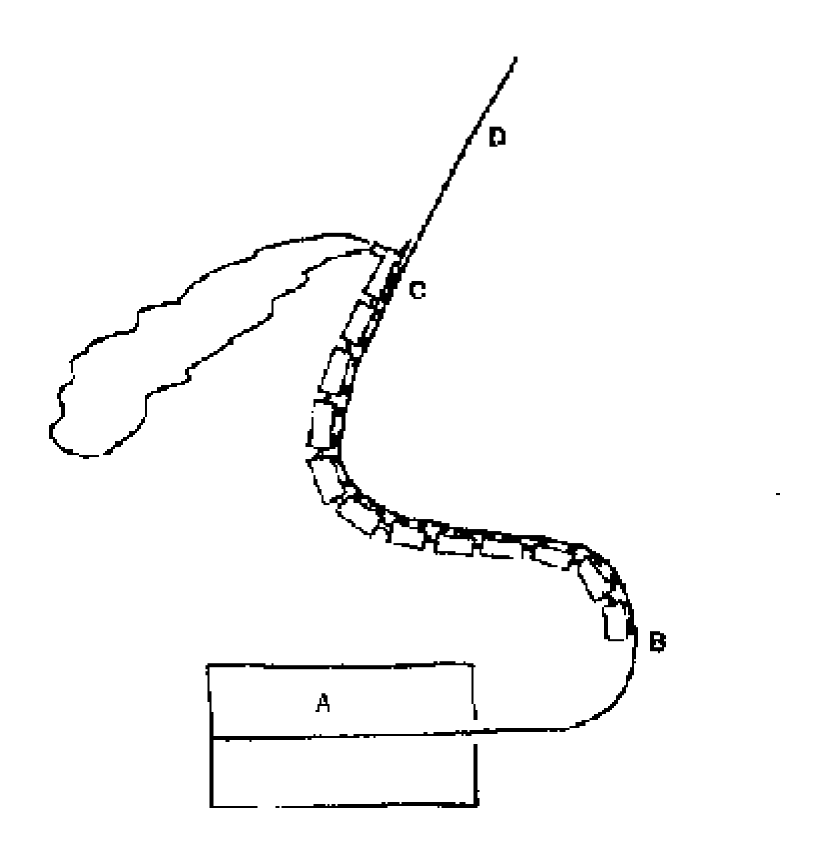

Рис. 12. Увиденная во сне траектория движения поезда

Начало второго сна – типичный пример явления, возникающего тогда, когда сознательная установка совпадает со сновидческой.

Сновидец знает, что должен отправиться на важную конференцию, и берет свой портфель. Замечает, что время поджимает, поезд скоро отойдет, и начинает суетиться, боясь опоздать. Он пытается собрать свою одежду: шляпы нет, пальто лежит на месте. Бегает по всему дому, в поисках того и другого, и кричит: «Где мои вещи?» В конце концов все находится, и герой выбегает из дому. При этом обнаруживается, что забыт портфель. Он возвращается за портфелем и смотрит на часы, убеждаясь в том, что действительно опаздывает. Затем бежит на станцию по дороге, которая до странности настолько мягкая, что будто бежишь по мху, и ноги двигаются с большим трудом. Задыхаясь, наш герой прибегает на станцию и видит, что его поезд только что ушел. Тут его внимание привлекает железнодорожное полотно, которое выглядит примерно как на рис. 12. Сновидец находится в А, хвост поезда уже в В, а паровоз в С. Он наблюдает за составом, огибающим всей своей длиной кривую, и думает при этом следующее: «Если машинист достаточно умен, то сообразит, подойдя к точке D, не давать полный пар, так как если он это сделает, то длинный состав, все еще огибая кривую, сойдет с рельс». Паровоз подходит к D, и машинист дает полный пар: паровоз резко тянет состав вперед. Сновидец видит разворачивающуюся катастрофу – состав сходит с рельс – и кричит, просыпаясь в кошмарном страхе.

Всякий раз, когда кто-либо видит сон с подобной ситуацией опаздывания, с сотней препятствий и помех, то ведет себя во сне точно так же, как и в реальности, разумеется если

при этом что-то переживает. А переживает и нервничает потому, что происходит бессознательное Д сопротивление сознательному намерению. Наиболее раздражающим является то, что сознательно сновидец очень сильно чего-то хочет, а невидимый дьявол всячески работает против него, и этот дьявол и есть сам сновидец одновременно. Во сне идет работа против этого дьявола, но делается она весьма суетливым образом, излишне неровно. В описываемом случае развитие сюжета происходит против воли сновидца. Он не хочет оставлять дом и, однако, хочет этого весьма сильно; поэтому все помехи и трудности на пути созданы им же самим. Он и тот самый машинист, который думает:,,Ну все, теперь у нас нет проблем, кривую объехали, впереди прямой участок и можно дать полный пар». Прямая линия на кривой соответствует более высоким пикам из первого сна, о которых сновидец думал, что они посильны для него.

Но сон предупреждает, что Герой не должен быть таким глупым, как машинист, давший полный пар, когда хвост состава еще не вышел из поворота. А это как раз то, о чем мы всегда забываем; забываем, что сознание – всего лишь поверхность, лишь авангард нашего психического существования. Голова – только один конец, а за ним, за авангардом-сознанием – длинный хвост колебаний, слабостей, комплексов, предрассудков и унаследованных качеств. Мы же почти всегда принимаем решение без учета факторов прошлого. И порой сходим с рельс.

Я всегда говорю, что наша психология тащит за собой длинный хвост, как у ящерицы, заключающий в себе всю историю индивидуального рода, нации, Европы и всего человечества. Мы всегда всего лишь люди и не должны забывать, что несем свою ношу, все бремя человеческого. Будь у нас только головы, мы были бы как ангелы, у которых голова да крылья, и, конечно, ангелы могут делать все, что хотят, ибо не имеют тела, обязывающего ходить только по земле. Нужно еще отметить, что хитроумное движение состава напоминало змею. Это важно, и, скорее, не для сновидца, а для интерпретатора. Сейчас мы увидим почему.

Следующий сон – завершающий цикл и решающий в нем. Необходимы некоторые пояснения. В этом сне мы встречаемся с необычным животным – наполовину ящерицей, наполовину крабом. Перед тем, как приступить к деталям, необходимо сказать о методе работы над осмыслением сновидения. Как вы знаете, существуют различные точки зрения и множество ложных путей к пониманию снов.

Метод свободных ассоциаций в этом случае представляется весьма сомнительным, что показывает опыт. Свободные ассоциации показывают и означают, что перципиент открыт любому количеству и виду ассоциаций, а они, естественно, ведут к его комплексам. Но если, как вы понимаете, я не хочу знать комплексов моих пациентов, Положим, мне это интересно, и я хочу знать, что сны обязаны сказать о комплексах, а не что есть комплексы. И я хочу знать, что человеческое бессознательное делает с его комплексами. Для чего он готовит сам себя. Это то, что я вычитываю из снов. При использовании метода свободных ассоциаций я не нуждался бы в снах как таковых. Я достал бы знаковую доску, например «Дорожка к тому-то и тому-то», дал бы клиентам свободно поразмышлять, и они непременно привели бы меня

к своим комплексам. Сядьте в венгерский или русский поезд, взгляните на диковинные знаки на непонятном языке, и вы сможете проследить все свои комплексы.

Моя цель иная – не знать комплексов, но знать, что есть сон. Поэтому я рассматриваю сновидение как некий текст, который не совсем понимаю, скажем, на латинском, греческом или санскрите. Какие-то слова мне неизвестны или сам текст фрагментарен; я использую обычный метод, который применяет любой филолог при чтении подобного текста. Идея заключается в том, что сам сон ничего не скрывает – мы просто не понимаем его язык. Предположение, что сон может что-то скрывать зиждется на антропоморфической иллюзии. Ни одному филологу не придет в голову, что кусок текста на санскрите или клинописная табличка что-то скрывает. В Талмуде есть очень мудрое замечание, гласящее: в самом сне заключено и его толкование. Сон сам по себе закончен и целостен, и если думать, что он прячет нечто позади себя или в себе самом, то это значит просто не понимать его как таковой.

Поэтому, имея дело с тем или иным сном, прежде всего говоришь себе: «Здесь я не понимаю ни слова». Я всегда приветствую это чувство некомпетентности, так как знаю, что придется проделать большую работу, чтобы понять его. Итак, что же я делаю. Я пользуюсь филологическим методом и логическим принципом, называемым амплификацией. Это не более чем простые поиски параллелей. К примеру, при встрече с редким словом, ранее не попадавшимся, вы пытаетесь найти параллельные куски текста, где это слово также появляется.

Так мы учимся читать иероглифы, клинопись; аналогично можно научиться читать сны.

Как я нахожу контекст? Здесь необходимо следовать принципу ассоциативного эксперимента. Вот сны мужчины, в которых фигурирует простой деревенский дом. Могу ли я знать, с чем связан простой крестьянский дом в мышлении этого человека? Конечно, нет, да и как я могу знать? Знаю ли я, что простой деревенский дом означает для него в общем? Тоже нет. Следовательно, я прямо спрашиваю: «Каким образом эта вещь могла возникнуть в поле вашего сознания?» – или, другими словами, каков подтекст, каково ментальное клише, в которое данный термин (данное понятие) «простой крестьянский» дом впечатан? И он может ответить вам нечто весьма удивительное.

К примеру, кто-то говорит «вода». Могу ли я знать, что имеется в виду? Разумеется, нет. Я ставлю текстовое или сходное слово как вопрос и получаю ответ «зеленая». А другой скажет H2O, что совершенно другое. Третий скажет «быстросеребристая» или «самоубийство». Каждый раз я узнаю словесную ткань или образ в нее впечатанный. Это и есть амплификация.

Разумеется, здесь необходимо упомянуть о заслуге Фрейда, который создал саму постановку проблемы сновидений и позволил нам к ней подойти в прямом смысле слова. Согласно его идее, сон есть искаженное представление (репрезентация) скрытого несовместимого желания, несогласуемого с сознательной установкой, в силу чего оно цензурируется, т. е. искажается, чтобы сознание его не узнало. В то же время это скрытое

желание не дает себе умереть и стремится проявиться во что бы то ни стало. И затем Фрейд сам говорит: «Дайте нам преодолеть это искажение; будем естественны, оставим свои искаженные тенденции и позволим ассоциациям течь свободно, тогда-то мы и придем к своим естественным событиям, а именно к комплексам». Это совершенно иная точка зрения относительно моей, Фрейд ищет комплексы, я – нет. В этом-то и вся разница. Я ищу то, что бессознательное совершает над комплексами, ибо меня это интересует гораздо сильнее, чем тот факт, что люди обладают комплексами. У нас у всех есть комплексы; это весьма малоинтересный и банальный факт. В их числе и комплекс инцеста, которой можно найти у всех, стоит только поискать; он ужасно банален и не стоит внимания. Но интересно другое – что люди делают со своими комплексами. Это по крайней мере практический вопрос.

Фрейд использует метод свободных ассоциаций и основывается на принципе, который в логике называется reductio in primam figuram, возвращение к первой фигуре. Это силлогизм, сложный ряд логических заключений, в ходе которых от исходного резонного положения путем различных допущений и инсинуаций постепенно переходят к его полной противоположности. Сны, по Фрейду, – это полное искажение, которое маскирует оригинал, и вам только нужно распутать паутину, чтобы добраться до исходного содержания, которое может быть следующим: «Я хочу совершить то или это; у меня есть такое-то и такое-то несовместимые желания». Приведу пример, используемый в логике. Начнем с очевидного предположения: «Нет неразумного свободного бытия». Другими словами неразумное не имеет свободной воли. Далее первый шаг к заблуждению: «Следовательно, нет свободного бытия неразумного». Это – уже трюк, софизм; и с этим трудно согласиться. Продолжаем: «Все люди свободны» (все обладают свободной волей). И «триумфальный» конец: «Следовательно, нет неразумных людей». Полная чепуха.

Можно предположить, что сам сон является чепухой. Это логично, потому что очевидно, что сон есть нечто абсурдное: иначе его можно было бы запросто понять. Но, как правило, сны не понимает никто; и едва ли когда-либо кто-либо видел сны, которые были бы ясны с начала до конца. Даже в первобытных племенах, где уж весьма внимательны к сновидениям, и там считают, что обычные сны ничего не значат. Но есть особые «большие сны», вожди и целители могут видеть «большие сны», а прочие люди – нет. Здесь их рассуждения весьма сходны с европейскими. Столкнувшись с нелепым сном, вы скажете: «Это чепуха, должно быть искажение реальных, разумных событий». Вы во всем разберетесь, используя reductio in primam figuram, и придете к первоначальному, устраивающему вас положению. Итак, вы убедились – метод интерпретации сновидений Фрейда вполне логичен, если вы допустите, что содержание снов действительно бессмысленно.

Не следует также забывать, что, делая заявление относительно бессмысленности тех или иных вещей, мы, возможно, просто их не понимаем, мы не Боги, а напротив – всего лишь люди с ограниченными способностями мыслить. Когда душевнобольной пациент говорит мне о чем-то, я могу подумать: «Все, что он мне говорит, – чушь», – но если я по-настоящему занимаюсь наукой, то скажу, что не понимаю его. Но если я антинаучен, я подумаю: «Этот парень всего лишь сумасшедший, а я разумен». Подобного рода аргументации и являются

причиной того, что люди с неуравновешенной психикой часто хотят стать психиатрами. По-человечески это понятно, ведь это дает величайшее удовлетворение: будучи не уверенным в себе самом, вы можете сказать: «О, другие гораздо хуже». И потому вопросы остаются. Можно ли категорически заявлять, что сон – это чушь? Вполне ли мы уверены, что знаем это? Уверены ли мы, что сон – это искажение? Можно ли быть абсолютно убежденным, обнаруживая нечто, прямо противоположное своему ожиданию, что это просто искажение? Природа не совершает ошибок. Правильно или неправильно – категории человеческие. Естественный процесс – это всего лишь то, что есть, и ничего больше; его нельзя называть чепухой или бессмыслицей. Единственный несомненный факт – это то, что снов мы не понимаем. Посему, являясь не Богом, а человеком ограниченных способностей, я предпочитаю думать, что просто не понимаю снов. Отсюда я отвергаю точку зрения, что сон является искажением сознательных представлений. И если сон мной не понят, то искажен мой сознательный разум.

Но нужно избегать спекуляций и теорий, когда имеешь дело с такими мистериальными процессами, как сны. Нельзя забывать, что тысячелетиями любой разумный человек, обладающий знаниями и опытом, придерживался совершенно других взглядов на сновидения. И только совсем недавно появилась теория, что сны ничего не содержат. Во всех других цивилизациях считали иначе.

А теперь «большой сон» моего пациента. «Я в деревне в простом крестьянском доме с пожилой крестьянкой. С виду похожей на мать. Рассказываю ей о большом путешествии, которое планирую совершить. Я собираюсь отправиться из Швейцарии в Лейпциг. Ее очень впечатляет мой рассказ, что в свою очередь очень меня радует. В этот момент я выглядываю в окно на сельский луг, там крестьяне сгребают сено. Сцена внезапно меняется, и появляется чудовище – огромный краб-ящерица. Вначале оно движется на меня влево, затем – вправо, так что в конце концов я оказываюсь между клешнями, словно между лезвиями ножниц. Тогда я хватаю металлический прут, бью этого монстра по голове и убиваю его. Затем еще некоторое время стою рядом и рассматриваю поверженного врага».

Прежде чем углубиться в исследование подобного сна, я всегда стараюсь создать некоторую последовательность, потому что сон имеет свою пред– и послеисторию. Он является частью психического клише, действующего непрерывно; у нас нет причин считать, что в психических процессах нет непрерывности, так же как нет причин думать, что существуют какие-либо «пределы», «щели» в натуральных процессах. Поскольку природа представляет континуум, то и психическое весьма вероятный континуум. Сон в этом смысле всего лишь одна вспышка или одно из наблюдений психического континуума, ставшее видимым на какой-то момент. Как непрерывность, он связан с предыдущими снами. В предыдущем сне уже возникало специфически змееподобное движение поезда.

После сна с поездом, этот сон – возвращение в окружение раннего детства, мой пациент в обществе крестьянки-матери – легкий намек на собственную мать. Он впечатляет нейтральную по «роли» женщину своим величием и грандиозным планом путешествия.

Лейпциг – аллюзия на его надежду получить там место. Чудовищный краб-ящерица – внешняя сторона эмпирического опыта, это, очевидно, продукт бессознательного.

Теперь мы приступаем к действительному контексту. Я спрашиваю его: «А каковы у вас ассоциации с простым крестьянским домом?» И, к моему удивлению, он отвечает: «Это лепрозорий св. Якова неподалеку от Базеля». Сие заведение очень старый лепрозорий, и здание до сих пор сохранилось. Само место очень известно благодаря большому сражению, развернувшемуся там в 1444 году. Швейцарцы бились против войск Бургундского князя, армия которого пыталась прорваться в Швейцарию, но была остановлена авангардом швейцарского войска численностью 1300 человек. Количество бургундцев составляло 30 000 воинов. Сражение происходило в местечке у лепрозория св. Якова. Швейцарцы все до единого человека пали в бою, но своей жертвой предотвратили дальнейшее продвижение врага. Героическая смерть этих 1300 человек – знаменательный момент в истории Швейцарии, и ни один швейцарец не способен говорить об этом без чувства патриотизма.

Всякий раз, когда сновидец сообщает нечто подобное, вы должны разместить получаемую информацию в контексте самого сновидения. В данном случае это означает, что сновидец сам находится в лепрозории. Лечебница называется «Сие-хенхаус», больничный дом. По-немецки «больной» означает «прокаженный». И вот он болен, изолирован от общества, помещен в лечебницу. Лечебница, ко всему прочему, связана местом нахождения с отчаянным сражением, в котором погибло 1300 человек. Само сражение произошло из-за того, что авангард не подчинился приказу. Он имел четкие инструкции не ввязываться в сражение, а ждать подхода всей швейцарской армии. Но при виде врага воины не смогли сдержать боевого порыва и, вопреки приказу, ринулись в бой, в результате чего все погибли. И здесь снова возникает схема-идея несвязанности головы и хвоста, и снова действие заканчивается фатально. Невольно подумалось: «Какая же опасность подстерегает этого человека?» Эта опасность не просто его амбиция или желание быть с матерью и совершить инцест или нечто подобное. Вспомним машиниста. Его фигура означала, что пациент имел тенденцию рваться вперед, не думая о хвосте, он вел себя так, словно состоял из одной головы – точно так думал и армейский авангард. Ему казалось, что он и есть вся армия. Подобное отношение и есть причина горной болезни. Пациент забрался слишком высоко и не подготовился к высоте, забывая при этом, откуда он начал свое восхождение.

По поводу женщины сновидец ответил: «Это моя прачка». Его прачка была вдовой, старомодной, необразованной, жившей, естественно, более примитивно, чем он сам. Поскольку клиент принадлежал к интеллектуальному типу, его чувственная сфера играла второстепенную роль. Поэтому чувство как таковое было малодифференцированным и находилось на одном уровне с прачкой. Пытаясь произвести впечатление на прачку, сновидец по сути воздействовал на Лейпциг.

По поводу поездки он заметил: «О, это моя цель. Я хочу пойти дальше и получить кафедру». Налицо безудержное стремление, налицо глупая попытка, налицо – горная болезнь; он хочет вскарабкаться слишком высоко. Его чувство было глубоко подавлено, и поэтому не содержало верных оценок, оставаясь слишком наивным. Крестьянка

ассоциируется с собственной матерью. Существует много способных интеллигентных людей со слабо развитой дифференцировкой чувств, вследствие этого само чувство находится под влиянием материнского, оно идентично материнскому. Такие люди несут в себе много материнских свойств в чувственной сфере; они очень любят детей, внутреннюю обстановку дома, красивые комнаты и старые дома. Иногда случается, что, достигнув сорока, эти индивиды обнаруживают мужское начало, и здесь их поджидает психологический конфликт.

Таким образом, мужские чувства оказываются, так сказать, женскими и, как таковые, возникают и проявляются в снах. Я обозначаю их термином анима, поскольку эти чувства оказываются персонификацией нижних подчиненных функций, связывающих человека с коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное в мужчине, как целое, представлено в женской форме. У женщин оно возникает в мужской форме и представлено анимусом.

На мой вопрос, что пациент имеет в виду, когда говорит, что крестьянка находилась под сильным впечатлением от плана поездки, он сказал: «Это следствие моего хвастовства. Я люблю прихвастнуть перед любыми людьми, чтобы показать, кто я есть, люблю быть на сцене, когда общаюсь с малообразованным людом. К несчастью, мне почти всегда приходится быть в окружении малокультурных людей». Когда человек возмущается примитивом окружающей среды и чувствует, что он слишком высок для своего круга, то неполноценность среды в нем самом проектируется во внешнюю среду, и там он начинает заниматься вещами, которыми должен был бы заниматься в себе самом. Когда он говорит: я помню о своем недалеком окружении, то должен был бы сказать, – я слежу за тем фактом, что мое собственное внутреннее окружение явно ниже нормы. Правильными оценками он не располагает и не полноценен в чувственной жизни. Это и есть его проблема.

Но вернемся к сюжету сна. «В этот момент он выглядывает из окна и видит крестьян, собирающих сено». Это вновь образ чего-то, что происходило у него в прошлом. Он возвращает его к схожим картинам и ситуациям. Лето, и нужно встать рано и идти ворошить сено целый день, может придется остаться на вечер. Конечно, это простой, честный труд, и им заняты все простые, честные люди. Он вспоминает, что у него в кабинете есть картина, висящая на стене и изображающая крестьян, собирающих сено. «Вот это и есть происхождение образа в моем сне».

Следующая часть сна более затемненная – появляется краб-ящерица. Я спрашиваю, откуда он мог появиться. «Это мифическое чудовище, которое пятится задом. Откуда он мог появиться во сне, я не знаю, наверное из сказок или чего-то в этом роде». То, что он вспоминал до этого, являлось вещами, которые любой из нас может встретить в реальной жизни, предметами, реально существующими. Что касается краба, то это архетип и в реальной жизни невозможен. Аналитик, имея дело с архетипом, прибегает к размышлению. Имея дело с персональным (личностным) бессознательным, нам непозволительно слишком много придумывать и добавлять что-либо к ассоциациям пациента. Можете ли вы что-либо прибавить к личности кого-нибудь еще? Вы же сами по себе тоже личность. Другой человек живет своей собственной жизнью и собственным разумом, поскольку он личность. Но в той

степени, в какой он не личность, в той степени, в какой он рядовой индивид, особь, он обладает одинаковой структурой – базовой структурой разума, сознания, и здесь я могу начать думать, становиться его партнером. Я даже могу обеспечить его необходимым контекстом, которого у него нет; он не знает, откуда появился краб, и не понимает, что все это означает, а я знаю и могу помочь снабдить его этим знанием.

Я указал ему, что мотив героя появляется через сны. У него относительно самого себя наличествовала фантазия героя, явившаяся на поверхность в последнем сне. Он везде герой – и в длинном пальто, и с грандиозным планом, герой, когда умирает на поле боя в сражении неподалеку от лечебницы св. Якова. Он собирается показать миру, кто он таков, – и, конечно, он герой, когда побеждает чудовище. Мотив героя неизменно сопровождается мотивом дракона: дракон и герой, борющийся с ним, – две фигуры одного и того же мифа.

Здесь дракон возникает в виде краба-ящерицы. Само появление еще, конечно, не объясняет того, что дракон представлен как образ его психологической ситуации. Поэтому последующее разворачивается вокруг чудовища. Когда оно движется сначала налево, а потом направо, у сновидца возникает впечатление, что он стоит на углу, который замыкается на нем наподобие раскрытых ножниц. Это может стать фатальным. Он читал Фрейда, и, согласно ему, рассматривает ситуацию как желание инцеста, чудовище на поверку оказывается матерью, угол раскрытых ножниц – ноги матери, а он, стоящий между ними, является только что рожденным или намеривающимся вернуться назад.

Но весьма странно, однако, для мифологии, что дракон есть мать. Этот мотив можно встретить во всем мире, и само чудовище называют матерью-драконом. Мать-дракон каждый раз поедает свое дитя, она засасывает его обратно после того, как порождает, «чудовищная мать», как ее иначе называют, ждет с широко раскрытым ртом свою добычу где-то у западных морей, и, когда человек приближается к этому рту, чудовище заглатывает жертву. Чудовищный образ является матерью каменных гробов, пожирателем плоти; это в измененном виде Матута, – мать мертвых, или богиня смерти.

Подобные параллели еще недостаточны в объяснении, почему в данном сне возник образ краба-ящерицы. Я придерживаюсь (на это есть свои причины) мнения, что представления психических фактов в образах, подобных змее или ящерице, или крабу, или мастодонту, или аналогичным животным, содержат в себе органическую основу. К примеру, змея очень часто представляет собой цереброспинальную систему, особенно нижние мозговые центры; в частности, продолговатый мозг и спинальный шнур. Краб, с другой стороны, имея только симпатическую систему, представляет главным образом симпатику и парасимпатику живота; область абдоминальную. Поэтому при переводе текста самого сна это можно прочесть следующим образом: продолжая в том же духе, есть риск поставить против себя симпатическую и цереброспинальную систему и получить болезненный укус от нее, то бишь резкое нарушение деятельности симпатической и цереброспинальной системы. Фактически так и случается. Симптомы невроза сновидца выражают недовольство симпатических функций и цереброспинальной системы против его сознательной установки.

Краб-ящерица привнес архетипическую идею героя и дракона как смертельных врагов. Но в некоторых мифах можно обнаружить интересный факт – герой связан с драконом не только борьбой. Напротив, есть указания, что сам герой – это дракон. В скандинавской мифологии герой распознается по тому, обладает ли он змеиными глазами. И если у него змеиные глаза – он змея. Есть и другие мифы, содержащие ту же идею. Кекропс, основатель Афин, изображался могучим мужчиной со змеиным хвостом вместо ног. Души героев часто после смерти появляются в форме змей.

В сне чудовище движется сначала налево; я спрашиваю об этом. Он говорит, что, по-видимому, краб не знал дороги. Левая сторона – неудачная, зловещая, угрожающая. Она неблагоприятна. Правая сторона неблагоприятна для чудовища, потому что во время этого перемещения его настигает прут и убивает. Теперь о позиции в углу между движениями. Сновидец понял ее как попытку инцеста и сказал: «Фактически я чувствовал себя в окружении с любой стороны и ощущал миссию героя, который собирается сразить чудовище». Таким образом, он реализовал мотив героя.

В отличие от мифического героя он сразил чудовище не оружием, а железным прутом. Он сказал: «Судя по результату, мне показалось, что это магический прут». Определенно он расправился с крабом магическим образом. Прут – другой мифологический символ. Часто он содержит сексуальную аллюзию, а сексуальная магия – это средство защиты от опасности. Прут есть инструмент, а инструменты в снах означают то, чем в действительности являются, – средствами, которыми человек конкретизирует свое желание. К примеру, нож выражает желание резать; когда я пользуюсь копьем, то удлиняю свою руку; с помощью ружья можно проектировать влияние своего действия на большое расстояние; с помощью телескопа то же самое происходит и для зрения. Инструмент есть механизм, который представляет мое желание, мою способность и умение. Инструменты в снах символизируют аналогичный психологический механизм. Инструмент сновидца – магический круг. Он использует волшебную штуку, чтобы изгнать чудище, т. е. свою нервную систему, заведующую чувственной сферой.

Что же это означает в действительности? Как думает пациент, опасности нет. Так часто и делают. Надо хорошо подумать, что чего-то нет и этого не будет. Как ведут себя люди, состоящие только из головы? Они используют свой интеллект, чтобы считать многие вещи несуществующими; они убеждают их исчезнуть. Говорят: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Так поступил и мой сновидец. Он просто устранил чудище. «Краба-ящерицы нет; нет противоположного желания, – я избавлюсь от него, подумав, что его нет».

После этого я высказал ему свое мнение по поводу ситуации. «Лучший способ, – сказал я ему, – разобраться со снами, это представить себе, что ты малое дитя и прийти к двухмиллионлетнему старику или старухе с вопросом: „А что вы думаете об этом и обо мне?“ И он (она) вам скажет: „У вас есть амбициозный план, и это глупо, поскольку вы идете против своих же собственных инстинктов. Ваши же собственные ограниченные возможности блокируют вам путь. Вы желаете отменить препятствия магией вашего мышления. Вы

верите, что искусством интеллекта можно их преодолеть, но проблема весьма иррационального характера“. При этом я добавил: „Ваши сны содержат предостережения. Вы ведете себя точно так же, как машинист или швейцарский авангард, бросившийся на врага без поддержки основных сил, и если вы и дальше будете поступать так же, то вас ждет катастрофа“. Он был уверен, что такая точка зрения слишком серьезна и не имеет основания. Он настаивал на инцестуозной основе сновидения, на освобождающем осознании этого, и посчитал, что теперь он может отправляться в Лейпциг. Я пожелал ему счастливого пути. Через три месяца он потерял работу, положение и исчез в неизвестном направлении. Таков был конец. Он бежал от фатальной опасности, исходящей от краба-ящерицы, но не понял предупреждения. Мне бы не хотелось делать вас пессимистами. Все же есть люди, которые делают разумные выводы из своих снов, что помогает им благоприятным образом решать свои проблемы.

ДИСКУССИЯ ТРЕТЬЯ

Доктор Чарлз Брайтон:

Я не знаю, разумно ли обсуждать сны тех, кого здесь нет, но у меня есть маленькая дочь пяти с половиной лет, и недавно она увидела два сна, которые разбудили ее среди ночи. Первый сон был в середине августа, и она рассказала мне следующее: «Я вижу колесо, оно катится вниз по дороге и обжигает меня». Это все, чего я смог от нее добиться. Я хотел, чтобы она на следующий день нарисовала мне это, но она не желала, чтобы ее беспокоили, и я не настаивал. Другой сон был примерно неделю тому назад, и на этот раз это был «жук, который щипает меня». Это все, что я смог выведать у нее на этот счет. Не знаю, возьметесь ли вы прокомментировать это. Единственно, что я хотел бы добавить, это то, что она знает разницу между жуком и крабом. Она очень любит животных.

Профессор Юнг:

Вы должны учитывать, что очень трудно и едва ли разумно комментировать сны человека, о котором вам ничего не известно; однако я расскажу вам ровно столько, сколько можно увидеть в самом символизме. Жук, согласно моей идее, должен иметь отношение к симпатической системе. Следовательно, из этого сна я сделал бы вывод о том, что в ребенке происходят определенные психические процессы, касающиеся симпатической системы и способные вызывать кишечные и брюшные расстройства. Из всего, что можно сказать, наиболее осторожным будет утверждение, что в симпатической системе имеет место определенная аккумуляция энергии, вызывающая легкие расстройства. Это подтверждается также и символом огненного колеса. Колесо в ее сне, по–видимому, является солнечным символом, а в тантрической философии огонь соответствует так называемой manipura chakra, локализованной в области живота. Среди симптомов, предвещающих эпилепсию, можно порой обнаружить идею колеса, внутри которого происходит вращение. Это тоже выражает

проявления симпатического характера. Образ вращающегося колеса напоминает нам о колесе, на котором был распят Иксион. Сон маленькой девочки является архетипическим — одним из тех странных архетипических снов, которые время от времени бывают у детей.

Я объясняю эти архетипические сны у детей тем фактом, что вместе с пробуждением сознания, когда ребенок начинает чувствовать, что он существует, он еще близок к тому психологическому миру, из которого он только что вышел: к царству бессознательного. Поэтому вы обнаруживаете у многих детей осознание содержаний коллективного бессознательного — факт, который во многих восточных верованиях интерпретируется как воспоминание о прежнем существовании. Например, тибетская философия говорит о существовании «Бардо» и о состоянии души между смертью и рождением (*Evans-Wentz W.Y. The Tibetian Book of the Dead, — Русск. перевод: Тибетская книга мертвых. — СПб., 1992 (с предисловием Юнга).*). Идея предыдущего существования является проекцией психологического состояния раннего детства. Самым маленьким детям все еще присуще осознание мифологических содержаний, но если эти содержания остаются сознательными слишком долго, индивиду угрожает утрата способности к адаптации. Он одержим постоянным стремлением остаться или возвратиться к первоначальному видению. У мистиков и поэтов имеются превосходные описания подобных переживаний.

Обычно в возрасте от четырех до шести лет эти переживания окутывает завеса забвения. Однако мне встречались случаи, если можно так выразиться, «неземных» детей: у них наблюдалась экстраординарная осознанность подобных психических фактов, их жизнь протекала в архетипических снах, и они были не способны адаптироваться. А недавно я познакомился со случаем десятилетней малышки, видевшей изумительнейшие мифологические сны (*Jung C.G. Approaching the Unconscious (русск. перевод: Подход к бессознательному// Юнг К. Г. Архетип и символ. — М., 1991); данный случай обсуждается также и в книге И. Якоби (Jacobi I. Complex/Archetype/Symbol).*). Ее отец консультировался со мной по поводу этих снов. Я не мог высказать ему то, что думал, ибо в снах содержались жуткие прогнозы. Маленькая девочка умерла год спустя от инфекционного заболевания. Ей даже не довелось в полной мере родиться.

Доктор Леонард Ф. Браун:

Я хотел бы задать профессору Юнгу вопрос, относящийся к интерпретации тех снов, о которых он рассказывал нам сегодня. В связи с тем, что пациент бывает не в состоянии принять предложенную интерпретацию, мне хотелось бы узнать, можно ли преодолеть это затруднение, несколько изменив технику?

Профессор Юнг:

Если бы я имел намерение быть миссионером или спасителем, я воспользовался бы ловким трюком. Я сказал бы пациенту: «Да, это действительно материнский комплекс», — в продолжение нескольких месяцев мы бы занимались с ним разговорами на этом специфическом жаргоне, и, не исключено, что под конец мне удалось бы его поколебать. Но из опыта я знаю, что это не хорошо; не следует обманывать людей, даже ради их блага. Я не

хочу обманом выводить людей из их заблуждений. Возможно, для этого человека было бы лучше, чтобы все пошло прахом, нежели удержаться ценою лжи. Я никогда не препятствую людям. Когда кто-то говорит: «Я покончу жизнь самоубийством, если...», — я говорю: «Если таково ваше желание, мне нечего сказать».

Доктор Браун:

Есть ли у вас какие-то подтверждения того, что симптомы «горной болезни» поддаются лечению?

Профессор Юнг:

У пациента невроз исчез в связи с тем падением, которое он пережил. Этому человеку не отвечала высота в 6000 футов; ему следовало быть значительно ниже. Он спустился вниз, чтобы не стать невротиком. Однажды я беседовал с главой крупного американского учреждения, занимающегося воспитанием детей–преступников, и услышал от него об очень интересном опыте. У них имеется две категории детей. Большинство из них, попадая в учреждение, чувствуют себя значительно лучше, развиваются очень хорошо и вполне нормально; в конце концов, они перерастают свои пороки — какими б они ни были. Дети же другой категории — они составляют меньшинство — становятся истеричными. Это прирожденные преступники. Они психически нормальны тогда, когда поступают неправильно. Мы тоже чувствуем себя не так уж хорошо, когда ведем себя образцово, нам много лучше, когда мы понемногу грешим. Это от того, что мы несовершенны. Индусы, когда они строят храм, оставляют один угол недостроенным; только боги создают нечто совершенное; человек на это никогда не способен. Лучше отдавать себе отчет в том, что человек несовершенен, в таком случае и он с нами будет чувствовать себя значительно лучше. Так обстоит дело с этими детьми, так бывает и с нашими пациентами. Неразумно обманом уводить человека от его судьбы и помогать ему превзойти его собственный уровень. Если человек сам готов адаптироваться, любыми средствами помогайте ему; но если на самом деле его задача не адаптироваться, любыми средствами помогите ему не адаптироваться; только тогда с ним будет все в порядке.

На что был бы похож мир, если бы все люди разом адаптировались? Во всяком случае, было бы нестерпимо скучно. Должны существовать люди, которые ведут себя неправильно; они выполняют роль козлов отпущения, они необходимы психически нормальным людям. Задумайтесь, чем мы обязаны детективным романам и газетным очеркам — мы ведь можем сказать: «Слава небесам, я не из тех, кто совершает преступления, я абсолютно невинное создание». Вы чувствуете удовлетворение, и этим вы обязаны людям порочным. Это придает глубочайший смысл тому факту, что Иисус как спаситель был распят между двумя разбойниками. Эти разбойники по–своему тоже были спасителями человечества — они были козлами отпущения.

Вопрос:

Я хотел бы задать вопрос о психологических функциях, если, конечно, это не уводит нас слишком далеко в сторону. Прошлый раз, отвечая на вопрос, вы сказали, что нет

критериев, согласно которым можно было бы рассматривать какую-либо из функций как высшую саму по себе, затем вы сказали, что для достижения полного и адекватного знания о мире должны быть одинаково дифференцированы все четыре функции. Не имеете ли вы, таким образом, в виду, что в каком-то определенном случае все четыре функции могут быть в равной степени дифференцированы, или что это достигается путем обучения?

Профессор Юнг:

Я не верю в то, что по–человечески возможно одинаково дифференцировать все четыре функции, в противном случае мы были бы столь же совершенны, как Бог, а этого, бесспорно, не случится. В кристалле всегда будет трещина. Мы никогда не сможем достичь совершенства. Более того, если бы мы могли одинаково дифференцировать все четыре функции, мы тем самым просто превратили бы их в функции, доступные сознанию. Но тогда мы утратили бы идущую через подчиненную функцию наиболее ценную связь с бессознательным, ибо эта функция неизменно является слабейшей; лишь благодаря нашим слабостям и ограниченным способностям мы связаны с бессознательным, с низшим миром инстинктов и с себе подобными. Наши добродетели лишь дают нам возможность быть независимыми. Тут мы ни в ком не нуждаемся, тут мы короли; но в нашей подчиненности мы связаны с человечеством, равно как и с миром наших инстинктов. Это даже не преимущество -иметь все функции совершенными, потому что это состояние было бы равносильно полной отчужденности. Я лишен мании совершенства. Мой принцип таков: ради бога, не будьте совершенными, но любыми средствами старайтесь достичь полноты, чего бы вам это ни стоило.

Вопрос:

Могу ли я спросить, что означает эта полнота? Нельзя ли более обстоятельно обсудить это?

Профессор Юнг:

Должен же я оставить что-то и на долю ваших собственных умозаключений. Несомненно, вам было бы весьма занимательно, скажем, по дороге домой подумать о том, что означает эта полнота. Не следует лишать людей удовольствия делать свои собственные открытия. Полнота — это очень важная проблема, говорить об этом весьма интересно, но главное все же — быть таковым.

Вопрос:

Как с вашей схемой соотносится мистицизм?

Профессор Юнг:

С какой схемой?

Ответ:

Со схемой психологии и psyche.

Профессор Юнг:

Безусловно, вам следует определить, что вы подразумеваете под мистицизмом. Допустим, вы имеете в виду людей, имеющих мистический опыт. Мистиками являются люди, наделенные яркими переживаниями процессов коллективного бессознательного. Мистические опыт (experience) заключается в переживании (experience) архетипов.

Вопрос:

Имеется ли какое-то различие между архетипическими и мистическими формами?

Профессор Юнг:

Я не провожу между ними различия. Если вы займетесь феноменологией мистического опыта, то столкнетесь с интереснейшими вещами. Например, все вы знаете, что наши христианские небеса — это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Богоматерь не является божественной, она лишь архисвятая; она ходатайствует за нас перед троном Господним, но не является частью Божества. Она не входит в состав Троицы.

Некоторые христианские мистики имеют иной опыт. Например, швейцарский мистик — Никлаус ван дер Флю (*См.: Jung C.G. Brother Klaus// C.W. — Vol.11.*). Его переживание относилось как к Богу, так и к Богине. В тринадцатом веке был мистик, Гильом де Дигюльвиль, написавший «Pelerinage de 1'ame de Jesus Christ» (*См.: Юнг К. Г. Психология и алхимия (пар. .315).*). Подобно Данте, он имел видение высшего рая в виде «le ciel d'or» (*Золотой небесный свод (франц.) — Ред.*), где на троне, что в тысячу раз ярче солнца, восседает le Roi (*Король (франц.). — Ред.*) - т.е. сам Бог, а за ним на хрустальном троне коричневого оттенка — la Reine (*Королева (франц.). — Ред.*), предположительно Земля. Это видение находится за пределами пределами идеи Троицы, оно является мистическим опытом архетипического характера, включающим женский принцип. Троица — это канонический образ, базирующийся на архетипе исключительно мужского характера. В ранней Церкви гностическая интерпретация Святого Духа в качестве женщины была признана ересью.

Догматические образы, такие как Троица, — это архетипы, ставшие абстрактными идеями. Однако и в рамках Церкви возможен мистический опыт, чей архетипический характер еще вполне очевиден. Поэтому порой здесь содержится еретический или языческий элемент. Вспомните, например, святого Франциска Ассизского. Лишь благодаря огромному дипломатическому таланту папы Бонифация Восьмого св. Франциск смог быть принятым в лоно Церкви. Достаточно вспомнить лишь о его отношении к животным, чтобы оценить всю сложность положения. Животные, как и Природа в целом, были табу для Церкви. Тем не менее имеются священные животные, такие как Агнец, Голубь, Рыба (в ранней Церкви), пользующиеся почитанием.

Вопрос.

Не выскажет ли профессор Юнг свою точку зрения относительно психологических различий между диссоциацией при истерии и шизофрении?

Профессор Юнг:

При истерии диссоциированные персоналии все еще находятся в определенном взаимодействии, поэтому у вас всегда остается впечатление единой личности. В случае истерии вы всегда можете установить связь, вы получаете реакцию чувств целостной личности. Имеется лишь поверхностное разделение между определенными отделами памяти, но всегда присутствует и базовая личность. В случае шизофрении — по–другому. Здесь вы встречаете лишь фрагменты, здесь нигде нет целого. Поэтому, если у вас есть друг или родственник, которого вы хорошо знали раньше, когда его еще не постиг этот недуг, вас ждет потрясение при встрече с полностью расщепленной фрагментарной личностью. В каждый конкретный момент времени вы можете иметь дело лишь с одним из фрагментов; это как осколки стекла. Вы больше не чувствуете связности личности. Имея дело со случаем истерии, вы думаете: лишь бы мне удалось стереть эти проявления обскурантизма или сомнамбулизма, и тогда мы получим воссоединенную личность; при шизофрении же имеет место глубокая диссоциация личности: фрагменты больше не могут прийти в согласие.

Вопрос:

Имеются ли какие-либо более строгие психологические понятия, с помощью которых может быть выражено это различие?

Профессор Юнг:

Имеются определенные пограничные случаи, когда вы еще можете «сшить» воедино все части, при условии, что вам удастся восстановить утраченные содержания. Я расскажу вам один известный мне случай. Женщина дважды побывала в психиатрической лечебнице с типичными приступами шизофрении. Когда она попала ко мне, она чувствовала себя лучше, но по–прежнему находилась в галлюцинаторном состоянии. Я видел, что расколовшиеся части еще досягаемы. Затем мы вместе с ней начали разбирать детали тех переживаний, которые она имела в больнице; мы прошлись по всем голосам и по всем иллюзиям, я объяснил ей каждый факт таким образом, чтобы она смогла ассоциировать их со своим сознанием. Я показал ей, чем были все те бессознательные содержания, которые появлялись в состоянии помешательства, и поскольку она была весьма умной особой, я дал ей почитать книги с тем, чтобы она побольше узнала, главным образом в области мифологии, что позволило бы ей «сшить» все воедино. Линии разрывов, бесспорно, сохранились, и когда впоследствии у нее была новая волна дезинтеграции, я, для того чтоб иметь целостную картину, объективирующую ее состояние, попросил ее написать или нарисовать на бумаге изображение этой особой ситуации, и она так и сделала. Она принесла мне довольно много сделанных ею рисунков, которые всегда ей помогали в тех случаях, когда она чувствовала, что вновь распадается на части. Таким способом я сохранял ее на плаву в течение примерно двенадцати лет, у нее больше не было приступов, которые делали бы необходимой ее изоляцию в больнице. Ей всегда удавалось парировать приступы путем объективации их содержаний. Более того, она рассказала мне, что, сделав такой рисунок, она обращалась к своим книгам и читала главу, касающуюся какой-то главной его особенности; делала она это для того, чтобы обрести единство с человечеством, с тем, что известно людям, с коллективным сознанием; после этого она вновь чувствовала себя хорошо. Она сказала, что

чувствует себя вполне адаптированной и не должна более полагаться на милость коллективного бессознательного.

Другие случаи, как вы догадываетесь, не столь доступны, как этот. В принципе, я не способен излечить шизофрению. Однако при счастливом стечении обстоятельств я могу синтезировать фрагменты. Но я не люблю заниматься этим, поскольку это ужасно трудная работа.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Интерпретация глубокого сна на примере, рассмотренном нами выше, никогда не будет исчерпывающей, если останется в области личностной сферы. Подобные сны содержат архетипические образы, и это означает, что психологическая ситуация сновидца выходит за пределы личностного слоя бессознательного. Его проблема в дальнейшем уже не только частное дело, но в известном смысле проблема общечеловеческая. Символ чудовища как раз и указывает на это. Он демонстрирует миф о герое, и дальнейшая связь со сражением у лечебницы св. Якова также представляет общий интерес.

Способность рассматривать ситуацию с общей точки зрения обладает в клиническом смысле огромной терапевтической силой. Современная терапия не очень-то осведомлена об этом, но древней медицине было хорошо известно, что возведение индивидуальной болезни на общий, более высший и безличный уровень несет значительный лечебный эффект. В Древнем Египте, например, к человеку, укушенному змеей, сразу же звали жреца-лекаря, и тот брал с собой из библиотеки храма манускрипт с мифом о Боге Ра и о его матери Изиде. Совершался процесс лечебной декламации в присутствии укушенного больного. Изида произвела ядовитого червя и упрятала его в песок, бог Ра наступил на змею, и та его укусила. Бог Ра стал страдать от ужасной боли и находился под угрозой смерти. Тогда боги настояли на том, чтобы Изида прочла заклинание, которое вытянуло бы яд из тела. Суть идеи проста – пациент под впечатлением услышанного может и в самом деле вылечиться (И Изида, великий мастер чародейства, произнесла:,,Струись яд и выходи из Ра… Я совершила тайнодействие и теперь яд прольется на землю, ибо он послушен мне… Ра будет жить, а яду суждено умереть, ибо если яд жив, то умрет Ра». И сходным образом конкретный человек, сын конкретного человека будет жить, а яд, попавший в его тело умрет». E. A. Wallis Budge. Египетская литература. Т. 1. С. 55). Для нас с вами это представляется совершенно невозможным. Трудно вообразить, что, читая сказки братьев Гримм, можно вылечиться от тифозной лихорадки или воспаления легких. Но даже с нами могут происходить определенные чудеса: иногда простое утешение, сочувствие или психическое воздействие сами по себе могут вылечить или по крайней мере помочь в лечении.

Если архетипическая ситуация, подразумевающая болезнь, была выбрана верно, то пациент-пращур выздоравливал. Ему начинало казаться, что муки болезни не только его одного, но общие – даже сам Бог страдал. Косвенным путем это вводило пациента в

общество людей и богов, и это знание обладало значительным излечивающим эффектом. Современная духотерапия пользуется теми же приемами: боль или страдание сравнивается с муками Христа, что приносит утешение. Индивид покидает скорлупу своего жалкого одиночества и представляется последователем божественной героической судьбы через страдания самого Бога. Когда древнему египтянину указывают, что он следует судьбой Ра, Бога Солнца, он тотчас же встает на один уровень с фараоном, являющимся сыном Бога. Таким образом, обычный человек становился сам как бы богом (отождествляясь с ним), это приводило к освобождению огромных запасов энергии (психической), откуда понятно излечивание и снятие болевых ощущений. Отсюда становятся понятными и некоторые необычные ритуальные действия людей. Например, хождение босыми ногами по раскаленным углям или нанесение себе тяжких телесных повреждений, которые воспринимаются без какого-либо чувства боли. Вероятно, что здесь срабатывает этот впечатляющий и адекватный сигнал, мобилизующий бессознательные силы до такой степени, что даже нервная система перестраивается, делая тем самым реакции тела «нормальными».

В случае психического страдания, которое всегда изолирует индивида от сообщества, от объединения так называемых нормальных людей, огромную роль играет понимание, а скорее, вера, что конфликт не индивидуальная трагедия, а одновременно страдание всех, общая ноша времени. Эта общая точка зрения возвышает человека над собой и связывает с человечеством. В подобном случае нет условий для возникновения невроза, ибо подчас ситуации порождаются самыми обычными обстоятельствами. Например, живя в современном обществе, вы вдруг потеряли деньги. Естественная реакция – огорчение и стыд, что ты единственный такой осел, который теряет деньги. Но поскольку все теряют деньги, и это не есть нечто из ряда вон выходящее, то в конце концов примиряешься с потерей. Когда другим людям так же плохо, как тебе, переносить дискомфорт гораздо легче. Если человек потерялся в пустыне, на леднике или он ответственный лидер группы в рискованной ситуации, он чувствует себя скверно, если не совсем плохо. Но если он солдат потерявшегося батальона, то он присоединится к остальным, отпуская шутки, подбадривая коллектив и себя, и не будет думать об опасности. И хотя степень опасности от этого не меньше, индивид чувствует себя совершенно иначе в группе, чем когда он оказывается в подобном положении один.

Когда архетипические фигуры возникают в снах, особенно на последних этапах анализа, я объясняю пациенту, что его случай не уникальный и не особенный, и что его психика работает на уровне, близком к общечеловеческому. Это важно, так как невротик чувствует себя ужасно изолированным и стесняется своего невроза. Но если он знает, что его проблема общая, а не просто личная, вот тут уже другое дело.

Битва героя с драконом, как символ типичной человеческой ситуации, – очень частый мифологичекий мотив. Одна из его древнейших литературных версий – Вавилонский миф Творения, в котором герой-бог Мардук борется с драконом Тиаматом. Мардук – бог весны, а Тиамат – мать-дракон, первозданный хаос, Мардук убивает ее и разрубает на части. Из одной половины он делает небеса, а из другой – землю.

Другая, более удачная параллель – эпос о Гильгамеше.

Гильгамеш – типичный карьерист, человек честолюбивых замыслов, как и наш сновидец, великий царь и герой. Мужчины рабским трудом возводят город со сложными оборонительными стенами. Женщины, забытые, покинутые мужьями, взывают с мольбой к богам защитить их от безрассудного тирана. Боги решают, что пора что-то предпринять. На психологическом этапе это означает: Гильгамеш пользуется только своим сознанием, голова имеет крылья и отделена от тела, но тело собирается что-то заявить по этому поводу. Ситуация оборачивается неврозом, а именно: столкновением противоположных факторов-полюсов. Как же невроз выглядит в поэме? Боги решают «призвать», т. е. сделать человека наподобие Гильгамеша. Они создают Энкиду, однако Энкиду несколько отличается от Гильгамеша. Длинные волосы на голове, выглядит как пещерный житель, живет с дикими животными в степи, пьет воду из колодцев, вырытых копытами газелей. Гильгамеш в добром здравии и памяти спит и видит сон, посвящающий его в намерения богов. Ему снится, что на его спину упала звезда, превратившаяся в могучего воина, и Гильгамеш борется с ним, но не может освободиться. В конце концов он все же побеждает и бросает противника к ногам матери, а мать делает его равным Гильгамешу. Мать, как мудрая женщина разгадывает сон Гильгамеша, но Гильгамеш, пользуясь хитрыми приемами, делает Энкиду своим другом. Он овладевает реакцией бессознательного: хитростью и настойчивостью преследует своего противника, в результате они становятся друзьями и могут действовать вместе. Но приключения только разворачиваются.

В самом начале совместных предприятий Энкиду видит мрачный сон – подземное царство, где живут мертвые; а в это время Гильгамеш готовится к серьезному и опасному делу. Как и подобает героям, вместе с Энкиду он собирается победить Хумбабу, ужасное чудовище, которого боги поставили охранять их святилище на кедровой горе. Хумбаба издавал буреподобный рев, так что всех, кто приближался к кедровой роще, охватывала слабость. Энкиду выглядел храбрым и очень сильным, однако нервничал по поводу всего мероприятия. Его угнетали дурные сны, к которым относился со вниманием; сходным образом, как и подавленный человек в нас самих, над которым мы смеемся, когда эта подавленная часть нашего «Я» проявляет суеверность определенных дат и т. п.; подавленный человек, тем не менее, продолжает нервничать по поводу определенных вещей. Энкиду очень суеверен, его преследуют дурные сны на пути в лес и предвестия худых новостей. Но Гильгамеш толкует эти сновидения оптимистически. Вновь реакция бессознательного оказывается не соответствующей дальнейшему сюжету, – наши герои достигают успеха и с триумфом доставляют голову Хумбабы в свой город.

Но тут вмешиваются боги, точнее богиня Иштар, пытающаяся победить Гильгамеша. Исходный принцип самого бессознательного – Вечная женственность, и Иштар с истинно женской хитростью обещает Гильгамешу золотые горы, если он станет ее возлюбленным. Он уподобится Богу, его власть и богатства безмерно возрастут, но Гильгамеш не верит ни одному ее слову. Он грубо отказывается и, в свою очередь, обвиняет ее в жестокости и неверности своим любовникам. Иштар в гневе и в бешенстве призывает богов сотворить исполинского быка, который спускается с небес и начинает разрушать царство Гильгамеша.

Вспыхивает великая битва, сотни людей погибают, отравленные дыханием священного быка. Гильгамешу с помощью Энкиду удается убить быка. Празднуется победа.

От боли и гнева Иштар опускается на стену города, тут сам Энкиду совершает над ней насилие. Он оскорбляет ее и бросает в лицо член мертвого быка. Это кульминационный момент, отсюда начинаются перепитии. Энкиду видит зловещие сны, а затем заболевает и умирает.

Это означает, что сознательное полностью отделилось от бессознательного. Бессознательное ушло со сцены, и Гильгамеш остался один – победитель с горестным лицом. Он едва выносит потерю друга, но все его муки утраты есть по сути страх смерти. Гильгамеш видит своего друга мертвым и сталкивается лицом к лицу с фактом смерти – и он смертей. Теперь только одно желание беспокоит его – достичь бессмертия. Он предпринимает героические усилия, чтобы отыскать лекарство против смерти – он знает одного старика, своего предка, обретшего вечную жизнь и живущего далеко на Западе; он пытается найти его. Начинается путешествие в подземное царство, а затем Гильгамеш отправляется на Запад, вслед за солнцем, через двери небесной горы. Он преодолевает неслыханные трудности, и даже боги не мешают рискованному предприятию, хотя знамениями говорят ему, что поиски напрасны. В конце концов Гильгамеш достигает цели своего путешествия и убеждает старика рассказать о лекарстве. На дне моря он добывает магическую траву бессмертия pharmakon athanasias и приносит ее домой. Он устал от странствий, но полон радости, так как овладел удивительным лекарством, и ему не надо больше бояться смерти. Гильгамеш купается в бассейне, освежая себя с дороги, а в это время змея вынюхивает целебное растение, подползает к нему и выкрадывает его. Возвратившись, Гильгамеш предпринимает новые действия по укреплению города, но мира не наступает. Он хочет знать, что происходит с человеком после смерти, и в конце концов к нему приходит дух Энкиду. Он появляется из дыры в земле и сообщает Гильгамешу весьма неутешительные сведения. На этом эпос кончается.

Сохранилось значительное количество снов, записанных в античный период, в которых прослеживаются параллельные мотивы. Я приведу короткий пример того, как поступали наши коллеги в древности, разгадывая сон. Первый век новой эры. Эпизод, изложенный Иосифом Флавием в его истории об Иудейской войне, в котором он описывает разрушение Иерусалима.

Тетрарх Палестины по имени Архелаос был римским правителем и отличался жестокостью. Подобно почти всем провинциальным правителям, он рассматривал свое положение как удобный способ возвеличить себя и украсть то, на что натыкались его взгляд и руки. В результате такого положения дел к императору Августу в конце концов послали делегацию с жалобой. Случилось это на десятый год правления Архелаоса. Примерно в это же время ему приснился сон, в котором он увидел девять больших спелых колосьев пшеницы, которые «на глазах» поела голодная скотина. Архелаос встревожился и немедленно призвал к себе «психоаналитика». Психоаналитик сказать ничего не смог, возможно он побоялся сказать правду, и отделался ничего не значащими фразами. Тогда

Архелаос собрал группу других «психоаналитиков» для консультации, но и те ничего путного не сообщили.

В те времена в Египте существовала любопытная секта людей, эссеев, с весьма независимыми взглядами. Они жили неподалеку от Мертвого моря, кстати, вполне возможно, что к этой секте принадлежал Иоанн Креститель. Послали к ним за толкователями. Явился некто Симон Эссей и, разобравшись, дал следующий ответ: «Пшеничные хлопья означают годы твоего правления, а скотина, пожравшая их – перемены. Девять лет истекло, и теперь предстоят большие перемены в твоей судьбе. Голодная скотина предвещает твое падение». Подобные сельскохозяйственные образы в тех странах воспринимались достаточно легко. Поля должны были надежно охраняться от пасущегося скота. Трава на южных пастбищах растет очень низкая, и скот вечно голоден, так что ночной визит коров или волов через Сломанный забор на засеянное поле может обернуться катастрофой – потерей урожая. Отсюда и основа для толкования сна.

Через несколько дней после визита прорицателя прибыл римский инспектор; он провел расследование, сместил Архелаоса, лишил всего недвижимого имущества и выслал из Палестины.

Архелаос был женат, и его жене, Глафире, тоже приснился сон. Естественно, происшедшее с мужем держало ее под сильным впечатлением. Во сне явился первый муж (Архелаос был третьим), согласно сновидческой версии, он был убит Архелаосом, так что появился он из царства мертвых. Этот бывший муж, по имени Александрос, обвинил Глафиру в недостойном поведении и сообщил, что собирается забрать ее назад к себе. Симон Эссей по поводу этого ничего не пояснил, предоставив эту возможность нам. Важно то, что в действительности Александрос был мертв. Поэтому когда он заявил, что собирается забрать Глафиру к себе, то это означает, что ей предстоит путь в загробный мир. Так оно и случилось – через несколько дней Глафира совершила самоубийство. Способ, которым руководствовался Симон-прорицатель, оказался весьма рациональным и логичным с точки зрения сегодняшнего дня. Правда, он не был слишком сложным, как того требует большинство наших снов. Я отметил для себя следующую особенность: сны по своей сложности или простоте соответствуют самому сновидцу, сложности структуры его сознания. Только они всегда немного впереди сознания сновидца, предшествуют сознанию. Например, я не понимаю свои собственные сны сколь-нибудь лучше, чем сны других людей, так как они – мои сны – отчасти выходят за рамки возможностей моего понимания. Здесь у меня тоже проблемы, как и у людей, совершенно ничего не знающих о толковании снов. Знание не оказывается преимуществом, когда дело заходит о собственных снах.

Другая интересная параллель к нашему случаю – это история, возможно, известная вам из четвертой главы книги пророка Даниила. Когда царь Навуходоносор завоевал всю Месопотамию и Египет, то решил, что теперь он самый великий человек, поскольку владеет всеми, известными ему землями. И вот ему снится сон, типичный, как мы говорим, сон карьериста, забравшегося слишком высоко. Ему приснилось дерево невероятных размеров, выросшее до небес и отбрасывающее тень на всю землю. Но вот наблюдающий с небес

ангел-хранитель приказал срубить дерево, обрубить сучья и ветки, сорвать листья, так что в конце концов остался один пень. А сам он, Навуходоносор, дикий и одинокий, живет среди зверей, и у него вместо человеческого сердца – звериное.

Конечно, все признанные астрологи, мудрецы и прорицатели отказались разгадать сон. И только Даниил понял его смысл. Он предостерег царя от попыток стяжательства и несправедливостей, иначе, сон может обернуться несчастьем. Но царь, полный манией величия, советом пренебрег. Тогда голос с небес вновь послал ему знамение, повторившее пророчество Даниила. И что же в конце концов? Все случилось, как и было предсказано. Навуходоносор превратился в зверя и очутился среди животного царства. Ел траву, тело покрылось росой, волосы выросли длиной с орлиные перья, ногти стали когтями. Он превратился в дикаря, лишенного за ненадобностью разума. Еще хуже, чем дикаря, так как утратил все человеческое; он стал чудовищем Хумбабой. История символизирует полную деградацию человека, потерявшего себя.

Случай этот иллюстрирует проблему преуспевающего человека, забывающего о себе и наталкивающегося на сопротивление бессознательного. Противоречие возникло прежде всего в снах, и если оно не принимается во внимание, то переживается в реальности, и, как правило, катастрофическим образом. Эти исторические сны, как и все сны, осуществляют компенсаторную функцию: они – индикация, симптом, служащий сигнализацией того, что где-то он отклонился от своего собственного пути. Где-то он мог стать жертвой собственной амбиции и тщеславных замыслов, и если он не обратит внимание на это, то пропасть может увеличиться, увеличивая тем самым вероятность в нее угодить.

Я хочу подчеркнуть, что в истолковании снов очень важно внимательнейшим образом рассмотреть все детали, не упуская из виду и сам контекст.

Ни в коем случае нельзя подстраивать какую-либо теорию, но всегда спрашивать сновидца, что он чувствует по поводу тех или иных образов. Сны всегда посвящены какой-либо частной проблеме индивида, относительно которой у него неверное сознательное суждение. Сны всегда являются реакцией на нашу сознательную установку, действующей тем же самым образом, каким тело, скажем, реагирует на переедание или недоедание. Сны – естественная реакция само регуляции психической системы.

Эта формулировка лежит в основе теории о структуре и функции сновидений. Я придерживаюсь Точки зрения, что сны также многомерны, непредсказуемы и невычислимы, как и человек, поведение которого можно пронаблюдать в течение дня. Проследите за человеком в течение ряда моментов и вы увидите и услышите самые разнообразные реакции; то же и со снами. В снах мы проявляем такую же разносторонность, как и в повседневной жизни; и так же, как невозможно обосновать теорию многих аспектов сознательной личности, так же невозможно выстроить общую теорию сновидений.

Сегодня, вопреки собственной традиции, я собираюсь проанализировать сон не из серии, а единичный. Более того, я не знаком со сновидцем и, следовательно, не могу использовать ассоциативную сферу. Поэтому интерпретация сна покажется кому-то спорной.

Но есть и известное оправдание для подобной процедуры. Если сон сконструирован из личностного материала, то и ассоциации носят индивидуальный характер, но если сон главным образом мифологичен по структуре – разница между ними очевидна сразу, – то тогда он говорит универсальным языком, и любой интерпретатор может пользоваться параллелями для конструирования текста. По крайней мере необходимое знание для этого у него есть. Например, если во сне разыгрывается герой-дракон, каждый кое-что может сказать по этому поводу: все мы читали сказки и легенды и знаем о героях и драконах. На коллективном уровне сновидений практически разницы между людьми нет, в то время как на персональном уровне царит полное различие.

Главная составляющая сновидения, о которой я собираюсь говорить, – мифологическая. Здесь мы сталкиваемся с вопросом: при каких условиях снятся мифологические сны? У цивилизованных людей они крайне редки, так как наше сознание в значительной степени свободно от подспудного архетипического разума. Мифологические сны поэтому воспринимаются нами как очень чуждый элемент. Но это не так, когда речь идет о менталитете, близком к первобытной психике. Примитивы обращают огромное внимание на такие сны и называют их «большими снами» в противоположность обычным. Они чувствуют, что эти сны важны и несут в себе общий для всех смысл. Поэтому в племенной общине сновидец всякий раз объявляет о приснившемся «большом сне» соплеменникам, по поводу чего собирается специальный совет. «Большие сны» каждый раз рассказывались римскому сенату. Сохранилась история I века до н. э. о сновидении дочери сенатора, в котором богиня Минерва явилась перед ней и пожаловалась, что римляне нерадиво относятся к ее храму. Госпожа чувствовала себя обязанной изложить сон сенату, который, выслушав, проголосовал выделить определенную сумму денег на ремонт храма. Похожая история рассказана Софоклом: из храма Геракла был украден драгоценный золотой сосуд. Во время сна Софокла перед ним явился Бог и назвал ему имя вора. После того как сон повторился в третий раз, Софокл счел нужным известить об этом Ареопагус (Ареопагит).

Человек, на которого пало подозрение, был задержан, в процессе расследования он признался и вернул украденный сосуд. Эти мифологические или коллективные сны обладают свойствами, заставляющими людей инстинктивно рассказывать их. Инстинкт здесь совершенно обоснован, так как такие сны принадлежат индивиду, они несут в себе коллективный смысл. Объективно они содержат в себе бесстрастную истину, в частности являются той же истиной для ряда людей в определенных обстоятельствах. Вот почему в античности и в середине века сны весьма почитались. Тогда наличествовало убеждение, что они выражают коллективную человеческую правду.

Теперь о самом сне. Его сообщил мне коллега моих лет: он добавил при этом некоторые подробности о самом сновидце. Коллега —клинический психиатр, а пациентом оказался весьма приметного вида молодой француз двадцати двух лет, очень интеллигентный и красивой наружности. Француз путешествовал по Испании и вернулся в очень подавленном состоянии, которое врачи определили как маниакально-депрессивный психоз (МДП), депрессивную форму. Степень подавленности не была критически острой, хотя клиент чувствовал себя неважно и был госпитализирован. Спустя полгода он выписался и

через несколько месяцев после этого покончил с собой, несмотря на то что в процессе лечения он стал практически здоров, от депрессии избавился, так что была вероятность, что самоубийство произошло в состоянии спокойного сознания. Сновидение происходило в самом начале периода депрессии.

В основании большого собора в Толедо находится резервуар с, водой, сообщающийся с речкой Тахо, опоясывающей город. Резервуар представляет собой небольшое темное помещение. В воде живет огромный змей, глаза его сверкают, как бриллианты. Здесь же находится золотой кувшин, в котором хранится золотой кинжал. Кинжал является ключом к городу, и его обладатель имеет полную власть над Толедо. Сновидец знает, что змей друг и защитник В. С., юного приятеля сновидца. В. С. засунул голую ногу в пасть змею, змей дружелюбно лижет ее, а В. С. радостно играет со змеем, на лице бесхитростного дитяти нет и тени страха. Во сне В. С. что-то около, семи лет, в действительности он и в самом деле друг юных лет сновидца. С того момента, вещает сон, змея забыли, и уже никто не осмеливается спускаться в его обитель.

Эта часть сна вступительная, затем начинается само действие.

Сновидец наедине со змеем. Он почтительно, но без страха, беседует с ним. Змей рассказывает, что Испания принадлежит ему, так как он друг В. С., а затем просит вернуть мальчика. Сновидец отказывается сделать это, но взамен обещает сам спуститься в темную пещеру и подружиться со змеем. Позже он изменяет решение и намеревается послать вместо себя своего приятеля мистера С. Мистер С. потомок испанских мавров, и его визит в подвальный резервуар с водой должен продемонстрировать исконную храбрость этого народа. Сновидец советует прихватить меч с красной рукояткой, найденный на оружейном заводе по другую сторону реки Тахо. При этом сообщается, что меч очень древний, относящийся к периоду Фекии (Народ древней Фекии, основавшей колонии по восточному побережью Испании. Феки находилась на западном побережье Малой Азии. – Прим. перев). С. берет меч и спускается в резервуар, сновидец советует ему проткнуть левую ладонь мечом. С. протыкает, но оказывается не в состоянии сохранить самообладание в присутствии могучего змея. Подавленный болью и страхом С. кричит и, качаясь, вылезает наверх, не захватив с собой кинжал. Выходит, что С. править Толедо не сможет, и тут сновидец ему ничем помочь не может. Он вынужден разрешить остаться простым украшением на стене собора…

Сон кончается. Он, естественно, происходил на французском языке. Что мы имеем по тексту сна? В плане друзей – определенные намеки: В. С. – друг раннего детства, немного старше, чем сновидец. Последний спроектировал на мальчика все обаяние и очарование и сделал из него героя, но позже потерял его из виду, возможно мальчик умер. С. – друг более недавнего времени. Указывается на то, что он родом из испанских мавров.

Уже говорилось, что сновидец недавно был в Испании и, конечно, видел Толедо, после чего случился сон. Пациент был в плохом состоянии и не мог помочь доктору в толковании сна. Мой коллега не знал, что делать с этим сном, но чувствовал его важность и решил отослать сон мне. Получив сон, я не смог сразу расшифровать его. Тем не менее у меня

появилось ощущение, что знай бы я больше о такого рода снах и если бы я занимался этим случаем сам, то мог бы помочь молодому человеку, и самоубийство, возможно, не произошло. Мне знакомы случаи, когда, понимая сны буквально, люди сталкивались с большими трудностями. С таким чувствительным, утонченным, изучавшим историю искусства и необычайно интеллигентным человеком, как наш пациент, следовало быть особенно осторожным и внимательным. Банальности здесь неуместны, был необходим глубокий анализ. Не будет ошибкой предположить, что Толедо – город мечты сновидца, мечты, которая возникла бы у любого человека с его уровнем образования, тонким эстетическим восприятием, эрудицией.

Это чрезвычайно впечатляющий город. В нем находится один из наиболее изумительных готических соборов мира. Место с очень древними традициями, старый римский Толетум веками был резиденцией кардинала епископата и примата Испании. С VI по VIII век бывшей столицей вестготов; с VIII по XI – столицей Мавритании, а с XI по XVI – столицей Кастилии. Толедский собор – прекрасное и впечатляющее сооружение – воплотил в себе мощь, величие, красоту и тайну средневекового христианства, нашедшее свое существенное выражение в церкви. Собор является воплощением, олицетворением духовного царства, так как в средние века мир управлялся императором и Богом. Поэтому собор выражает христианскую философию или мировоззрение средневековья.

Сон говорит, что под собором находится таинственное место, которое в реалии не соответствует христианской церкви. Что могло находиться под собором в тот период? В древности всегда существовали подземные часовни или крипты. Большая крипта есть в Шартрском соборе, она дает прекрасное представление о мистериальном характере крипты. Крипта в Шартре первоначально была святилищем с источником, там совершались поклонения деве – не деве Марии, как сейчас, а кельтской богине. Под каждой христианской церковью в средние века сооружалось потаенное место, в котором в старину совершались мистериальные празднества. То, что сейчас мы называем церковными таинствами, в раннем христианстве было мистериальным. В Провансе крипта называлась Le musset, что означает секрет, слово, возможно, происшедшее от мистерии, могущее означать тайное место. В Аосте, где говорят на провансальском диалекте, есть musset под собором.

Крипта, возможно, ведет свое начало от культа Митра (древнеиранского бога Солнца). В митраизме главная религиозная церемония совершалась в сводчатом склепе, наполовину скрытом под землей. Прихожане в это время находились в главной церкви наверху. Сквозь специальные смотровые щели они могли видеть и слышать церемонию службы, самих священнослужителей и избранных, распевающих псалмы, совершающих ритуальные обряды внизу. Вход туда разрешался только посвященным. Крестильни в христианской церкви, отделенные от основной молитвенной залы храма, служат той же цели, так как крещение (и причастие) являлось мистерией, о которой прямо не упоминалось. Пользовались аллегорическими намеками, чтобы сохранить тайну. Засекреченность касалась и имени Христа, которое упоминать не разрешалось. Вместо этого употреблялось имя Ихтиас, Рыба. Возможно, кое-кому приходилось видеть репродукции раннехристианской живописи, где Христос появляется в виде рыбы. Тайна, связанная со священным именем, есть возможная

причина, почему имя Христа не упоминалось в раннем христианском документе 140 года н. э., известном как Пастырь Гермы. Последний являлся важной частью христианской литературы, почитаемой церковью до XV века. Автор этой книги видений Герма, как полагают, был братом римского епископа Пиуса. Духовного учителя, являющегося Герме, зовут Поймен, Пастырь, но никак не Христос.

Идея крипты, или мистериального места, восходит к чему-то лежащему в предыстории христианского мировоззрения, к чему-то более древнему, чем само христианство. Живой пример того – языческий источник под собором в Шартре или античная пещера с живущим в ней змеем. Разумеется, источника со змеем не мог лицезреть наш сновидец во время своего путешествия по Испании. Этот образ – результат не индивидуального опыта, и поэтому не может быть параллелью к мифологическому и орфографическому знанию. О некоторых реализациях этого параллелизма я скажу. Известно, что каждая церковь имеет купель для крещения. Прообразом ее был бассейн для купания, короче водоем, в который погружали или символически окунали посвящаемых. После метафорической смерти в крещенском бассейне посвященные появлялись измененные quasi modo geniti, совершалось как бы перерождение. Можно поэтому предположить, что крипта, или крестильная купель, имеет значение места ужаса и смерти и одновременно перерождения; места, в котором совершаются тайные посвящения.

Змей в пещере – это образ, часто возникающий в античности. Важно отметить, что в классической античности, как и в других цивилизациях, змей был не только животным, вызывавшим страх, но также означавшим исцеление. Поэтому Асклепий, бог врачевания, связан со змеем; эмблема с профилем змеи часто используется в медицине до сих пор. В храме Асклепия, Асклепионе, являвшемся своеобразной древней хижиной, в земляном основании пола находилась дыра, сверху заложенная камнем, дыра-ход вела в нору, в которой жил священный змей. В камне имелась щель, предназначенная для опускания платы людьми, приходившими исцелиться. Змей одновременно служил как бы кассиром клиники и собирателем даров, бросаемых ему в нору. Во время страшной эпидемии чумы в эпоху правления Диоклетиана знаменитый змей из Асклепиона в Эпидарии был доставлен в Рим как панацея. Он представлял своим присутствием самого бога.

После божественной миссии исцеления змею приписывались качества (дар) мудрости и пророчества. В знаменитом Кастальском ключе, символизирующем источник вдохновения, жил питон. Аполлон, сражаясь, победил питона, с этого времени Дельфы стали местом пребывания знаменитого оракула, а Аполлон – их богом. Позже половина могущества перешла к Дионису, появившемуся с Востока. Под землей, где обитают духи мертвых, змеи, и вода всегда встречаются вместе, о чем упоминает в «Лягушках» Аристофан. Легендарный змей часто заменялся драконом. Работающей параллелью символа во сне можно считать христианскую легенду V века о святом Сильвестре. В пещере под скалой Тарпейи в Риме жил страшный дракон, в жертву которому приносились юные девушки. По другой версии дракон был искусно сделан и. чтобы доказать это, в пещеру спустился один монах. Он обнаружил меч, торчащий из пасти искусно сделанного чудища, а вместо глаз сверкали бриллианты.

Часто в мистериальных пещерах, как и в Кастильской, находился источник. Источники играли очень важную роль в культе Митры, из которого произошли многие ритуальные элементы ранней церкви. Порфирий рассказывает, что Зороастр, пророк и реформатор древнеиранской религии, освятил в честь Митры пещеру, в которой было несколько источников. Те, кто был в Германии и видел Саальбург (Saalburg) около Франкфурта, могли заметить источник неподалеку от пещеры Митры. Его культ всегда связывался с источником. В прекрасной Митрее в Провансе есть большой бассейн с удивительной кристально-чистой водой, а за ним скала с высеченным изображением сцены жертвенного убийства быка Митрой. Подобные святилища постоянно вызывали склоку у ранних христиан. Адепты Христа ненавидели натурализованные церемонии митрян и тем не менее восприняли от них ряд обрядовых элементов. В Риме обнаружили митрейон (ритуальное сооружение в честь Митры), находившийся ниже пола церкви св. Клемента около четырех метров. Он неплохо сохранился и был полностью заполнен водой, которая после откачки вновь набиралась. Известны и другие религиозные направления античности, например орфический культ, всегда связывавшие подземный мир с водой.

Анализируя сказанное, можно заметить, что все примеры следуют из античности. Действительно, образ змея в пещере с водой в античный период являлся широко известным и играл важную роль в религиозно-общественной жизни. Но можно было бы провести аналогии и с другими цивилизациями и там найти то же самое. Вода под землей в емкости представляет бессознательное. В глубине, как правило, находится сокровище, охраняемое змеем или драконом. В приведенном сне сокровищем является золотой кувшин с кинжалом. Чтобы завладеть сокровищем, надо победить дракона. Сокровище несет в себе таинственный смысл. Оно связано со змеем необычным образом: своеобразная фигура змея сама по себе представляет характер сокровища, словно змей и сокровище одно и то же. Часто змей сам оказывается золотым. Золото есть нечто, чем каждый стремится обладать, поэтому золотой змей – есть сокровище, источник власти и мощи. В раннегреческих мифах обитатели пещер являются героями, такими как, например, Кекроп, основатель Афин. Он наполовину мужчина, наполовину – женщина, гермафродит; нижняя часть тела змеевидная; он – чистый монстр. То же можно сказть и об Эристонии, другом мифологическом царе Афин.

Мы приближаемся к уяснению символа золотого кувшина и кинжала. Видевшие вагнеровский «Парцифаль» знают о соответствии кувшина чаше Грааля, а кинжала – копью, оба составляют единое; это мужское и женское начала, образуюшие единство противоположностей. Пещера, или подземный мир, представляет собой слой бессознательного, в котором нет никакого поэлементного членения, ни даже различия мужского и женского, что первым делом выделяют первобытные. Подобным образом они различают предметы, цивилизованные люди делают это спорадически. Например, некоторые ключи имеют отверстие в бороздке, а у некоторых бороздка сплошная. Первобытные подразделяют их на мужские и женские. В Италии черепичные крыши обычное явление. Выпуклая черепица кладется сверху, вогнутая под низ. Верхнюю называют монахом, нижнюю монахиней (Сравните – разъемы в радиоэлектронике под типу штепсель – розетка

называют «папа-мама». – Прим. перев.). И это не неприличная шутка итальянцев, а квинтэссенция деления целого.

Бессознательное, сводя вместе мужское и женское, делает предметы совершенно неразличимыми, поэтому невозможно сказать, мужские они или женские, так же как и Кекропс возник из такой мифической дали, что уже невозможно говорить, мужчина он или женщина, человек или змей. Так же и дно цистерны в сне характеризуется полным единством содержащихся в ней противоположностей. Это первичное соединство элементов вечно противополагается их раздробленности. Но в крайних точках конфликт угасает, и все пребывает или вновь оказывается в первоначальном состоянии нерасчленимой гармонии. Сходные идеи содержатся в древнекитайской философии. Идеальное состояние именуется Дао (рис. 13), и оно состоит из полной гармонии между небом и землей. Одна сторона символа Дао – белая с черным пятном, другая – черная с белым. Белая сторона – горячая, сухая, светлый принцип, юг; черная сторона – холодная, влажная темный принцип, север. Состояние Дао – это начало мира, в котором еще ничего не началось, а также состояние, достигаемое высшим разумом. Идеи единства двух противоположностей, принципов мужского и женского – образ архетипический.

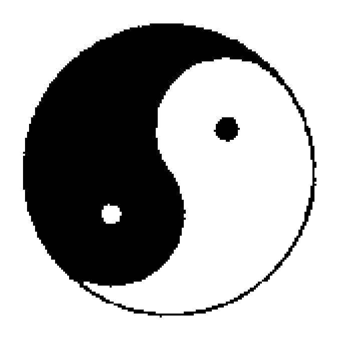

Рис. 13. Дао

Однажды я стал свидетелем примера все еще бытующей первобытной архетипической формы. Во время войны по долгу службы я был в армии, в горной артиллерии. Солдаты копали глубокое укрытие для тяжелого орудия. Вытаскивая тяжелые камни из каменистого неподатливого грунта, они кляли свою работу; я находился неподалеку, прислушиваясь к их разговору. Один произнес: «Проклятье, ну и работка нам досталась: ковыряйся в этой дурацкой долине, где когда-то жили русалки и еще до сих пор спят вместе отец и мать». Та же самая мысль, только выраженная наивным образом. Негритянский миф повествует, что первый мужчина и первая женщина спали вместе в тыкве; они ничего не замечали до тех пор, пока не обнаружили, что разорваны надвое, а между ними находится сын. Посреди был человек, и с этого момента мужчина и женщина разделились и познали друг друга. Первоначальное сознание абсолютного бессознательного выражается как полностью покоящееся состояние, где ничего не происходит.

Когда сновидец имеет дело с архетипическими символами, он вступает в область полного бессознательного, которое представляется как величайшее сокровище. Это –

центральный мотив «Парцифаля» Вагнера. Копье должно быть возвращено чаше Грааля, потому что они существуют вместе вечно. Тот союз – символ целостного завершения – вечность до и после творения мира, потенциальное условие. Это и возможный идеал, которого так страстно ищет человек. Вот почему он, рискуя, спускается в пещеру, где находится дракон, – найти то состояние, когда сознание и бессознательное объединяются идеальным образом так, что сам человек окажется сознающим и несознающим одновременно. Но, увы, оба слишком разделены, и сознание вновь ищет пути к объединению, спускаясь в глубины, в которых они были одним целым. Это можно найти в Тантрической йоге или йоге Кундалини – попытка достичь состояния, в котором Шива находился бы в вечном союзе с Шакти. Шива – вечно напряженная точка, окруженная женским принципом Шакти в виде змеи.

Список аналогичных идей можно было бы продолжить. Единство и гармония играют значительную роль в эзотерической традиции средневековья. В алхимических текстах можно встретить изображение процесса соединения Солнца и Луны, мужского и женского начал. Аналогичный символизм прослеживается в христианских хрониках о древних мистериях. Например, в отчете епископа Астериоса об Элевсине говорится, что каждый священнослужитель совершал катабазис, или спуск в пещеру. А жрец Аполлона и жрицы Деметры, матери земли, праздновали иерогамию (hierosgamos), священное бракосочетание, дабы земля вечно оставалась плодородной. Это свидетельство христианское и не является, впрочем, окончательно установленным. Посвященные в Элевсианские мистерии сохраняли строжайшую тайну, разгласивших ожидала смерть. Отсюда никаких конкретных сведений о содержании ритуала нет. Известно, правда, что во время мистерий в честь Деметры совершались ритуалы непристойного характера, служившие символизацией оплодотворения земли. Кворум мистерий представляли известные женщины Афин во главе со жрицами Деметры. Начиналась изысканная трапеза, на которую подавалось множество самых разнообразных вин; затем совершался ритуал aischrologia. Он подразумевал произнесение непристойных шуток, которые рассматривались как религиозный долг, ибо связывались с благоприятным прогнозом на будущий урожай. Аналогичный ритуал совершался в Бубастисе в Египте во времена мистерий в честь Изида. Жители деревень по берегам Верхнего Нила спускались на своих суденышках группами вниз по течению, и женщины на барках демонстрировали себя женщинам, стоящим на берегу. Это делалось, по всей вероятности, с той же целью, что и в обряде aischologia, – обеспечить большее плодородие земельных участков. Об этом можно прочесть у Геродота (2.60). В южной Германии вплоть до XIX века для увеличения плодородия почвы крестьянин каждый год брал жену на поле и совокуплялся с ней на борозде. Подобный ритуал относится к симпатической магии.

Кувшин является сосудом, функция которого вмещать или получать, отсюда его женское начало. Это символ пола, содержащего аниму, дыхание и живительную влагу жизни; в то время как кинжал, обладая колющими, проникающими свойствами, является мужским началом. Он режет, разделяет, расщепляет, следовательно символизирует принцип мужского Логоса.

В разбирающемся сне кинжал оказывается ключом к Толедо. Идея ключа часто связывалась с мистериями в пещере. В культе Митры существовал даже отдельный бог, бог ключа Айон, существование его не объяснялось, но я думаю, понять это нетрудно. Бога изображали в виде крылатого существа с мужским телом и головой льва, обвитого змеей, возвышавшейся над его головой. Изображение его имеется в Британском музее. Бог представляет Неопределенное время и Длящуюся вечность; он является верховным богом в иерархии митраизма, созидающим и разрушающим все существующее, в бергсонианском смысле творческое время (duree). Он же и Бог солнца. Лев – зодиакальный знак, в котором солнце обитает летом, в то время как змея символизирует зиму или влажный сезон. Поэтому Айон, львоголовый бог, обвитый змеей, представляет также искомое единство противоположностей, свет и тьму, мужское и женское, созидание и разрушение. Бог изображен со скрещенными руками, держащими ключи. Это – ключи к прошлому и будущему.

Древние мистериальные культы всегда были связаны с помпезными божествами. Некоторые из этих божеств снабжались ключами к подземному царству, потому как являлись и хранителями врат к нему; они наблюдали за сошествием вниз, во тьму, посвященных и управляли мистериями. Богиня Геката – одна из них.

В нашем сюжете ключ оказывается ключом к городу Толедо, поэтому рассмотрим символический смысл Толедо и символику самого города. Являясь древней столицей Испании, Толедо был сильно укреплен, что само по себе считалось идеалом средневекового города: убежище и оплот, который невозможно сокрушить извне. Феодальный город представлял некую целостность, замкнутую на самое себя; несокрушимая и неподавляемая веками мощь. Поэтому город символизировал целостность самого человека, символизировал установку, принцип целостности, которая не может распасться.

Город, как синоним самости человека, его психической целостности, вообще говоря, старый и хорошо известный образ. Например, в «Новых сказаниях» об Иисусе читаем: «Город, построенный на вершине высокого храма на прочном фундаменте, не может пасть или быть спрятанным». И: «Возжаждите поэтому познать самих себя, и вы познаете, что вы дети Отца всемогущего; и вы познаете, что вы в городе Бога и вы – сам город» (New Sayings of Jesus and Fragment of a Lost Gospel. Ed. by Grenfell and Hunt. Pp. 36 and 15). Существует Кептский трактат в Кодексе Брусинауса (Brucinanus), в котором содержится идея единородного или единственного сына Бога, который также есть Антропос, Человек. В трактате назван город с четырьмя воротами. Город с четырьмя воротами символизирует идею целостности; это индивид, обладающий четырьмя воротами в мир, четырьмя психологическими функциями, так или иначе содержащимися в самости. Город с четырьмя воротами – неразрушимая целостность самости – единство бессознательного и сознания.

Таким образом, эти глубины, этот слой абсолютного бессознательного в нашем сне содержит в то же время ключ к индивидуальной завершенности и целостности, другими словами, к исцелению. Смысл слов «целое» и «целостность» означает сделать святым или исцелить (ис-целить). Погружение в глубины приносит исцеление.

Это путь к целостному бытию, к сокровищу, которое страждущее человечество вечно ищет и которое находится в укромном месте, охраняемом ужасным дангером-опасностъю. Это место первичного бессознательного и одновременно место исцеления и спасения, так как в нем содержится бриллиант целостности. Это пещера, в которой обитает дракон хаоса и одновременно это неразрушимый город, магический круг или temenos, священный предел, в котором соединяются все разорванные части личности.

Использование магического круга, или мандалы, как его называют на Востоке, для лечебных целей – идея архетипическая. Когда человек болен, индейцы пуэбло из Нью-Мексики делают песочное изображение мандалы с четырьмя воротами. В центре сооружают так называемый «потный дом», или лечебный вигвам, в котором пациент подвергается потолечению. На полу вигвама нарисован другой магический круг, помещенный в центре большой мандалы (Мандала – «круг», «диск» – один из священных символов в буддизме, в мифологии индейцев пуэбло.), а посреди его находится кувшин с целебной водой. Вода символизирует вход в подземный мир. Процесс излечивания в данной церемонии явно аналогичен символизму, который обнаруживается в коллективном бессознательном. Это процесс индивидуации, идентификации с целостной личностью, с самостью (Самость – ключевой архетип в аналитической психологии.). В христианском символизме целостность есть Христос, и процесс состоит из imitatio Chriti. Ворота заменены осями креста.

Змей из пещеры во сне оказывается другом В. С., героя ранних лет сновидца, в которого он проецирует все идеалы, к каким стремился сам, и все добродетели, которыми он вдохновлен. Этот юный друг в большой дружбе со змеем. Он – невинное дитя, безвинен и еще не ведает конфликта. Поэтому он и обладает ключом к Испании и имеет власть над всеми четырьмя воротами.

ДИСКУССИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Доктор Дэвид Йеллоулис:

Вряд ли есть нужда говорить о том, что я не собираюсь обсуждать что бы то ни было из сказанного сегодня вечером. Все мы рады, что профессор Юнг, вместо того, чтобы тратить время на полемику, дал нам столь впечатляющий обзор собственных идей. Но мне кажется, что кое-кто из нас был бы весьма признателен, если бы профессор признал, что наш подход к психологии и психотерапии если и не исчерпывается линией Фрейда, то все же соответствует определенным фундаментальным принципам, которые, даже не будучи сформулированы самим Фрейдом, ассоциируются с его именем. Мы глубоко благодарны профессору Юнгу за то, что он предложил нам более широкую, на наш взгляд, точку зрения. Некоторые из нас отдают ей предпочтение, и, вероятно, фрейдисты могли бы объяснить, почему. Но в один из предыдущих вечеров был поднят вопрос об отношении понятия бессознательного, предложенного нам профессором Юнгом, к фрейдовской концепции, и я полагаю, было бы весьма любезно со стороны профессора Юнга, если бы он хоть как-то помог нам в этом вопросе. Я вполне отдаю себе отчет в том, что мог неправильно его понять, но во вторник у

меня создалось такое впечатление, что он сказал буквально следующее: будто бы сам он занимается фактами, а Фрейд — теориями. Не хуже меня он должен знать, что такое решительное утверждение на самом деле не лишено определенной доли преувеличения, и я надеюсь, он скажет нам, например, что следует делать, с точки зрения терапии, когда мы сталкиваемся с пациентом, спонтанно продуцирующим то, что я называю фрейдовским материалом, и насколько правомерно рассматривать его теории в качестве просто теорий перед лицом очевидности, подтверждаемой таким материалом, как инфантильная фиксация либидо — оральная, анальная, фаллическая и др. Если бы профессор Юнг в общих чертах провел тут своего рода корреляцию, мы были бы ему весьма признательны.

Профессор Юнг:

В самом начале я сказал вам, что не хотел бы заниматься критикой. Я лишь хотел предложить вам свою собственную точку зрения, свой метод рассмотрения психологического материала, и я полагаю, что узнав, к чему я пришел, вы сможете составить собственное мнение об этих вопросах и решить, в какой мере вам следовать Фрейду, Адлеру, мне либо кому-то еще. Если же вы хотите, чтобы я пролил свет на вопрос о связи с Фрейдом, я с удовольствием сделаю это. Я начинал, будучи полностью на позициях Фрейда. Я даже считался его лучшим учеником. Я был с ним в полном согласии до тех пор, пока у меня не появилась идея о символичности некоторых вещей. Фрейд не мог с этим согласиться, он идентифицировал свой метод с теорией, а теорию — с методом. Это недопустимо, нельзя идентифицировать методику с наукой. Я сказал, что в связи с этим не могу продолжать участвовать в издании Jahrbuch'a (*«Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen» (Лейпциг и Вена) — орган психоаналитического движения. Юнг вышел из состава редакции в 1913 г.*), и ушел.

Мне прекрасно известны заслуги Фрейда, и я не собираюсь их преуменьшать. Я знаю, все, что говорит Фрейд, верно в отношении многих людей, и я предполагаю, что у этих людей именно такой тип психики, который описывается Фрейдом. Адлер, хотя у него совершенно иные воззрения, тоже имеет немало последователей, и я убежден, что «адлеровская» психика свойственна многим людям. У меня тоже есть свои последователи, — не столь много, как у Фрейда, — и к ним относятся люди с «моим» типом психики. Я рассматриваю свой вклад в психологию как собственную субъективную исповедь. То, как я вижу психологические факты, представляет собой мою личную психологию, мой предрассудок. Я признаю, что вижу вещи таким-то и таким-то образом, но ожидаю, что и Фрейд с Адлером поступят точно так же и признают, что их идеи представляют их субъективную точку зрения. От того, в какой мере мы сможем признать наши личные предрассудки, зависит наш реальный вклад в объективную психологию. Мы не можем избежать наследования предрассудков по линии наших предков, смотревших на все определенным образом, и потому уже инстинктивно имеем определенные взгляды. Я был бы невротиком, если бы смотрел на вещи не так, как мне подсказывают инстинкты; моя змея, как сказал бы человек примитивного общества, была бы во всем против меня. Когда Фрейд говорил некоторые вещи, моя змея не соглашалась. И я выбрал маршрут, предписанный мне моей змеею, так было лучше для меня. Но у меня были и пациенты, с которыми приходилось

проводить фрейдовский анализ и входить во все те детали, которые были точно описаны Фрейдом. Мне встречались и другие случаи, которые требовали обращения к адлеровской точке зрения, поскольку речь шла о комплексе власти. Людям, обладающим способностью к адаптации и преуспевающим, больше отвечает фрейдовская психология, поскольку при таком положении дел человек может думать об удовлетворении своих желаний, тогда как неудачнику не до этого. У него лишь одно желание — выдвинуться, следовательно, речь идет об адлеровской психологии, ибо у человека, который вечно оказывается на вторых ролях, развивается комплекс власти.

У меня нет комплекса власти в этом смысле, потому что я был довольно удачлив и практически во всех отношениях был способен к адаптации. Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично. У меня в Швейцарии безупречное положение, я доволен собой, и даже если мои книги никому не нравятся, они не перестают нравиться мне. Я не знаю ничего лучшего, чем пребывание в собственной библиотеке, и если я открываю что-либо новое в своих книгах, — это чудесно. Я не могу сказать, что соответствую фрейдовской психологии, поскольку, что касается моих желаний, я никогда не знал подобных сложностей. Мальчиком я жил в селе и воспринимал вещи очень естественно, а те естественные и неестественные вещи, о которых говорит Фрейд, меня не интересовали. Разговоры об инцестуальном комплексе вызывают у меня скуку Но я точно знаю, что может действительно сделать меня невротиком: если я начну говорить или верить в нечто такое, что мне не свойственно. Я говорю то, что думаю: если кто-то согласен со мной, меня это радует, но даже если не согласен никто, меня это не огорчает. Я не могу присоединиться ни к адлеровской, ни к фрейдовской конфессиям. Для меня приемлема лишь юнговская конфессия, ибо если даже на всей Земле не будет ни единого человека, разделяющего мои взгляды, я все равно буду смотреть на вещи именно так. Я лишь надеюсь дать вам ряд интересных идей, а также показать, как я работаю с материалом.

Мне всегда интересно увидеть мастера за работой. Его мастерство придает ремеслу колдовскую силу. Психотерапия — это ремесло, и то, что мне положено делать, я делаю своим особым способом — способом достаточно простым, так что и говорить, вроде, не о чем. Я ни на миг не допускаю, что абсолютно прав. В психологических вопросах никто не бывает абсолютно прав. Никогда не забывайте о том, что в психологии средство, с помощью которого вы судите о psyche и наблюдаете за ней, это сама psyche. Слыхали ли вы когда-либо об ударяющем по самому себе молотке? В психологии объектом наблюдения является сам наблюдатель. Psyche — не только объект, но и субъект нашей науки. Как видите, тут имеется порочный круг, поэтому нам следует быть очень осторожными. Наибольшее, чего мы можем ожидать, — это, чтобы каждый открыл свои карты и признал: «Я обращаюсь с вещами таким-то и таким-то образом, а вот такими я их вижу». После этого мы можем обменяться впечатлениями.

Я всегда обменивался впечатлениями с Фрейдом и Адлером. В трех книгах, написанных моими учениками, была предпринята попытка дать конспективное изложение этих трех точек зрения (*Kranefeldt W.M. Secret Ways of the Mind; Heyer G.R. The Organism of the Mind; Adler G Entdeckung der Seele.*). Вы никогда не услышите ни о чем подобном с

противоположной стороны. Таков наш швейцарский темперамент. Мы — либералы и стараемся рассматривать все вместе взятое, в одном ряду. На мой взгляд, лучше всего сказать, что, вероятно, есть тысячи людей, имеющих, фрейдовский тип психики, и точно так же есть тысячи людей, имеющих адлеровский тип психики. Некоторые ищут удовлетворения желаний, другие — достижения власти, а третьи хотят оставить все на своих местах и видеть мир таким, каков он есть. Мы не хотим ничего менять. Мир хорош таким, каков он есть.

В настоящее время существует немало различных психологии. Некоторые американские университеты каждый год выпускают по тому психологии, соответственно за 1934, 1935 год и так далее. В психологии имеет место тотальный хаос, поэтому не относитесь слишком серьезно к психологическим теориям. Психология — не символ веры, а точка зрения, и если относиться к этому по–человечески, то можно найти общий язык. Я признаю, что одних людей беспокоит сексуальность, других — нечто иное. Меня — в основном нечто иное. Теперь вы имеете представление о том, как я смотрю на вещи. Гигантский монстр исторического прошлого, змея столетий, бремя человеческого сознания, проблема христианства — вот что не дает мне покоя. Все было бы намного проще, если бы я ничего не знал; но благодаря моим предкам и моему образованию я знаю слишком много. Других людей подобные проблемы не беспокоят, их не заботит историческое бремя, налагаемое на нас христианством. Но существуют люди, охваченные пылом борьбы между прошлым, настоящим и будущим. Это величайшая человеческая проблема. Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде. Случай Муссолини не объяснить простым указанием на факт наличия у него комплекса власти. Он сосредоточен на политике, в ней его жизнь и его смерть. Мир огромен, и ни одна теория не может объяснить в нем все.

Для Фрейда бессознательное является главным образом вместилищем вытесненных содержаний. Он смотрит на него под углом зрения детства. Для меня бессознательное является безбрежной исторической сокровищницей. Я сознаю, что и у меня было детство, но оно невелико в сравнении с безбрежными просторами истории, которые с юных лет интересовали меня больше, чем детство. Таких людей, как я, немало. В этом плане я оптимист. Когда-то, когда я думал, что таковых нет, я опасался, что это мегаломания. Но затем я обнаружил немало людей, отвечающих моей точке зрения, и с удовлетворением узнал, что отношусь к тем, пожалуй, немногим людям, чью психологическую сущность, в ее фундаментальных проявлениях, довольно удачно выражают предложенные мной формулировки; если таких людей подвергнуть анализу, обнаружится, что они соответствуют моей точке зрения, а не фрейдовской или адлеровской. Меня упрекали в простодушии. Когда по поводу какого-то пациента я испытываю неуверенность, я даю ему книги, написанные Фрейдом или Адлером, и говорю: «Сделайте свой выбор», — в надежде на то, что мы выйдем на верный путь. Иногда мы бываем на ложном пути. Как правило, людям, достигшим определенной зрелости, философского склада ума, преуспевающим и не слишком склонным к неврозам, отвечает моя точка зрения. Но из всего мною сказанного не следует делать вывод, что я всегда открываю свои карты и рассказываю пациенту все, что по этому поводу думаю. Время не позволяет мне входить во все детали интерпретации. Но в некоторых случаях

привлечение больших запасов знания просто необходимо, и видя в этом путь к обогащению своих воззрений, человек бывает только признателен.

Вряд ли я смог бы найти общий язык с Фрейдом, когда некую область бессознательного он называет словом «Ид». К чему такое смешное название? Это нечто бессознательное, нечто такое, чего мы не знаем. Зачем называть его «Ид»? Безусловно, различие темпераментов порождает различие в воззрениях. Мне никогда не удавалось пробудить в себе такой отчаянный интерес ко всем этим сексуальным случаям. Да, они существуют, существуют люди с невротической сексуальной жизнью, и вам приходится обсуждать с ними все эти сексуальные материи, пока им не надоест и вы, наконец, избавитесь от этой скуки. Естественно, я, со своим темпераментом, считаю за благо поскорее разделаться с этим. Материал ведь невротический, и ни один психически нормальный благоразумный человек не станет попусту тратить время на подобные разговоры. Задерживаться на таких предметах противоестественно. Примитивным народам свойственна большая скрытность на этот счет. Они намекают на сексуальную связь с помощью слова, равнозначного нашему «тише!». Сексуальные предметы для них являются табу, точно так же, как и для нас, если только мы психически нормальны. Но табуированные предметы и места всегда имеют свойство принимать на себя всякого рода проекции. И поэтому очень часто реальную проблему следует искать вовсе не здесь. Есть немало людей, которые создают себе лишние проблемы по поводу секса, в то время как на деле их беспокоят проблемы совершенно иной природы.

Однажды ко мне пришел молодой человек с неврозом принуждения (compulsion neurosis). Он принес мне рукопись, где на ста сорока страницах давался полный фрейдистский анализ его случая. Все было выдержано в строгом соответствии с правилами, это вполне могло быть опубликовано в «Jahrbuch». «Не могли бы вы это прочесть, — сказал он, — и объяснить мне, почему, несмотря на то, что мною проведен полный психоанализ, я тем не менее не излечился?» — На что я ответил: «Я, как и вы, ничего не могу понять. По всем правилам искусства вы должны были излечиться, но раз вы говорите, что этого не произошло, я вынужден вам поверить». Но он настаивал: «Почему я не смог излечиться после полного проникновения в структуру моего невроза?» И тогда я сказал: «Я не берусь оспаривать ваш тезис. Все продемонстрировано просто изумительно. Остается лишь один, вероятно, достаточно глупый вопрос: вы не упомянули, откуда вы родом и кто ваши родители. Вы говорите, что провели последнюю зиму на Ривьере, а лето в Сент–Морице. Вам повезло с родителями?» — «Конечно же, нет». — «Тогда у вас, наверное, хорошо налаженный бизнес, и вы умеете делать большие деньги?» — «Нет, делать деньги я не умею». — «Может, вам повезло с дядюшкой?» — «Нет». — «Тогда откуда же у вас такие деньги?» Он ответил: «У меня имеется определенная договоренность. У меня есть друг, который дает мне деньги». Я заметил: «О, это, должно быть, просто сказочный друг», — и он сказал: «Это женщина». Она была намного старше его, ей было тридцать шесть лет, она работала учительницей в начальной школе, получала низкое жалованье и, как это бывает со старыми девами, влюбилась в двадцативосьмилетнего парня. Сама жила на хлебе и молоке, чтобы он мог проводить зиму на Ривьере, а лето в Сент–Морице. «И вы еще спрашиваете,

почему вы больны!» — воскликнул я, но он возразил: «Вы рассуждаете как моралист; это ненаучно». Я сказал ему: «Деньги, лежащие у вас в кармане, это деньги обманутой вами женщины». Он ответил: «У нас был уговор на этот счет. Я имел с ней серьезную беседу, и то, что я беру у нее деньги, не должно подлежать обсуждению». На это я сказал: «Вы убеждаете себя в том, что это не ее деньги, но вы живете на них, и это аморально. В этом причина вашего невроза принуждения. Это компенсация и наказание за аморальность вашей позиции». Это, конечно, абсолютно ненаучная точка зрения, но, по моему убеждению, он заслуживает своего невроза и до конца своих дней от него не избавится, если не перестанет вести себя по–свински.

Доктор Томас А. Росс:

Это не вышло наружу в процессе анализа?

Профессор Юнг:

Он тут же незамедлительно ушел, преисполненный чувства собственного достоинства, думая при этом: «Этот доктор Юнг просто моралист, а не ученый. Любой другой, вместо того чтобы заниматься мелочным дознанием, с увлечением ухватился бы за такой неординарный случай». Это преступление: ради приятного времяпрепровождения он обкрадывает честную женщину, пользуясь сбережениями всей ее жизни. По этому малому тюрьма плачет, и его невроз вполне подходящее для него наказание.

Доктор Перси У. Л. Кэмпс:

Я не психолог, а простой практикующий врач–терапевт, из тех, кто может претендовать не больше чем на пригородный домик (*Здесь, по всей вероятности, имеется в виду юнговский пассаж «Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде» (см. выше). — Пер.*). В данной аудитории я аутсайдер. В первый вечер я думал, что не имею права здесь находиться; во второй вечер я снова был здесь; на третий — я уже не жалел, что пришел; а на четвертый — я вдруг оказался в дебрях мифологии.

Я бы хотел кое-что спросить по поводу прошлого вечера (*Имеется в виду материал третьей лекции. — Пер.*).

Мы уходили под впечатлением вашей идеи о совершенстве как о чем-то отнюдь не желательном, неотвратимо приближающем нас к конечной цели существования. Я, правда, крепко спал прошлой ночью, но все-таки чувствую, что пережил нравственный шок. Возможно, я не наделен высоким интеллектом, и это был к тому же интеллектуальный шок. Профессор Юнг заявил о себе как детерминист или фаталист. После проведенного им анализа молодой человек ушел разочарованным, а затем и вовсе потерпел крах, однако профессор Юнг счел, что подобный крах был единственно правомерным. Я полагаю, что вы как психологи призваны лечить людей, что у вас должна быть цель в жизни — не просто удовлетворение собственных интересов, будь то мифология или изучение человеческой природы. Вам необходимо достичь самого дна человеческого естества и попытаться его некоторым образом перестроить и улучшить.

Я с величайшим интересом вслушивался в простые английские термины профессора Юнга и восхищался ими. Я был просто поражен всей этой новой терминологией. Послушать о наших ощущениях и мышлении, чувстве и интуиции — к которым, вероятно, можно добавить что-нибудь еще — было для меня, как человека простого, чрезвычайно интересно. Но мне кажется, что мы не слышали о том, как развивается детское сознание или даже бессознательное. Я боюсь, что мы недостаточно слышали о детях. Я хотел бы спросить профессора Юнга о том, как детское бессознательное становится сознанием. Я также хотел бы узнать, не сбивает ли нас с пути это обилие диаграмм, барьеров, разного рода «Эго» и «Ид», прочих вещей, увиденных мной; разве не лучше было бы, будь у нас некая градация стадий.

Как отметил профессор Юнг, мы наследуем свои лица, глаза и уши — множество разнообразных лиц; и в психологии также имеется множество типов. Не будет ли вполне разумно предположить, что на почве этой наследственности произрастает огромное множество разнообразных возможностей — своего рода сеть, решето, воспринимающее впечатления и осуществляющее их селекцию в бессознательные ранние годы жизни, а позднее пропускающее их в сознание? Я хотел бы спросить профессора Юнга: быть может, столь выдающегося психолога, — величайшего, с моей точки зрения, — каковым является профессор Юнг, нынешним вечером также посещали подобные мысли?

Профессор Юнг:

После таких суровых упреков в аморальности я обязан объяснить свои вчерашние циничные замечания. Я не такой плохой, как может показаться. Естественно, я пытаюсь сделать для своих пациентов все, что могу, но в психологии очень важно, чтобы врач не стремился вылечить любой ценой. Он должен быть исключительно осторожным, дабы не навязать пациенту свою волю и убеждения. Мы должны оставлять ему определенную свободу. Вы не можете избавить людей от их судьбы, так же как в медицине вы не можете излечить пациента, если природа назначила ему умереть. Порой это вообще вопрос, дозволено ли вам спасать человека от того, что ему суждено вынести во имя своего дальнейшего развития. Вы не можете уберечь некоторых людей от совершения ужасных глупостей, ибо они у них в крови. Если останавливать их буду я, в этом не будет никакой их заслуги. Во имя собственного достоинства, ради психологического развития следует принимать себя такими, какие мы есть, и всерьез проживать вверенную нам жизнь. Нам необходимы и наши грехи, и наши ошибки, и наши заблуждения, иначе мы будем лишены наиболее сильных причин, побуждающих нас к развитию. Я не пытаюсь вернуть человека, который услышал нечто такое, что могло изменить его душу, но ушел, не обратив на это внимания. Вы можете обвинить меня в варварстве, но это меня уже не беспокоит. Я на стороне природы. Старинная китайская Книга Мудрости гласит: «Учитель говорит единожды». Он не станет гоняться за вами, это недостойно. Те, кому дано услышать, поймут, те же, кому не дано понять, не услышат.

У меня было впечатление, что моя аудитория состоит главным образом из психотерапевтов. Если бы я знал, что тут присутствуют медики, я бы выражался менее

специально. Но психотерапевтам должно быть понятно. Фрейд говорил (цитирую собственные слова моего учителя): «Очень плохо пытаться вылечить любой ценой». Он часто повторял мне это, и он прав.

Психологические истины носят обоюдоострый характер, и все, что бы я ни сказал, может быть использовано таким образом, что оно будет служить величайшему злу, величайшему опустошению и абсурду. Я не сделал ни одного утверждения, которое нельзя было обратить в противоположность. Поэтому я ни на одном утверждении не настаиваю. Вы можете принимать их или не принимать, это ваше право. Вы, вероятно, можете меня за это порицать, но я верю в то, что в каждом человеке есть воля к жизни, которая поможет ему выбрать свою истину. Имея дело с пациентом, следует быть очень осторожным, чтобы не подорвать его самостоятельность силой своего личностного или научного авторитета, ведь всю жизнь человеку приходится сражаться в одиночку, и он должен поверить в свою, возможно, очень непрочную броню и в свою, возможно, очень несовершенную цель. Когда я говорю: «Это никуда не годится, должно быть гораздо лучше», — я лишаю его мужества. Он пашет свое поле, должно быть, не самым лучшим плугом, мой был бы, наверное, лучше, но для него-то что толку? Мой плуг — это мой плуг, я не могу дать его кому-то взаймы; каждый вынужден пользоваться своими, пусть ненадежными, орудиями и исходить из своих, прирожденных способностей, какими бы они ни были. Конечно, я могу чем-то помочь, например, сказать: «У вас совершенно замечательное мышление, но в других отношениях вы, наверное, могли бы стать лучше». Если человек не хочет об этом слышать, настаивать я не буду, ибо не хочу, чтобы он отклонялся от своего пути.

Доктор Марион Э. Т. Маккензи:

Именно так обстояло дело с тем богатым молодым человеком: его не остановили, и он ушел со своими печалями?

Профессор Юнг:

Да, это все та же техника. Если я скажу человеку: «Вы не должны уходить», — он никогда не вернется. Я должен сказать: «Избирайте свой собственный путь». Тогда мне поверят.

Что же касается детей, то в последние десятилетия вокруг этого вопроса было так много шума, что нередко на каком-нибудь ученом заседании мне хочется спросить, недоуменно почесав затылок: «Неужели здесь собрались одни повивальные бабки и няни?» Неужели весь мир состоит из одних лишь родителей и дедушек с бабушками? У взрослых есть тоже проблемы. Оставьте бедных детей в покое. Я могу судить лишь о том, что рассказывает мать. Детские неврозы создают сами родители.

Конечно, очень интересно было бы провести исследование развития сознания. На первых порах сознание пребывает в неустойчивом состоянии, и вы не можете сказать, в какой момент ребенок уже стал сознательным, а в какой еще нет. Но это относится к совершенно иной области — возрастной психологии. Существует психология детства, которая, соответственно, включает в себя психологию родителей; психология допубертатного и

пубертатного периода; психология молодежного и зрелого возраста — со своей спецификой в случае тридцатипятилетнего взрослого человека и человека, вступившего во вторую половину своей жизни; психология пожилого возраста. Это самостоятельная область науки, у меня нет возможности вдаваться в эти материи. Мне не хватает времени даже тогда, когда я хочу пояснить один–единственный сон. Наука необъятна. Это как если бы вы ожидали, что физик, излагающий теорию света, одновременно объяснит вам всю механику. Это просто невозможно. Психология — это не вводный курс для нянь; это очень сложная наука, охватывающая массу знания, и поэтому вы не должны ожидать от меня слишком многого. Я делаю все, что только могу для того, чтобы разобраться со снами и рассказать вам что-нибудь о них, а оправдать все ожидания я, естественно, не в состоянии.

Что касается вопроса о совершенстве: стремление к совершенству есть высший идеал. Но я говорю: «Сделайте то, что вы в состоянии сделать, вместо того, чтобы гнаться за тем, чего вы никогда не достигнете». Никто не является совершенством. Вспомните изречение: «Никто не благ, как только один Бог» (*Лука. — 18:19.*), да никто и не может быть таковым. Это иллюзия. Мы можем лишь скромно стремиться осуществить себя и достичь наибольшей возможной полноты своего человеческого бытия, у нас и с этим будет достаточно хлопот.

Доктор Эрик Штраус:

Намеревается ли профессор Юнг опубликовать соображения, побудившие его идентифицировать определенные архетипические символы с физиологическими процессами?

Профессор Юнг:

Случай, который вы имеете в виду, мне предложил доктор Дэви; впоследствии этот материал он опубликовал без моего ведома (*См. выше.*). Я не хотел бы ничего больше говорить об этой корреляции, поскольку не чувствую у себя под ногами твердой почвы. Вопросы, возникающие при диагностировании в связи с органическими поражениями и психологическими символами, очень сложны, и в данный момент я предпочел бы не говорить на эту тему.

Доктор Эрик Штраус:

Но ваш диагноз был поставлен на основании фактов сновидения?

Профессор Юнг:

Да, поскольку органические нарушения вызвали отклонения в функционировании психики. Имела место сильная депрессия и, по всей видимости, глубокое поражение симпатической системы.

Доктор Х. Кричтон–Миллер:

Завтра будет последний семинар, и остается один интересующий нас вопрос, который, однако, еще не был затронут. Речь идет о сложной проблеме трансфера, переноса. Хотелось бы знать, не сочтет ли профессор Юнг возможным сообщить нам завтра свою точку зрения

(касаться взглядов представителей других школ не обязательно) относительно трансфера и правильного отношения к нему?

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Сегодня я буду говорить о психологии и о лечении переноса. Вначале следует определить само понятие, чтобы было ясно, о чем пойдет речь. Вы знаете, что слово «перенос» введено Фрейдом; оно явилось рабочим термином, а затем шагнуло в более широкую аудиторию.

Термин перенос перевод немецкого слова Ubertragung, что буквально означает перетащить что-то с одного места на другое. Это слово используется также и в мифологическом смысле для обозначения перевода из одной формы в другую. Поэтому в немецком языке оно синонимирует с Ubertragung, т. е. с переводом. Психологический процесс переноса является частной формой более общего процесса проектирования. Можно свести два понятия вместе и ощутить, что перенос есть частный случай проектирования – по крайней мере, как это понимаю я. Разумеется, любой может пользоваться этим термином свободно по своему соображению.

Проектирование есть общий психологический механизм по переносу субъективных содержаний и компонентов любого характера в объект. Например, когда я говорю: «Цвет этой комнаты – желтый», то это и проектирование, потому что объект сам по себе не желтый; желтый он только в нас. Цвет, как вы знаете, составляет содержание нашего субъективного опыта. То же самое и со звуком, и это – проектирование, так как звук сам по себе не существует; это звук в моей голове и это психический феномен, явление, которое я проектирую.

Перенос – это обычно процесс, случающийся между двумя людьми, а не между субъектом-человеком и физическим объектом. Процесс проектирования, – поскольку субъективные компоненты переносятся в объект и возникают в нем как присущие ему, объекту, – не является актом волевым; а перенос, как психический акт, субъектом не осознается. Невозможно одновременно осознавать и проектировать, поскольку в этом случае узнаешь, что проектируешь свои собственные компоненты, а следовательно, невозможно локализовать последние в объекте, так как знаешь, что они в действительности принадлежат тебе. В проектировании несомненный очевидный факт, с которым вы сталкиваетесь в объекте, в действительности оборачивается иллюзией, и все же вы предполагаете наблюдаемое в объекте не субъективным, а объективно существующим. Поэтому проектирование исключается, когда обнаруживается, что очевидные объективные факты суть реально субъективные содержания. В этом случае эти содержания связываются с особенностями собственной психологии и их уже больше нельзя относить к объекту.

Порой человек вполне осознает свои собственные проекции, хотя и не в полной степени. Та часть, которая все же не осознается, остается носителем качества, присущего объекту. Это часто происходит в практическом анализе. Врач, например, говорит: «Послушайте, вы же просто переносите образ своего отца в этого человека (или в меня)»; и при этом считает, что такого объяснения достаточно, чтобы аннулировать перенос. Данная мера, скорее, достаточна для врача, но не для пациента. Поскольку в проекции содержится нечто еще, пациент ее сохранит. Она не зависит от его желания: подобные явления – самовоспроизводящиеся. Проекция – факт спонтанный, автоматический. Она просто возникает и все. И этот закон в сущности справедлив и для переноса. Если перенос возникает, то он возникает априорно.

Механизм проекции неосознаваем, вот почему осознание факта проекции разрушает ее.

Перенос в прямом смысле есть проекция, совершающаяся между двумя индивидами; как правило, она носит эмоциональный и принудительный компульсивный характер. Сами по себе эмоции в какой-то степени всегда оказываются непроизвольными психическими состояниями, в которых осуществляются целевые установки ЭГО. Более того, субъект буквально пропитан ими и не в силах отделить их от себя. Одновременно эмоции спроектированы в объект. Поскольку субъект не в силах разрушить канал проекции, то, пользуясь объектом как рычагом, непроизвольные психические состояния управляют самим субъектом.

Эмоции неотделимы от своего носителя, равно как и идеи, и мысли. Они оказываются идентичными с определенными физическими состояниями, и, таким образом, глубоко внедрены в физическую сферу жизнедеятельности человека. Эмоции спроектированных содержаний всегда образуют связь, некоторое динамическое соотношение между субъектом и объектом – это и есть перенос. Очевидно, что по своему характеру эмоциональная связь, или мост, может быть отрицательной или положительной.

Проекция эмоциональных содержаний всегда обладает специфическим влиянием. Эмоции заразительны, вследствие того что коренятся в глубине симпатической системы; отсюда и само слово «симпатикус». Любой эмоциональный процесс незамедлительно вызывает подобные ему проявления у других людей. Находясь в толпе, движимой эмоцией, невозможно сдержать в себе те же эмоциональные проявления. Представьте, что вы находитесь в стране, языка которой не знаете, и кто-то из находящихся рядом людей пошутил, – окружающие смеются, и вы тоже невольно начинаете смеяться, причем самым идиотским образом. Сдержаться очень тяжело. Французские психологи называют это явление «ментальным заражением». Среди ряда замечательных книг на эту тему следует особо упомянуть работу Лебона «Толпа. Исследование общественного сознания».

В психотерапии же, даже если врач полностью освободился от эмоциональных содержаний пациента, сам факт наличия у пациента эмоций все же существенно влияет на него. Было бы большой ошибкой считать, что врач может полностью выйти из сферы влияния пациента. Большее, на что врач может рассчитывать, это осознать, что подвергается

воздействию. Если он этого не замечает, то находится слишком далеко от пациента и в этом случае стреляет мимо цели, поскольку принимать эмоции больного и реагировать на них является в известном смысле врачебным долгом. По этой причине я отрешаю метод укладывания пациента на софу, когда врач садится рядом. Я усаживаю его перед собой и разговариваю с ним как обычно говорят два нормальных человека; здесь я выражаю себя полностью и реагирую без ограничений.

Очень хорошо помню случай с одной дамой лет 58 – тоже врачом – из США. Она приехала в Цюрих в состоянии крайнего замешательства и находилась в таком удрученном состоянии, что я вначале подумал, в себе ли она, но потом выяснил, что ее помраченное состояние – результат аналитической процедуры. Дама рассказала мне некоторые подробности, из коих стало совершенно ясно, что подобного замешательства никогда бы не произошло, если бы психотерапевт был нормальным человеком, а не мистиком-кудесником, сидящим рядом, полностью бесстрастным, как бы нечаянно роняющим мудрость сверху, с высоты своего положения. После общения с этим врачом дама окончательно растерялась и наделала кучу глупостей. Когда она рассказала мне все это, я, естественно, отреагировал и, кажется, выругался. На что она вскочила со стула и воскликнула:

«До чего же вы эмоциональны!» – Я не скрыл удивления: «А что? Разве это возбраняется?»

– Вообще-то нет. Но вы же психотерапевт?

– Да. Я врач-психотерапевт. Но не стремлюсь скрывать свои эмоции. Вы что, думаете, что я идиот или кататоник?

– Но вам не положены эмоции?

– Это вашему врачу не положены, на что смею заметить – он полный дурак.

В этот момент для нее вся ситуация просветилась.

– Боже, – воскликнула она. – Теперь только я поняла, где я нахожусь. Я беседую с нормальным человеком, у которого нормальные эмоции.

Моя реакция дала ей ориентацию. Поскольку дама относилась к чувственному, а не к мыслительному типу, то нуждалась именно в подобной ориентации. А ее лечащим психотерапевтом был мужчина, живший в интеллектуальной сфере и не имевший потому возможности контактов с чувственной жизнью своих пациентов. Дама же была высоко эмоциональной натурой, сангвиником; нуждалась в эмоциональных переживаниях и чувственных жестах других людей, чтобы не ощутить собственного одиночества. Иметь дело с чувственным типом и говорить исключительно на интеллектуальные темы все равно, что интеллектуалу беседовать в компании клоунов. Чувствуешь себя как на Северном полюсе, крайне потерянным, так как тебя никто не понимает, никто не реагирует на твои высказывания. И люди могут быть самыми замечательными – тем не менее все будет выглядеть по-дурацки, поскольку они не будут соответствовать вашему психическому типу.

Необходимо всегда стараться отвечать людям в русле их ведущей психической функции, иначе контакта не произойдет. Поэтому чтобы иметь возможность показать пациентам, что их реакции достигают меня и воспринимаются мной, я сажусь, напротив, так, чтобы они могли прочесть эти реакции на моем лице и видеть, как я их слушаю. Сидя же рядом с кушеткой, на которой расположился пациент, можно было бы зевать, дремать, уходить в собственные мысли и вообще делать все, что заблагорассудится. Пациенты меж тем оставались бы в автоэротическом и изолированном состоянии, находиться в котором обычному человеку не совсем удобно. Разумеется, готовься они к отшельничеству где-нибудь в Гималаях, тогда другое дело.

Эмоции пациентов всегда отчасти заразительны, но они становятся чрезвычайно заразительными в том случае, когда содержание, проектируемое пациентом на психотерапевта, идентично с собственными бессознательными содержаниями врача. В этом случае уже оба они погружаются в ту же самую темную дыру бессознательного и делаются соучастниками. Данный феномен, как взаимоперенос, описан Фрейдом. Он заключается во взаимном проектировании и совместной связи общим бессознательным. Соучастие характеризует первобытную психологию, т. е. психологический уровень, на котором отсутствует осознанное различие между субъектом и объектом. Общее бессознательное, конечно, совершенно недопустимо в ситуации врач-пациент; все ориентации при этом теряются, и конец такого лечения печален.

Но даже врачи-аналитики не бывают абсолютно совершенны, и может случиться, что в некоторых отношениях они так или иначе строят свое поведение бессознательным образом. Поэтому я давным-давно настаивал на анализе самих врачей-аналитиков: у них должны быть свои духовные отцы и матери. Даже сам римский папа при всей своей непогрешимости должен регулярно исповедоваться и не кардиналу, а простому священнику. Если психотерапевт не столкнется объективно со своим бессознательным, то нет гарантии, что рано или поздно пациент не попадет в бессознательное психотерапевта. Возможно, многим известны пациенты, обладающие дьявольской хитростью по нахождению слабой точки, беззащитного места в психике врача. В эту точку они норовят спроектировать свое собственное бессознательное. Некоторые обычно считают, что данное качество больше свойственно женщинам, – но это не совсем так, мужчины делают то же самое. Они безошибочно выбирают то место, где врач наиболее уязвим и склонен делать те же проекции, что и пациент. В результате происходит соучастие, точное состояние «заражения» личности через общее бессознательное.

Относительно переноса существует предубеждение, сложившееся у всех нас в результате определения, данного Фрейдом. А именно, большинство склонно думать, что мы имеем дело с эротическим переносом. Но мой опыт не подтверждает эту теорию, согласно которой проектируются исключительно эротические содержания и инфантильные переживания. Я же считаю, что проектируется масса вещей, и эротический перенос лишь одна из возможных форм переноса. В человеческом бессознательном существует множество других содержаний, также являющихся высоко эмоциональными по природе, и они столь же прекрасно проектируются, как сексуальность. Все активные содержания бессознательного

имеют тенденцию появляться в спроектированном виде. Это, скорее, даже правило, – сгруппированное бессознательное содержание обнаруживает себя прежде всего в виде проекции. Любой действующий архетип может обнаружиться в проекции, либо во внешней ситуации, либо в людях, либо в обстоятельствах – короче, в любых объектах. Существуют переносы на животных и на предметы.

Не так давно у меня был интересный случай с очень интеллигентным гражданином. Я объяснил ему совершенную им проекцию, – он спроектировал свой бессознательный образ женщины в реальную женщину, а сны очень ясно показали, насколько разительно реальная личность отличается от той, которую он ожидал видеть.

Выслушав меня, он сказал: «Если бы я знал это два года назад, то сэкономил бы 40 000 франков!» Я спросил: «Каким образом?» «Один человек показал мне древнюю египетскую скульптуру, и я тотчас же влюбился в нее. Это была скульптура египетского кота, очень красивая вещь. Он купил ее за 40 000 франков и поставил на камин в гостиной». Но затем обнаружил, что потерял покой. Его офис находился этажом ниже, и буквально каждый час он вскакивал, отвлекался от работы и поднимался взглянуть на кота, а наглядевшись, шел обратно вниз, чтобы снова вернуться. Это обстоятельство настолько лишило его отдыха, что он перенес скульптуру и водрузил ее на стол прямо перед собой – и тут обнаружил, что не может работать! Он вынужден был унести ее подальше, в комнату под чердаком, дабы избавиться от назойливого влияния, и все время боролся с искушением подняться и посмотреть на кота еще раз. Когда он понял свою гениальную проекцию женского образа – так как кот в самом деле символизировал женщину – тогда весь шарм и очарование скульптуры тотчас же исчезли.

Вот пример проекции в оживший физический предмет, к которому тянуло, как порой многих снова тянет к врачу-психотерапевту. Как вы знаете, врачей-психотерапевтов часто винят за змеиные глаза, магнетизирующие и гипнотизирующие людей. Этот взгляд будто бы заставляет людей снова возвращаться к врачу. Как исключение существует ряд неблагоприятных случаев встречного переноса, когда психотерапевт действительно не в силах позволить пациенту уйти; но, как правило, такие обвинения – результат проекции пациента, приводящий порой к навязчивой мысли о преследовании.

Интенсивность отношений переноса всегда эквивалентна степени важности субъективных содержаний. В случаях интенсивного переноса можно быть уверенным, что проектируемые содержания – если только они выделены и осознаны – столь же важны для пациента, сколь и сам перенос. Когда последний теряет силу, то не исчезает бесследно; его интенсивность или соответствующее количество энергии проявится в другом месте, например в измененном отношении к чему-либо или в других проявлениях. Происходит это потому, что сила переноса оказывается силой эмоциональной, присущей самому пациенту. В случае аннулированного переноса вся спроектированная энергия попадает обратно в субъекта, давая ему возможность испытать чувство победителя; в противном случае энергетическое «сокровище» просто утрачивается в самом процессе переноса.

Теперь следует сказать несколько слов относительно этиологии самого переноса. Перенос может быть полностью спонтанным, неспровоцированной реакцией, чем-то вроде «любви с первого взляда». Разумеется, его нельзя путать с любовью, с которой он ничего общего не имеет. Перенос лишь рядится в одежды любви. Порой он выступает так, что его можно принять за любовь, и, поддавшись на это, малоопытные психотерапевты совершают ошибку. Случается, перенос возникает до первой встречи, до начала лечения. Это говорит лишь о том, что личность аналитика в этом случае не имеет никакого значения.

Однажды ко мне в кабинет зашла одна дама, которую недели за три до того я встретил на официальном приеме. Тогда я даже не разговаривал с ней, но лишь с ее мужем, которого знал весьма поверхностно. Позже дама написала мне письмо с просьбой о консультации, и я назвал ей время. Когда она пришла и стояла уже у самой двери, то внезапно сказала: «Я не хочу входить». Я не настаивал, – не хочет, значит, не хочет. Тогда она сказала: «Но я должна!» – Я ответил: «Я вас не заставляю».

– Но вы заставили меня прийти.

– Помилуйте, каким образом? Я подумал невольно, что она сумасшедшая, но это было не так. Просто эта женщина испытала перенос, который тянул ее ко мне. В это время у нее были некоторые проекции, имевшие такую высокую эмоциональную силу, что она не могла им сопротивляться; совершенно магическим образом она пришла ко мне. В процессе анализа мы, естественно, выяснили, что причиной для этого послужило содержание неспровоцированного переноса.

Обычно перенос возникает только в процессе анализа. Часто это бывает вызвано трудностями в установлении контакта и создании эмоциональной гармонии между доктором и пациентом, что французские психологи при гипнозе и внушении называют le rapport (связь). Хороший раппорт означает, что пациент и врач прекрасно ладят и доверяют друг другу. Безусловно, гипнотический эффект зависит от наличия или отсутствия раппорта. В аналитическом лечении в случае, когда раппорт между аналитиком и пациентом затруднен ввиду значительной психологической дистанции между ними, бессознательное пациента пытается «покрыть» эту дистанцию и возводит компенсаторный мост. Если нормальное общение отсутствует, брешь заполняется пылкими чувствами или эротическими фантазиями.

Это обычно происходит с людьми, психологически очень одинокими, привыкшими сопротивляться – либо из-за комплекса неполноценности, либо из-за мании величия, или чего-то еще. Из-за страха одиночества они вызывают в себе невероятные эмоциональные усилия, чтобы «привязать» себя к аналитику. Они впадают в безысходность от одной мысли, что он может их не понять. И они успокаивают то ли себя, то ли обстоятельства, то ли аналитика чем-то вроде сексуальной привлекательности.

Компенсаторный феномен в той же степени можно отнести и к аналитику. Представьте, что врач занимается лечением женщины, которая вызывает у него сексуальные фантазии. Я не желаю подобного аналитику, но если это случилось, то лучше в этом разобраться. Это информация об отсутствии хорошего человеческого контакта.

Бессознательное аналитика маскирует недостаток раппорта фантазией. Такие фантазии могут быть видимыми, это могут быть чувства или ощущения, например сексуальные. Все они – предупреждение о неправильном отношении врача к пациенту. Если вы видите пациента во сне, также будьте внимательны и попытайтесь понять, не указывает ли сон на вашу ошибку. Больные бесконечно благодарны за честное и внимательное отношение и прекрасно чувствуют фальшь и небрежность.

Со мной был один весьма поучительный случай. Я занимался с девушкой двадцати-двадцати четырех лет. У нее было необычное детство: она родилась на Яве в хорошей европейской семье, воспитывала ее няня-аборигенка. Как бывает с детьми, родившимися в колониях, экзотика и, я бы сказал, варварская цивилизация наложили отпечаток на эмоциональную и инстинктивную жизнь девочки. Белому человеку это трудно понять. Существует атмосфера великого страха местных жителей перед жестокостью, безрассудством и огромной силой белого человека. Дети, рожденные на Востоке, заражены этой атмосферой, страх проникает в них и порождает бессознательные фантазии, которые искажают всю психологию. Они страдают кошмарами, паникуют, не умеют адаптироваться в нормальных ситуациях, когда дело касается любви, брака и т. д.

Что касается моей пациентки, она безнадежно заблудилась, часто попадала в рискованные эротические ситуации и заработала себе дурную репутацию. Она приспосабливалась не лучшим путем: неумеренно красилась, носила огромные украшения, чтобы удовлетворить в себе ту самую аборигенку, первобытную женщину, как будто та могла помочь ей в жизни. Девушка не могла обойтись без своих примитивных инстинктов: она с легкостью стала жертвой дурного вкуса – носила платья безобразных цветов, и все это для того, чтобы задобрить свое примитивное бессознательное. Ее выбор мужчин всегда оставлял желать лучшего и всегда заканчивался безобразными ссорами. Ее называли вавилонской блудницей. Когда она пришла ко мне, то выглядела просто безобразно. Я даже что-то сказал по этому поводу, чем ее очень расстроил.

Приснилась же она мне следующим образом: я находился на дороге у подножия большой горы, на горе возвышался замок, в замке была высокая башня, на вершина башни – открытая лоджия с колоннами и мраморной баллюстрадой, на ней сидела элегантная женщина. Я посмотрел наверх, и так высоко задрал голову, что почувствовал боль в затылке. В сидящей на баллюстраде женщине я узнал свою пациентку.

Проснувшись, я сразу же подумал: «Боже, почему мое бессознательное поместило эту девочку так высоко?» И тут же понял: сон указывает на мою ошибку. Я смотрел на нее сверху вниз, я плохо о ней подумал. На следующий день я обо всем ей рассказал. Это подействовало как чудо. Никаких переносов больше не случалось, я стал общаться с ней на должном уровне.

Если вы действительно пытаетесь быть на одном уровне с пациентом – не слишком высоко, и не слишком низко, – когда вы правильно подходите к его проблеме, вас меньше всего беспокоят проблемы переноса, вызываемые отсутствием раппорта – их у вас не будет.

Явление переноса может возникнуть у пациентов чрезмерно самовлюбленных, которые возводят вокруг себя непробиваемую стену изоляции. Тем не менее они отчаянно желают человеческого контакта, но ничего для этого не делают и не позволяют приблизиться другим. Все это вызывает перенос. Его непросто заметить, поскольку таких людей защищает надежная стена. Вашу помощь они воспринимают как агрессию, поэтому нужно дождаться, пока они добровольно не выйдут из своей крепости. Конечно, они будут выражать свое недовольство, высказываясь в том смысле, что вы их не понимаете, но единственное, что вы можете сделать, это запастись терпением и сказать: «Что ж, вы продолжаете оставаться внутри, вы ничего не демонстрируете, и пока это будет продолжаться, я тоже ничего не смогу сделать».

В подобном случае перенос может дойти до точки кипения. Ведь только сильный пожар может заставить человека покинуть свой замок. Это будет взрыв, но доктор должен его спокойно выдержать. Я помню случай с моей покойной коллегой-американкой. Она окончила в Америке женский колледж (мы называем эти заведения анимус инкубатор), который ежегодно выпускает огромное количество перепуганных девиц. Она была «очень компетентна» и угодила в достаточно неприятную ситуацию переноса. Это был случай с женатым мужчиной, который безумно влюбился в нее. Это была, конечно, не любовь, а перенос, но он спроектировал на нее ситуацию, будто бы она желает выйти за него замуж, но не может этого себе позволить. Он задаривал ее цветами, шоколадом, украшениями, в конце концов угрожал даже револьвером. В результате она собралась и прибежала ко мне.

Вскоре выяснилось, что она не имеет никакого представления об отношениях и чувствах мужчин и женщин. Она пребывала даже в неведении по поводу мужской анатомии, потому что в колледже, где она училась, изучали только женское тело. Можете представить, с какой ситуацией я столкнулся.

Я сумел разобраться в ее проблеме и понял, почему этот мужчина угодил в ловушку. Она абсолютно не осознавала себя как женщину, обладая при этом мужским складом ума. Сама природа заставила ее партнера заполнить эту брешь. Он стремился доказать ей, что она женщина, и должна ответить ему, мужчине, у которого есть требования к ней, как к женщине. Отсутствие же в ней женского начала послужило ловушкой. Он в такой же степени не был мужчиной, поскольку и сам этого не заметил.

Оба они попали в ужасную ситуацию переноса, и кому-то могло показаться, что и тот и другая сумасшедшие, и уж ей-то следовало бы бежать от всего этого. Что же касается лечения, то здесь для меня все было ясно. Следовало довести до ее сознания, что она женщина, но это невозможно до тех пор, пока она не признает свои женские чувства и качества. Поэтому ее бессознательное организовало великолепный перенос на меня, что, естественно, она принять не могла, я же, со своей стороны, никакого давления здесь не оказывал. Она представляла собой случай полной изоляции, обособленная, и столкновение с собственным переносом лишь усилило ее защитную реакцию, которая, разумеется, должна была быть подавлена в общем контексте лечебного процесса. Поэтому я никогда не заговаривал с ней об этом, не вмешивался в ход событий и занимался, главным образом,

анализом сновидений. Сновидения постоянно информировали меня о развитии ее переноса. Я чувствовал, что приближается кульминационный момент, и ожидал взрыва со дня на день. Я знал, что это будет довольно неприятно и слишком эмоционально, но мне ничего не оставалось делать. После шести месяцев старательной систематической работы она больше не могла сдерживать себя и буквально прокричала: «Но я люблю вас!» После чего ее сопротивления прекратились и обнажились ужасные беспорядок и путаница в ее душе.

А теперь попробуйте представить себе эту ситуацию. Разумеется, нет ничего хорошего в том, чтобы к 34 годам вдруг обнаружить, что в тебе живет подлинно человеческое начало. И это свалилось на нее как снежный ком. Если бы я сказал ей шесть месяцев назад, что наступит день, когда она произнесет признание в любви, реакция была бы просто непредсказуема. Она пребывала в состоянии самовлюбленной изоляции, но пламя ее эмоций в результате прорвалось сквозь стены и вырвалось наружу, подобно вулканической лаве.

Возможно, мое отношение показалось вам бесчувственным и равнодушным, но в такой ситуации невозможно вести себя иначе. Фактически, справиться с ситуацией подобающим образом можно лишь полностью исключив из своего поведения какие-либо нотки превосходства. Вы просто следуете за процессом и уравниваете свое сознание и чувства в соответствии с ситуацией для того, чтобы не отличаться в заметной степени от пациента; в противном случае он будет чувствовать себя неловко и впоследствии будет переживать глубокую обиду. Вообще неплохо иметь «резервные» чувства, которые в таких случаях могут очень пригодиться. Конечно, это требует определенного опыта. Не всегда это просто, но необходимо преодолевать подобные болезненные моменты таким образом, чтобы не вызвать отрицательные реакции у пациента.

Я уже упоминал о причинах переноса, это общее бессознательное и контаминация (психическое заражение). Только что приведенный мной случай – яркий тому пример. Контаминация через общее бессознательное происходит, как правило, когда аналитик недостаточно адаптирован, другими словами, когда он невротик. Хорош ли, плох ли его невроз, это всегда открытая дверь, через которую может войти пациент. Тогда происходит контаминация. Именно поэтому сам аналитик должен знать о себе как можно больше.

Я помню случай с молоденькой девушкой, которая до того, как попала ко мне, уже работала с двумя аналитиками. Каждый раз перед началом анализа ей снился один и тот же сон. Она приезжает на границу и хочет пересечь ее, но не может найти таможню, чтобы заявить в декларации, что она везет с собой. Сон давал ей ощущение того, что она никогда не найдет правильного отношения к своему аналитику, но поскольку чувство неполноценности сохранялось, а к своим суждениям она относилась с недоверием, отношения с прежним аналитиком не прерывались и, в сущности, никакого прогресса не наблюдалось. Она проработала с ним еще два месяца, после чего все же ушла от него. Затем она нашла другого аналитика.

И снова ей приснилось, что она подходит к границе.

Темная ночь. Ей видится какой-то тусклый свет. Кто-то говорит ей, что это таможня. Она пытается туда пробраться. Для этого она спускается с горы, идет по равнине. Ей нужно пройти через темный лес. Она преодолевает страх. Когда она идет по лесу, кто-то хватает ее. Она хочет освободиться, ее держат все крепче. Вдруг ей открывается, что это ее психоаналитик.

В результате через три месяца работы у этого аналитика развился стойкий контрперенос, который предсказал сон.

Когда она пришла ко мне, увидев меня перед этим на лекции, ей тоже приснился сон.

Она подходила к швейцарской границе. Был день. Она увидела таможенный домик, вошла туда. Там стоял швейцарский таможенник. Перед ней была какая-то женщина, она позволила ей пройти, потом настала ее очередь. У нее была только маленькая сумочка, она думала, что пройдет незамеченной. Офицер остановил ее. Она сказала, что в сумочке ничего нет. Он настоял на досмотре и стал вытаскивать из сумочки что-то такое, что становилось все больше и больше и превратилось в двуспальную кровать.

Ее проблема заключалась в том, что она отказывалась выходить замуж по определенным причинам. А кровать во сне была брачной постелью. Я избавил ее от этого комплекса, и вскоре, разобравшись в себе, она вышла замуж.

Такие первые сны часто бывают очень информативны. Поэтому я всегда спрашиваю нового пациента, знал ли он, что придет ко мне, встречал ли меня раньше, что ему снилось накануне визита. Проникая в бессознательное, вы получаете неоценимую информацию, которая помогает вам обогнуть острые углы. Перенос же никогда не бывает преимуществом, это всегда помеха.

Причиной тяжелых форм переноса может оказаться провокация со стороны самого врача-аналитика. Мне грустно об этом говорить, но есть такие аналитики, которые целенаправленно добиваются переноса, думая, что это необходимая и полезная часть самого лечения. Это полностью ошибочная идея. Ко мне попадали люди, которые после двух недель такого «лечения» приходили в безнадежное состояние. Бывало так, что я был уверен в успехе анализа, дела шли великолепно, как вдруг пациент со слезами заявляет мне, что он больше не может.

– Почему? В чем дело? Может быть, у вас нет денег?

– Нет-нет, причина не в этом. Просто у меня нет переноса!

И мне приходится объяснять, что это великое благо, что перенос – это болезнь, что у нормальных людей не бывает переноса. После этих объяснений анализ снова идет великолепно.

Многие считают, что без переноса они никогда не вылечатся. Это происходит от того, что они начитались Фрейда о переносе, или пообщались с другими аналитиками, и это представление прочно вошло в них. Это полный нонсенс. Если нет переноса, тем лучше для вас. Вы получаете материал точно так же, и не перенос вас им снабжает. Все, что

необходимо, выводят наружу сны. Если же вы работаете для переноса, провоцируя пациента, результаты анализа будут неудовлетворительными. Вы пробуждаете ожидания, которые никогда не сможете удовлетворить. Вы просто обманщик. Аналитику не позволительно вести себя слишком дружески, потому что эффект будет направлен против него. Он не сможет оплатить предъявленный счет. Даже если ему кажется, что он делает это на благо пациента, это заблуждение. Оставьте людей такими, какие они есть. Не имеет значения, любят ли они аналитика или нет. Главное для пациента – разобраться в своей жизни, и вы не поможете ему этими своими притязаниями.

Таковы некоторые причины переноса. Основой всегда является ищущее выражения активное бессознательное в человеке. Интенсивность переноса равна важности проектируемого содержания. Сильный перенос соответствует активному содержанию, он несет в себе нечто значительное для пациента. И чем дольше он проектируется, тем больше аналитик заключает в себя эти ценности. Иначе и быть не может, но ему следует вернуть их пациенту. Без этого анализ не будет завершен. К примеру, если пациент проектирует в вас комплекс Спасителя, вы должны вернуть ему только комплекс Спасителя, ничего больше, что бы это не означало. Вы ведь, более чем уверен, не Спаситель.

Проекции архетипической природы представляют особую задачу, отдельную трудность для психотерапевта (врача-аналитика). Любая профессия содержит в себе определенные трудности, и опасностью в анализе оказывается возможность заразиться проекциями переноса, в особенности архетипическими содержаниями. Когда, положим, пациент решит, что врач-аналитик (психотерапевт) есть реальное осуществление его сновидений, что он не просто врач, а духовник-герой, нечто вроде Спасителя, то, конечно, тот или иной врач скажет: «Какая чушь! Это просто болезнь. Истерическое преувеличение». Однако это пощекочет его нервы, поскольку выглядит очень красиво. И, кроме того, сам психотерапевт несет в себе те же самые архетипы. Постепенно он начинает чувствовать, что поскольку спасители как таковые существуют, то нет ничего невероятного в том, что он окажется одним из них; затем, сначала колеблясь, а потом все увереннее убедит себя в том, что он не совсем обычный индивид. Постепенно сделается обворожительным и исключительным. Он уже не может просто разговаривать со своими коллегами, так как он стал сам не знает кем. Делается все более несговорчивым, избегает человеческих контактов, изолирует себя, в конце концов ему становится совсем ясно, что он очень важная фигура, наполненная высоким духовным смыслом, возможно равная Махатмам в Гималаях, и что вполне возможно – он тоже принадлежит высокому братству. И наконец, такой человек утрачивается для своей профессии.

У меня есть коллеги, с которыми получилось именно так. Они не смогли противостоять атакам коллективного бессознательного пациентов, раз за разом проектировавшего комплекс спасителя и религиозной веры на них. Пациент начинал верить в то, что аналитик владеет секретным знанием, «ключом», потерянным церковью, с помощью которого может открыться великая искупительная правда. Они поддались этому соблазнительному искушению. Они отождествили себя с архетипом, они нашли свое кредо, они нуждались в учениках, которые верили бы в них.

Этим же объясняется определенная сложность в обсуждении психологии разных школ дивергентных идей. Существует тенденция разбиваться на небольшие группы, так называемые научные секты. В действительности все они сомневаются в исключительности своей «правды», и именно поэтому они собираются вместе и твердят одно и тоже, до тех пор, пока не поверят в это окончательно. Фанатизм есть признак подавленного сомнения. Обратимся к истории церкви. Когда ее положение было шатким, возникали секты фанатиков. Происходило это потому, что тайные сомнения должны быть подавлены. Если человек действительно убежден в своей правоте, он абсолютно спокоен и может обсуждать противоположную точку зрения без тени негодования.

Для психотерапевта всегда существует профессиональный риск отрицательных проекций в точку, где он беззащитен. Он постоянно должен находиться во всеоружии. «Яд» действует не только психологически, он может затронуть его симпатическую систему. Я наблюдал несколько экстраординарных случаев физических заболеваний среди психотерапевтов, заболеваний с неизвестными медицине симптомами. Я склонен относить их к эффекту продолжительного проектирования, когда аналитик не дискриминирует свою собственную психологию. Определенные эмоциональные состояния пациента контагиозно воздействуют на аналитика, вызывая похожие вибрации в его нервной системе. Именно поэтому как психиатры, так и психотерапевты бывают иногда со странностями. Такая возможность определенно связана с проблемой переноса, и никогда не следует забывать об этом.

Теперь следует сказать о терапии переноса. Это весьма сложный и запутанный предмет, но обойти его молчанием невозможно. Чтобы снять перенос, а речь идет именно о снятии, необходимо заставить пациента осознать субъективную ценность личностного и безличностного содержаний его переноса. В проекции может оказаться не только личностный, но и архетипический материал. Комплекс спасителя – явно не личностный мотив; это предчувствие, экспектация повсеместно обнаруживаемые в человеческих сообществах в особый период истории. Комплекс спасителя – архетипическая идея магической личности.

В начале анализа проекции переноса – это неизменные повторения прошлого личного опыта пациента. Допустим, ваш пациент часто бывал на курортах. Вы знаете, какого рода там врачи. Свой опыт общения с ними он будет проектировать на вас. Сначала вам придется пробираться сквозь страх своих коллег с морских побережий, отличающихся большими гонорарами и актерством. Возможно, и вас он примет за такого же. Затем вам придется разделаться с целой серией знакомцев вашего пациента – докторов, юристов, школьных учителей, тетушек, кузин, братьев и даже папой. Вы ошибаетесь, если думаете, что это конец. На папе шеренга не заканчивается, и вы начинаете подозревать, что на вас проектировали даже дедушку. Такое вполне возможно. Лично я никогда не сталкивался с проекцией прадедушки, но дедушку на меня проектировали. Когда вы дойдете до няни, возможности вашего сознания будут истощены, и если перенос на этом не закончится, несмотря на все ваши усилия, причина – в проекции безличностных содержаний.

Существование обезличностных проекций опознается специфической безличностной природой их содержаний; например, комплексом спасителя или архаическим Бого-образом. Архетипический характер этих образов воспроизводит магию, т. е. сверхмощный эффект. Нашим рациональным сознанием трудно понять, почему это происходив Бог, например, есть дух, а дух для нас не содержит ничего субстанциативного или динамического. Но если исследовать первоначальное значение этих терминов, то выясняется реальная составляющая опыта и становится понятным, как он воздействует на первобытный разум, на первобытную психику в нас самих. Дух, спиритус, или пневма, означает воздух, ветер, дыхание; спиритус, или пневма, по своему архетипическому смыслу динамические и полусубстанционные агенты, вы движимы ими, как ветром: они вдыхаются в вас, в результате чего вы насыщаетесь, наполняетесь ими.

Спроектированные архетипические фигуры могут точно так же нести отрицательный смысл, как например образы колдуна, дьявола, демонов и т. п. Даже сами врачи-аналитики не вполне защищены от подобных реалий. Я знаю коллег, которые распространяют фантастические вещи обо мне и верят, что я связан с дьволом и черной магией. И у людей, которые до сих пор никогда не думали, что существует, скажем, дьявол, могут возникнуть самые невозможные, немыслимые фигуры при переносе безличностных содержаний. Проекция образов, содержащих родительское влияние, обычно исчезает в результате здравого размышления, но безличностные образы простым рассуждением не аннулируются. Более того, аннулировать или разрушать их было бы неправильно, так как в общем-то они весьма существенны в психическом бытии. Чтобы пояснить это, я боюсь, мне придется снова вернуться к истории человеческого разума.

Давно известно, что архетипические образы являются спроектированными. Они и должны быть спроектированными, иначе сознание просто было бы наводнено этими образами. Суть заключается в подыскивании формы, являвшейся бы адекватным вместилищем. Испокон веков существует утверждение, помогающее людям проектировать безличностные образы. Все его хорошо знают, возможно многие сами прошли в нем соответственную выучку, но, к сожалению, не обратили внимания на всю важность этого института. Я имею в виду религиозное посвящение, которым у нас, христиан, является крещение. Когда пленяющее и неповторимое влияние родительских образов ослабевает и ребенок высвобождается от своего первоначального биологического участия в совместной с родителями «битве за жизнь», тогда природа, а именно бессознательная человеческая природа, в своей бесконечной мудрости производит ряд посвящений. Их можно обнаружить в самых первобытных племенах – посвящение мужчины, инициация на участие в духовной и социальной жизни племени. В процессе дифференциации сознания посвящение подвергалось множеству изменений, пока не перекочевало в христианство в виде таинства крещения. В обряде крещения участвуют два формальных лица: крестный отец и крестная мать. На швейцарском наречии они носят имена Бога – «Gotti» и «Gotte». Gotti – мужская форма, означающая Отца, Gotte – женская форма. Слово Бог означает Отец, вдохновитель. Крещение и духовные родители в виде крестных отца и матери выражают тайну второго рождения. Известно, что все высшие касты в Индии имеют титул «Дважды рожденный». В

этом же смысле быть дважды рожденным оказывается прерогативой фараона. Поэтому в египетских храмах очень часто рядом с главным помещением для богослужений можно встретить так называемую «родильню», состоящую из одной-двух комнат, специально предназначенных для свершения ритуала. В них происходит второе рождение фараона, поскольку, хотя он и рожден во плоти как человек, он, кроме этого, создан Богом и рожден Богиней. И он, следовательно, рождается как сын человека и Бога.

Наше крещение означает обособление ребенка от естественных родителей и от влияния родительских образов. С этой целью биородители заменяются родителями духовными: крестные отец и мать представляют intercessio divina (божественное поручительство) посредством Церкви, которая выступает как видимая форма Церкви Духа. В католическом ритуале и брак (здесь предполагается весьма важным, что этот мужчина и эта женщина соединяются друг с другом) осуществляется посредством церковного ритуала; intercessio sacerdotis (божественное поручительство) не допускает непосредственного контакта полов. Священник представляет Церковь, а Церковь всегда оказывается между, в форме вероисповедования, которое является обязательным. Это вмешательство не есть следствие особой хитрости Церкви, но, скорее, ее великой мудрости, сама же идея восходит к истокам христианства – уже тогда мы вступали в брак не просто как мужчина и женщина, но как брачущиеся во Христе. У меня есть античная ваза, на которой изображено раннее христианское обручение. Мужчина и женщина держат друг друга за руку. Соединением руки помещены в Рыбу; Рыба означает Христа. Этим символизируется, что обрученные разделены и соединены Христом. Христос находится между ними; он представляет власть, означающую отделение человека от простых природных сил.

Процесс выделения человека из природного мира испытан в хорошо известных обрядах инициации или обрядах, посвященных юношам, вступающим в половозрелый возраст в первобытных племенах. По достижении половой зрелости мальчики внезапно отзываются из селения. Их выводят в окрестности, где заставляют провести ночь. Из темноты слышны голоса духов, рев быков, женщинам в это время под страхом смерти запрещено показываться из дома. Среди ночи мальчиков приводят в лесную хижину, где демонстрируются всевозможные ужасные сцены. Им запрещено разговаривать: сообщается, что они умерли, а затем, что снова родились, и для доказательства этого дают новые имена. Им внушается, что они теперь другие люди, нежели были раньше, и больше не дети своих родителей. Инициация может зайти так далеко, что после возвращения матерям больше не разрешают разговаривать со своими сыновьями, так как молодые люди уже не их дети. Некогда у Готтентотов один мальчик совершил инцест с матерью, чтобы доказать, что она ему больше не мать, а всего лишь женщина в числе прочих.

Соответствующий христианский ритуал утратил много весьма существенного; но, изучая символику крещения, можно и сейчас обнаружить следы первоначального смысла. «Родильня» – в нашем случае купель для крещения; это в сущности бассейн, рыбный садок, в котором каждый представляет маленькую рыбку: вначале он символически тонет, а затем снова воскресает. Известно, что ранних христиан на самом деле погружали в крещенскую купель, которая была гораздо больше, чем сейчас; во многих старых крестильнях

сооружалась крестильня отдельным зданием на собственном основании, в плане представлявшим круг. Накануне пасхи католическая церковь совершала специальную церемонию освящения купели для крещения, Benedictio Fontis. Обычную воду заклинали от смешения со всякими дурными силами, в результате чего она превращалась в обновленный и очищенный источник жизни, чистое, незапятнанное чрево святого источника. Затем священник святил воду, обходя купель, в форме креста в четырех местах, три раза дул на нее и три раза погружал в воду священную пасхальную свечу, как символ вечного света, а в это же время заклинание призывало Целомудренную силу Святого Духа погрузиться в купель. Из иерогамии (из святого брака между Святым Духом и крещенской водой, как чревом Церкви), и возрождался человек в истинной невинности нового детства. Пятно греха, взятое от него и его природы, соединялось с образом Бога. Человек больше не осквернялся природными силами, он перерождался в духовное бытие.

Известны и другие обычаи и ритуалы, выделявшие человека из естественной животной среды. Не вдаваясь в детали, следует заметить, что изучая психологию первобытных, можно обнаружить тесную связь всех важных жизненных событий с тщательно разработанными церемониями, цель которых – отделить человека от предшествующей стадии бытования и помочь ему перенести психическую энергию в следующую стадию жизнеустройства. Когда девушка выходит замуж, она должна освободиться от давления родительских образов и избежать проекции образа отца в мужа. С этой целью в Вавилоне существовал ритуал, с помощью которого психика молодой девушки освобождалась от образа отца. Я имею в виду ритуал храмовой проституции, согласно которому девушки из знатных семей отдавались незнакомцам, посещавшим храм; тем, кто, предположительно, потом в дальнейшем, его не посетит. Как правило, это были чужеземцы, с которыми девушки проводили ночь. Подобный институт существовал и в средние века, jus primae noctis,.право первой ночи, этим правом обладал феодал-правитель по отношению к крепостным. Невеста свою первую брачную ночь должна была провести с ним.

Ритуалом храмовой проституции создавался наиболее впечатляющий образ, сталкивающийся с образом мужчины, за которого юная дама собиралась замуж, в случае, если возникала брачная проблема, то возвращение в исходное психическое состояние, как естественный результат внутреннего конфликта, совершалось не к образу отца, а к однажды встреченному незнакомцу, пришедшему из неведомых земель. Это давало возможность не погружаться снова в мир детских впечатлений, а находить психическое убежище в районе собственного возраста, и тем самым в достаточной степени защищала против инфантильной регрессии.

Данный ритуал демонстрирует одно из самых изумительных качеств человеческой психики. Не случайно женщины сохраняют архетипический образ возлюбленного из отдаленной, неведомой земли, мужчины, появившегося из-за моря-океана, встретившего ее однажды и ушедшего назад. Этот мотив известен из вагнеровского «Летучего голландца» и ибсеновской «Дамы из моря». В обеих драмах дама ожидает чужеземца, который должен прийти из-за далеких морей, чтобы испытать большую любовь к ней и с ней. В опере Вагнера героиня по-настоящему влюбляется в образ, который видит воочию еще до того, как

появляется сам герой. В «Даме из моря» героиня только однажды встретила своего избранника и теперь вынуждена все время ходить на берег моря в ожидании его возвращения. («Алые паруса» Александра Грина – тот же мотив. – Прим. перев.). В вавилонском ритуале этот архетипический образ существовал конкретно с целью вызволить женщину из тисков родительских образов, являющихся также образами архетипическими и посему чрезвычайно мощными. Я написал небольшую книгу о взаимоотношениях между ЭГО и бессознательным, где описал случай проекции образа отца, имевший место у лечившейся у меня женщины; и о том, как эта проблема разрешилась благодаря анализу архетипического образа, лежавшего в основе этого отцовского переноса.

Первая стадия лечения переноса вовлекает не только осознание пациентом того факта, что он все еще смотрит на мир из детской или классной комнаты и т. п., проектируя и аспектируя при этом все положительные и отрицательные авторитеты своего личного опыта; в осознание должна быть включена вся объективная сторона вопроса. Для создания действительно зрелой установки, аттитюда, пациент должен увидеть саму субъективную оценку всех тех образов, которые, как казалось, создают саму проблему. Он должен ассимилировать их со своим собственным психическим бытием; должен обнаружить, в каком смысле он является частью его самого; каким образом он приписывает, например, положительную оценку тому или иному объекту, когда фактически это и есть он сам, кто эту оценку выставляет. Тем же самым образом он проектирует отрицательные качества и соответственно ненавидит и испытывает отвращение к субъекту. Здесь необходимо понять, что субъект сам проектирует свою собственную низменную сторону, свою тень, так сказать, предпочитает иметь оптимистический и односторонний образ себя самого. Фрейд, как известно, имеет дело только с объективной стороной. Но фактически невозможно помочь пациенту усвоить содержание его невроза снисходительными ссылками на детское отсутствие ответственности или смиренным указанием на глупую судьбу, жертвой которой является пациент. Его невроз означает требование стать целостной личностью, а это включает узнавание и ответственность за свое целостное бытие, за его хорошие и плохие стороны, возвышенные и низменные функции.

Предположим теперь, что проекция личностных образов, как таковая, состоялась, реализовалась и возымела действие, и тем не менее имеет место перенос, который вы просто не можете разрешить (аннулировать). Тогда в терапии переноса мы вступаем во вторую стадию. Эта стадия – разделение личностных и безличностных содержаний. Личностные проекции, как мы видели, аннулируемы в принципе; для этого они должны оказаться осознанными, но безличностные проекции аннулировать нельзя, так как они принадлежат структурным элементам самой психики (самого психического бытия). Они оказываются не реликтами переживаемого прошлого, а наоборот, целенаправленными и компенсаторными функциями чрезвычайной важности, надежной защитой в ситуациях, в которых человек, как говорится, теряет голову. Скажем, в случае паники, неважно, внутренней или внешней, вмешиваются архетипы, дающие человеку возможность совершения адаптивных инстинктивных действий. Реакция человека в данном случае оказывается такой, как будто бы он заранее знал или предвидел ту или иную ситуацию. Иными словами, он действует так, как

обычно это делает человечество, поэтому мы говорим, что этот механизм – весьма жизненно важен.

Следует заметить, что проекция этих безличностных образов сама по себе носит опосредованный характер. А поэтому аннулировать здесь можно лишь сам акт проекции, но никак не ее содержание, чего, кстати, и пытаться делать не стоит. При всех стараниях пациент не может ассимилировать безличностные содержания в своем сознании, тот факт; что они по сути безличностные содержания, как раз и является причиной для их проектирования; человек чувствует, что они не принадлежат определенному субъекту, его индивидуальному разуму, а локализуются где-то вне единичного ЭГО, и за отсутствием подходящей субъективной формы их вместилищем является человеческий объект. Поэтому необходимо быть крайне внимательным, имея дело с безличностными проекциями. Например, было бы большой ошибкой сказать пациенту: «Пожалуйста, поймите, что вы проектируете на меня образ спасителя. А это глупо, уповать на спасителя и делать ответственным меня за это упование». Встретившись с «надеждой» подобного рода отнеситесь к ней серьезно. Все человечество живет с подспудным ожиданием спасителя; это ожидание можно обнаружить везде: обратите внимание хотя бы на Италию или Германию, (1935 г. – приход фашизма. – Прим. перев.). Сегодня у вас, в Англии, нет спасителя, нет его и у нас, в Швейцарии. Но я не верю, что мы так уж сильно отличаемся от остальной Европы. Ситуация у нас лишь слегка отличается от итальянской или германской; возможно, они чуточку менее уравновешены, но даже и у нас с уравновешенностью не все гладко. В указанных странах комплекс спасителя обнаруживается в виде психологии массы, толпы. Комплекс спасителя – архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он активизируется в эпохи, столь насыщенные проблемами и дезориентацией, как, к примеру, наша. В коллективных событиях довольно легко и просто увидеть, как сквозь волшебное стекло, что может произойти с отдельным индивидом, внутри его самого. Даже в относительно простом ситуативном моменте – панике – приходят в действие все компенсаторные психические элементы. И это совсем не патологическое явление. Возможно, это покажется странным, что коллективное бессознательное выражается в политической форме. Но форма-фактор весьма иррациональный, и наше рациональное сознание не может указывать ему, каким должно быть его проявление. Конечно, представив коллективное бессознательное самому себе, следует ожидать, что его активация может оказаться весьма разрушительной; она может обернуться массовым психозом. Поэтому связь человека с коллективным бессознательным всегда регулируется; существует определенная форма, в которой выражаются архетипические образы. Так как коллективное бессознательное – функция, действующая непрерывно, то человек должен постоянно держать с ней контакт. Его психическое и душевное здоровье зависит от кооперации с безличностными образами. На практике подобная связь поддерживается, поскольку в наличии всегда имеется та или иная религия.

Что такое религия? Религия есть психотерапевтическая система. А что делаем мы, психотерапевты? Мы пытаемся лечить страдания человеческого разума, человеческой психики или человеческой души, а религия имеет дело с той же самой проблемой. Поэтому

наш Бог – целитель, доктор, он исцеляет больного и имеет дело с душевными трудностями человека, а это и есть именно то, что мы называем психотерапией. Когда я говорю о религии как о психотерапевтической системе, то это не игра слов. Религия – мощно работающая психотерапевтическая система, в ней заключена огромная практическая истина. Могу сказать одно – клиентура у меня достаточно обширна и обитает на разных континентах, там же, где живу я сам, живут практически одни католики; но за последние тридцать лет у меня побывало вряд ли больше чем шесть действительно верующих католиков. Подавляющее большинство пациентов составляли протестанты и иудеи. Однажды я разослал опросник людям, которых не знал лично, в опроснике я спрашивал: «Как бы вы поступили, окажись в психологическом затруднении? Предпочли бы вы пойти к доктору или к священнику (пастору)?» Самих ответов я уже не помню, но хорошо помню то, что около 20 % протестантов предпочли пойти к пастору. Остальные же были настроены против пастора и предпочли доктора, причем самыми убежденными в этом оказались родственники и дети священнослужителей. Помню один интересный ответ китайца. Тот заметил: «Когда я молод, я иду к доктору, а когда стар – к философу». А среди католиков 58 или 60 % ответили, что, конечно, пойдут к священнику. Это доказывает, что католическая церковь, в частности с ее строгой системой религиозных предписаний и наставлений к образу мышления, является терапевтическим институтом. У меня было несколько пациентов, прошедших аналитический курс лечения, которые после этого сделались убежденными католиками; было несколько и других, вступивших в так называемую группу «Оксфордское движение» – с моего благословения! Я думаю, что существование подобных институтов совершенно правильно и полезно. Ими нас обеспечила история, и будь я сам человеком средневекового склада мышления, то с легкостью принял бы подобное вероучение. К несчастью, оцерквление требует в некотором смысле средневекового образа мыслей, чего я не имею в достаточной степени. Но и из сказанного ясно, что я подхожу к архетипическим образам и соответствующей форме для их проекции весьма серьезно, потому что коллективное бессознательное занимает значительное место в психическом существовании человека.

Все личностные проявления типа инцестуозных тенденций и других детских побуждений оказываются на поверку весьма поверхностными; то, из чего в действительности состоит бессознательное, являются великими коллективными событиями времени. По сути дела в коллективном бессознательном индивида представлена сама история; и когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем, Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им. Это, кстати, и то, что мы видим сегодня. (Намек на фашизм в Италии и Германии. – Прим. перев.). Я предвидел это в 1918 году, когда говорил, что белокурая бестия пошевеливается во сне и что в Германии что-то произойдет.

Никто из психологов тогда не подозревал, что я имел в виду, так как люди просто не представляли, что наша личностная психология не более чем тонкая кожа, всего лишь рябь на океанской толще коллективной психологии. Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор,

который делает историю. И коллективная психология действует согласно законам, весьма отличающимся от таковых в нашем собственном сознании. Архетипы – мощные решающие силы, они свидетельствуют о реальных событиях, а не о нашем индивидуальном разуме и практическом интеллекте. Перед Первой мировой войной все интеллигентные люди говорили: «У нас не будет войны, мы стали слишком разумны, чтобы позволить ей случиться; торговля и финансы сплетены в международный узел, так что война абсолютно невозможна». И после этого всего вспыхнула самая чудовищная битва, какую видел мир. И сейчас снова начинают твердить те же самые дурацкие вещи и о разуме, и о мирных планах, и тому подобных вещах. Они завязали себе глаза, цепляясь за этот детский оптимизм – взгляните реальности в лицо! Совершенно очевидно, что архетипические образы решают судьбу человека. Решает бессознательная психология, а не то, что мы думаем и говорим в кулуарах, с трибуны и в совещательных комнатах.

Кто в 1900 году мог подумать, что через тридцать лет будет возможно то, что происходит в Германии сейчас? Могли бы вы поверить тогда, что целая нация высокоинтеллигентных и воспитанных людей может быть охвачена умопомрачающей властью архетипа? Я видел, что это грядет, и понимал это грядущее, так как знаю силу коллективного бессознательного. На поверхности же все выглядит невероятным. Даже мои личные друзья находятся под чарующим влиянием архетипа, и когда я нахожусь в Германии, то сам в это верю; я все понимаю и знаю, что иначе и быть не может. Никто не в силах сопротивляться. Происходящее бьет ниже пояса, а не в голову; мозг при этом ничего не считает, поскольку здесь система симпатии, сочувствия. Это сила, которая очаровывает людей изнутри – актуализировавшееся коллективное бессознательное. Она – архетип, общий для всех тех, кто призван к жизни. И именно потому, что это архетип, он имеет исторические корни, и мы не можем понять те или иные события, не зная истории. То, что происходит сегодня, – это история Германии, подобно тому как фашизм – живая итальянская история. Не следует оставаться детьми относительно происходящего, с интеллектуальными и разумными идеями, говорящими: этого не может быть. Даже звучит по-детски: не может быть. Происходящее не имеет ничего общего с рациональными суждениями, оно – просто история. И когда перенос вашего пациента добирается до архетипа, вы попадаете в шахту, которая может взорваться. Взорваться просто потому, что вы ожидаете взрыв коллективно. (Воронья Слободка в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова: «Дом не мог не сгореть. И однажды вечером он запылал, подожженный сразу с четырех концов». – Прим. перев.). Безличностные образы содержат громадную динамическую энергию. Бернард Шоу говорил в «Человеке и Сверхчеловеке»: «Это существо – человек, который в своих собственных эгоистических делах – труп до мозга костей, будет сражаться за идею как герой».

Конечно, нельзя назвать фашизм или гитлеризм идеями. Это архетипы, и потому можно сказать: дай людям архетип, и вся толпа будет действовать как один человек, без всякого сопротивления. С громадной динамической силой архетипических образов справиться нельзя. Поэтому единственное, что делается на третьей стадии терапии переноса, – отделение личного отношения к врачу-психотерапевту от безличностных факторов. Совершенно ясно, что когда вы честно и внимательно работаете с пациентом, вы

ему нравитесь; если вы переделали порядочный кусок работы с пациентом, то он нравится вам вне зависимости, мужчина он или женщина. И было бы совершенно неестественно и даже странно не испытывать никакой человеческой реакции со стороны пациента на проделанную работу. Обычная человеческая реакция вам вполне нормальна и естественна, и она стоит того; и это ни в коей мере не перенос. Но подобное отношение к врачу возможно только в соответствующей сдержанной форме и до тех пор, пока она не испорчена безличностными оценками. Это означает, с другой стороны, необходимость полного признания важности архетипических образов, многие из которых носят религиозный характер. Допускаете ли вы, что ураган нацизма в Германии содержит религиозную оценку, или нет, не играет роли. Думаете ли вы, что Дуче – фигура религиозная, или нет, не суть важно, потому что он все-таки фигура религиозная. Подтверждение тому можно прочесть даже в газетах, вышедших на днях. В них процитирована стихотворная строчка о римском Цезаре: esse deus, deus ille, Menalka (Вот Бог, Бог Меналька)! Фашизм представляет латинскую форму религии, и его религиозный характер объясняет, почему в целом дело приняло такой пленительный и чудовищный оборот.

Следствием осознания важности безличностных оценок может стать оцерквление вашего пациента или его присоединение к религиозному вероучению, или что-нибудь подобное. Вот если он не может объединить свой опыт коллективного бессознательного в пределах той или иной религиозной формы, тогда его ждут трудности. В таком случае безличностные факторы не получают вместилище, пациент вновь оказывается во власти переноса, а архетипические образы губят человеческое отношение к врачу. Психотерапевт оказывается спасителем или – проклятие ему – не оказывается, хотя и должен был оказаться. Но врач всего лишь человек, он не может быть ни спасителем, ни любым другим архетипическим образом из тех, что активизируются в бессознательном пациента.

Вследствие огромной трудности и важности этой проблемы я разработал специальную методику восстановления спроектированных безличностных оценок. Методика весьма сложная и на прошлой лекции я кое о чем упоминал в связи с вышеприведенным сном. Когда бессознательное говорит, что под христианским храмом находится тайное помещение с золотым сосудом и золотым кинжалом, то оно не лжет. Бессознательное вообще не лжет, так как природно по сути своей. Природа же не лжет никогда. Есть золото, есть сокровище и величайшая цена за него.

Располагай я большим времением, можно было бы продолжить эту тему и подробно рассказать о сокровищах и способах их сохранить. Это убедило бы в справедливости метода, позволяющего индивиду самому держаться вблизи своих безличностных образов. Сейчас же я могу сказать лишь пару слов и отослать к моим публикациям по этому поводу.

Четвертую стадию терапии переноса я называю объективизацией безличностных образов. Это – существенная часть процесса индивидуации.

Ее цель – отделить сознание от объекта настолько, чтобы индивид больше не помещал гарантию своего счастья, а иногда и жизни, в неких внешних посредников, будь то люди, идеи, обстоятельства. Чтобы он пришел к осознанию, что все зависит от того, владеет ли он

сокровищем, или не владеет. Если он чувствует, что сокровище в его руках, тогда центр тяжести находится в самом индивиде, а не в объекте, от, которого он зависел. Достичь состояния такого освобождения является целью духовной практики на Востоке и целью всех наставлений Церкви. В различных религиях сокровище спроектировано в фигурах святых, но подобное гипостазирование невозможно для современного просвещенного разума. Огромное число индивидов не могут более выражать свои безличностные ценности в исторических символах.

В связи с этим они оказываются перед необходимостью отыскивать индивидуальный способ, чтобы придать форму безличностным образам. Так как в конечном итоге они призваны найти эту форму, то и жизнь их течет весьма специфическим образом, иначе индивид оказывается оторванным от самой основы психического бытия, и неизбежно становится невротиком, дезориентируется и конфликтует с самим собой. Но если он способен объективировать безличностные образы и соотноситься с ними, тогда он соприкасается с той жизненно важной психологической функцией, которая с момента пробуждения человеческого сознания находилась под попечением религии.

Сейчас невозможно вдаваться в детали данной проблемы не только потому, что время истекло, но и потому, что дать адекватное выражение живому психическому опыту означает выйти за пределы научных понятий. Все, что можно сказать рационального относительно условия отделения, это определить его как некий центр внутри психического бытия индивида, но не внутри его ЭГО. Это не ЭГО-центр. Боюсь, что придется представить вам целую диссертацию по сравнительному религиоведению, чтобы более или менее полно выразить то, что я имею в виду под неЭГО-центром. (См.: Психология и Алхимия, п. 44, 126, 129, 135, 325 и др.). Поэтому я только коснусь существа дела. Это действительно существенная проблема большого числа индивидов, приходящих на прием к врачу-психотерапевту. Посему врач должен попытаться найти способ, пользуясь которым он сможет реально помочь человеку в разрешении его проблемы.

Принимая такой метод, мы поднимаем факел, забытый нашими коллегами в XVII веке, когда они погасили его, став химиками. Мы, психологи, исходя из химических и материальных понятий психического бытия, зажигаем этот факел вновь, продолжаем процесс, который на Западе начался в XII веке – так как алхимия была делом врачей-целителей, занятых проблемами человеческого разума.

ДИСКУССИЯ ПЯТАЯ

Вопрос:

Могу ли я задать профессору Юнгу элементарнейший вопрос: не даст ли он нам определение невроза?

Профессор Юнг:

Невроз — это диссоциация личности, вызванная существованием комплексов. В самом по себе наличии комплексов нет ничего ненормального; но если комплексы

несовместимы, тогда та часть личности, которая наиболее оппозиционна ее сознательной части, «откалывается». Если расщепление достигает органических структур, такая диссоциация является психозом — на это указывает сам термин. Тогда каждый комплекс живет своей собственной жизнью и личность уже не в силах связать их воедино.

Если отколовшиеся комплексы бессознательны, то для них возможны лишь косвенные средства выражения, такие как невротические симптомы. И вот вместо того, чтобы страдать от психологического конфликта, страдают от невроза. Любая несовместимость характеров может вызвать диссоциацию, и, например, слишком сильный разрыв между мыслительной функцией и функцией чувства — это уже в определенной степени невроз. Когда у вас по какому-то частному вопросу нет согласия с самим собой, вы близки к невротическому состоянию. Идея психической диссоциации — наиболее общее и взвешенное определение невроза, которое я могу дать. Естественно, она не охватывает всю симптоматику и феноменологию невроза; она является лишь наиболее общей психологической формулировкой, которую я способен дать.

Доктор Хелтон Г. Байнес:

Вы сказали, что трансфер не имеет практической ценности для анализа. Возможно, следует определить его телеологическое значение?

Профессор Юнг:

Много об этом не скажешь, но телеологическое значение трансфера становится очевидным уже из анализа его архетипических содержаний. Каково его назначение, видно и из того, что я говорил о трансфере как о функции, компенсирующей отсутствие взаимопонимания между аналитиком и пациентом, — по крайней мере, если считать, что для человеческих существ нормально, когда они en rapport друг с другом. Естественно, я допускаю, что с точки зрения философа–интроверта люди скорее разобщены друг с другом. Например, Шопенгауэр говорит, что у людей настолько силен эгоцентризм, что человек способен убить своего брата ради того, чтобы намазать свои сапоги его жиром.

Доктор Генри В. Дикс:

Профессор Юнг, мне кажется, мы можем считать, что вы рассматриваете вспышку невроза как попытку самолечения, как попытку компенсации посредством выявления подчиненной функции?

Профессор Юнг:

Безусловно.

Доктор Дикс:

Я понимаю, далее, что вспышка невротического заболевания с точки зрения человеческого развития является чем-то благоприятным?

Профессор Юнг:

Это так, и я рад, что вы поднимаете этот вопрос. Действительно, такова моя точка зрения. Я не слишком пессимистичен в отношении невроза. Во многих случаях нам следует сказать: «Слава богу, он смог компенсироваться, став невротиком». Невроз — это действительно попытка самолечения. Мы больше не можем понимать заболевание как ens per se, как нечто обособленное, хотя не так давно мы верили, что все обстоит именно так. Современная медицина — например, гастроэнтерология — понимает заболевание как систему, состоящую из вредоносных и целебных факторов. Точно так же и с неврозом. Это попытка саморегулирующейся психической системы восстановить баланс, это ничем не отличается от функции снов, только куда сильнее и действеннее.

Доктор Джеймс А. Хэдфилд:

Не даст ли нам профессор Юнг краткий обзор техники активного воображения?

Профессор Юнг:

Об этом предмете я и сам собирался вам рассказать в связи с анализом толедского сна, поэтому я очень рад, что вы подняли этот вопрос. Вы понимаете, что я буду не в состоянии представить вам эмпирический материал, но зато мне, может быть, удастся дать вам представление о методе. Я уверен, что лучше всего будет рассказать вам о случае, в ходе которого было очень трудно обучить пациента этому методу.

Я лечил молодого артиста, у которого были величайшие трудности с пониманием того, что я подразумеваю под активным воображением. Он испробовал все, но понять ничего не мог. Его проблема заключалась в том, что он не умел думать. Музыканты, художники и артисты часто вообще не умеют думать, ибо они никогда не используют свой мозг целенаправленно. У этого человека мозг тоже всегда работал сам по себе, продуцируя свои художественные образы, сам художник не мог управлять этим процессом психологически, и поэтому не мог ничего понять. Я предоставил ему множество попыток, он перепробовал всевозможные уловки. Всего, что он предпринимал, не перескажешь, я расскажу лишь о том, как он в конце концов сумел использовать свое воображение психологически.

Я жил в пригороде, и для того, чтобы добраться до меня, ему приходилось пользоваться поездом. Поезд шел от маленькой станции, на стене которой висел плакат. Каждый раз, ожидая своего поезда, он разглядывал этот плакат. Это была реклама Мюррена (Murren), расположенного в Бернских Альпах, — красочная картинка: водопад, зеленый луг и коровы на склонах холма посреди луга. Он сидел, уставившись в эту картинку, и думал о том, как разобраться с тем, что я подразумеваю под активным воображением. И вот в один из дней ему пришло в голову: «Наверное, я мог бы начать с фантазии по поводу этого плаката. Я, например, мог бы вообразить самого себя на этой картинке, как будто это реальный пейзаж, и я могу даже взобраться по склону, где пасутся коровы, на вершину холма и увидеть, что находится там, за холмом».

С этой целью, придя однажды на станцию, он вообразил себя на этой картинке. Он видел луг, дорогу, взбирался на гору среди коров и, достигнув самой вершины, смотрел вниз; там тоже был луг, был спуск с горы, а у ее подножия — изгородь с перекинутой через нее

лесенкой. Он спустился вниз, перелез через изгородь, за которой начиналась тропинка, обегавшая овраг и валуны; обойдя один валун, он увидел небольшую часовню со слегка приоткрытой дверью. «Я хотел бы туда зайти», — подумал он, толкнул дверь и вошел; там, на алтаре, украшенном прелестными цветами, стояла деревянная фигура Богоматери. Он поднял глаза на ее лицо, и в этот самый момент кто-то с острыми ушами скрылся за алтарем. Он подумал: «Да, все это чушь», — и вся фантазия мгновенно исчезла.

Он вернулся домой и сказал себе: «Я так и не понял, что такое активное воображение». А затем его внезапно осенила мысль: «Да, но, может быть, все это действительно было; может быть, там, за фигурой Богоматери действительно был кто-то с острыми ушами и в мгновение ока исчез». Поэтому он решил: «Я попытаюсь все это проделать в качестве теста», — и вообразил, что снова находится на станции, рассматривает плакат и фантазирует о том, как он взбирается на гору. Добравшись до вершины, он удивился тому, что открывалось его взору на другой стороне. Там была изгородь с лесенкой и спуск с горы. Он сказал себе: «Да, пока все в порядке. Очевидно, с тех пор ничего не изменилось». Он обошел валуны и оказался перед часовней. Тогда он подумал: «Вот — часовня, по крайней мере, это не иллюзия. С этим все в порядке». Дверь была приоткрыта, и это тоже его порадовало. Он поколебался с минуту и сказал себе: «Теперь, после того как я открою дверь и увижу на алтаре Мадонну, из-за статуи должен показаться и тут же скрыться кто-то с острыми ушами, если же этого не произойдет, значит это все пустое!» И вот он открыл дверь и увидел, что все на месте, и, как и прежде, кто-то спрыгнул вниз; это убедило его. С этого момента у него был ключ, и он знал, что может положиться на свое воображение, т.е. он научился им пользоваться.

У меня нет времени рассказывать вам о развитии его образов или о том, как приходят к этому методу другие пациенты. Конечно же, у каждого свой собственный путь. Я могу лишь упомянуть о том, что началом для активного воображения может послужить сон или впечатление гипнотического характера. Я предпочитаю употреблять термин «воображение», а не «фантазия», ибо между ними имеется отличие, которое имели в виду старые врачи, говоря, что «opus nostrum» — наша работа — должна делаться «per veram imaginationem et поп phantastica», т.е. посредством истинного, а не фантастического воображения (*К. Г. Юнг. Психология и алхимия (пар. 360).*). Иными словами, если верно понять смысл этой дефиниции, фантазия — это просто нонсенс, фантазм, мимолетное впечатление, тогда как воображение представляет собой активное и целенаправленное творчество. Я провожу точно такое же различие.

Фантазия в большей или меньшей степени является вашей собственной выдумкой, она скользит по поверхности индивидуальных смыслов и осознанных ожиданий. Однако активное воображение, как следует из самого термина, означает, что образы живут своей собственной жизнью и символические события происходят согласно их собственной логике — если, конечно, не вмешивается наш сознательный разум. Вы начинаете с концентрации на начальном пункте. Я приведу вам пример из своего собственного опыта. Когда я был маленьким мальчиком, у меня была незамужняя тетушка, жившая в чудесном старомодном доме, который был полон прекрасных цветных гравюр. Среди них был портрет моего деда по

материнской линии. Он вроде бы был епископом, на картине дед был изображен на террасе у своего дома. Я видел перила, ступеньки, спускающиеся с террасы, и тропинку, ведущую к собору. Мой дед, при всех регалиях, стоял наверху, на террасе. Каждым воскресным утром мне позволялось навестить тетушку; придя к ней, я усаживался на стул и смотрел на эту картину до тех пор, пока дед не начинал спускаться с террасы. И каждый раз тетушка говорила мне: «Дорогой мой, он никуда не идет, он по–прежнему стоит на месте». Но я знал, что видел его спускающимся вниз.

Вы понимаете, как случилось, что картина начала двигаться. Точно так же, если вы концентрируетесь на мысленной картине, она начинает двигаться: образ обогащается деталями, т.е. картина движется и развивается. Естественно, всякий раз вы не верите в это, вам приходит в голову, что вы сами все это вызвали, что это лишь ваша собственная выдумка. Но вы должны преодолеть это сомнение, ибо оно ошибочно. Нашим сознательным разумом мы можем достичь действительно совсем немного. Мы все время зависим от вещей, которые буквально обрушиваются на наше сознание; поэтому по–немецки мы называем их Einfalle. Если бы, например, мое бессознательное отказалось подавать мне идеи, я бы не мог продолжать чтение лекции, ибо был бы не в состоянии придумать следующий шаг. Вам хорошо известно ощущение, которое возникает, когда вы хотите вспомнить имя или слово, достаточно знакомое, но оно никак не приходит на ум; впрочем, некоторое время спустя оно все-таки всплывает в памяти. Мы полностью зависим от великодушного содействия со стороны нашего бессознательного. Плохи наши дела, если оно нам не помогает. Поэтому я убежден, что путем сознательных размышлений многого не достичь; мы переоцениваем силу воли и осознанной интенции. Когда же мы сосредоточиваемся на внутренней картине и не мешаем событиям идти своим чередом, наше бессознательное оказывается в состоянии породить серию образов, складывающихся в целую историю.

Я испробовал такой метод на многих пациентах в течение многих лет и обладаю обширной коллекцией подобных «творений». Наблюдать этот процесс чрезвычайно интересно. Естественно, я не всегда прибегаю к активному воображению как некой панацее; должны быть определенные показания, свидетельствующие о том, что этот метод подходит для данного индивида; есть множество пациентов, по отношению к которым его применение будет ошибкой. Но часто на последних стадиях анализа объективация образов занимает место снов. Образы предвосхищают сны, и поэтому материал сновидений начинает иссякать. По мере того как сознание устанавливает связь с бессознательным, оно исчерпывает себя. Тут вы получаете весь материал в творческой форме, и в этом огромное преимущество по сравнению с материалом сновидений. Это ускоряет процесс созревания, ибо анализ является процессом ускорения созревания. Это определение не является моим личным изобретением; этот термин придумал один почтенный профессор -Стэнли Холл.

Так как активное воображение продуцирует весь материал в сознательной форме, он в данном случае оказывается значительно более оформленным, нежели в сновидениях с их невнятным языком. Он значительно более содержателен, нежели в сновидениях; например, в нем есть чувственные ценности, о нем можно судить с помощью чувств. Очень часто сами пациенты приходят к тому, что определенный материал требует зримого воплощения.

Например, они говорят: «Тот сон был настолько выразительным, что если бы я только мог рисовать, я бы попытался передать его атмосферу». Или же они чувствуют, что определенная идея должна быть выражена не рационально, а посредством символов. Или охвачены эмоцией, которая, если придать ей некоторую форму, стала бы понятной, и так далее. И вот они начинают чертить, рисовать или оформлять свои образы пластически, а женщины — иногда вязать или ткать. Я даже знал пару женщин, которые вытанцовывали свои бессознательные фигуры. Бесспорно, их можно выразить и посредством письма.

У меня есть немало длинных серий подобных рисунков. Они несут огромное количество архетипического материала. Именно сейчас я собираюсь разрабатывать исторические параллели к некоторым из них. Я сопоставляю их с живописным материалом, выражающим сходные попытки людей прошлых веков, в особенности раннего средневековья. Определенные элементы символизма восходят к Египту. На Востоке мы обнаруживаем множество интересных параллелей к нашему бессознательному материалу, вплоть до мельчайших деталей. Подобная сравнительная работа дает нам наиболее ценную информацию о структуре бессознательного. И вашему пациенту тоже следует подсказывать необходимые параллели, естественно, не в таком разработанном виде, в каком это было бы представлено в научном труде, но исходя из того объема, который требуется пациенту для понимания им своих архетипических образов. Ибо он может уяснить их истинное значение лишь в качестве типичных, повторяющихся способов выражения объективных фактов и процессов человеческой psyche, а не сомнительных субъективных переживаний вне всякой связи с внешним миром. Объективируя свои внеиндивидуальные образы и понимая присущий им смысл, пациент способен сам выработать все ценности, которыми богат его архетипический материал. Благодаря этому он может его увидеть и бессознательное становится ему понятным. Более того, эта работа определенным образом влияет и на него самого. Все, что бы он ни вкладывал в нее, оказывает на него ответное воздействие и вызывает изменение его позиции, которую я пытался определить через представление о центре вне эго (non-ego center).

Я приведу вам интересный пример. У меня был случай -университетский ученый, крайне односторонний интеллектуал. Его бессознательное было чем-то потревожено и активировалось; поэтому оно стало проецироваться на окружающих людей, которые представлялись ему врагами, а поскольку ему казалось, что против него настроены все, он чувствовал себя ужасно одиноким. Дабы забыть свои беспокойства, он начал пить, от этого становился чрезмерно чувствительным и в подобном настроении затевал ссоры; несколько раз у него были очень неприятные стычки, а однажды его вышвырнули из ресторана и избили. Было и еще немало инцидентов подобного рода. Когда это стало повторяться слишком часто и было уже невыносимо, он явился ко мне, чтобы я посоветовал ему, что делать дальше. В ходе беседы у меня сложилось о нем очень четкое впечатление: я увидел, что его переполняет архетипический материал, и я сказал себе: «Теперь я могу провести интересный эксперимент — получить этот материал в абсолютно чистом виде, причем без всякой тени моего влияния, я даже не прикоснусь к нему». И с этой целью я направил его к другому врачу — женщине, которая была еще новичком и об архетипическом материале

знала немного. Поэтому я был совершенно уверен в том, что она не будет вмешиваться. Пациент был в столь подавленном настроении, что без возражений принял мое предложение (*Этот случай послужил материалом для второй части книги «Психология и алхимия»*).

Она попросила его следить за своими снами, и он их все, от первого и до последнего, очень внимательно записал. Теперь у меня есть серия, состоящая приблизительно из тысячи трехсот снов этого человека. Они содержат изумительный ряд архетипических образов. И совершенно естественно, безо всяких на то указаний, он начал рисовать разнообразные картины, которые виделись ему во сне, ибо он чувствовал, что они очень важны. Посредством этой работы над своими снами и рисунками он сделал то, что другие пациенты делают посредством активного воображения. Он сам для себя придумал это активное воображение, когда понадобилось решить некоторые наиболее запутанные проблемы, поставленные перед ним снами, например, как сбалансировать содержания круга, и многое другое. Он решил проблему perpetuum mobile, причем не впадая в безумие, а символически. Он работал над всеми теми проблемами, которые занимали средневековую философию и о которых наш рациональный разум говорит: «Все это чушь». Подобное утверждение свидетельствует лишь о нашем непонимании. Они-то понимали это; нам далеко до них, а не наоборот.

В ходе анализа, проводившегося с первой серией, состоявшей из четырехсот снов, он был вне моего наблюдения. Со времени первой беседы я вообще не видел его восемь месяцев. Пять месяцев он работал с врачом, а затем три месяца он делал всю работу сам, продолжая со всей тщательностью наблюдать за своим бессознательным. В этом плане он был очень одарен. Под конец, в течение примерно двух месяцев, у нас с ним было множество бесед. Но мне не нужно было объяснять ему большую часть символизма.

Эффект от его работы со своим бессознательным был таков, что он стал совершенно нормальным и благоразумным человеком. Он перестал пить, стал вполне приспособленным и во всех отношениях нормальным человеком. Причина этого достаточно очевидна: этот мужчина, будучи неженат, жил крайне односторонней интеллектуальной жизнью и, естественно, имел определенные желания и потребности. Но с женщинами ему не везло, поскольку он совершенно не владел чувствами. В присутствии женщин он делался дурак–дураком, и они его просто не выносили. Он становился невыносим и для мужчин и поэтому был глубоко одинок. Теперь же он нашел нечто такое, что околдовало его; у него появился новый объект интересов. Вскоре он открыл, что его сны говорят о чем-то весьма значительном, отсюда и возник весь интуитивный и научный интерес. Вместо того, чтобы чувствовать себя паршивой овцой, он думал теперь: «Итак, вечером, закончив работу, я приступаю к своим исследованиям и смогу увидеть, что же происходит; я буду работать над своими снами и открою для себя необыкновенные вещи». Так и было. Понятно, что с рациональной точки зрения он отчаянно путался в собственных фантазиях. Но не в этом дело. Он взял на себя значительную часть тяжелой работы в отношении своего бессознательного, он научно проработал свои образы. Придя ко мне после трех месяцев самостоятельной работы, он был уже почти в норме. Он лишь по–прежнему испытывал неуверенность; его беспокоило то, что он не мог понять определенный материал,

извлеченный им из бессознательного. Он пришел ко мне за советом, и я намекнул ему, что бы это могло значить, но делал я это с максимальной осторожностью — так, чтобы просто помочь ему продолжить работу и довести ее до конца.

В конце года я собираюсь опубликовать подборку из четырехсот его первых снов, где я продемонстрирую развитие одного–единственного мотива — центрального мотива тех архетипических образов (*Jung C.G. Traumsymbole des Individuations prozesses// Eranos-Jahrbuch. —1935; см. также: К. Г. Юнг. Психология и алхимия (ч. II).*). Позднее появится английский перевод, и у вас будет возможность увидеть, как этот метод работает в случаях, в которых не было никакого внешнего воздействия и которых я абсолютно не касался. Эта изумительнейшая серия образов прекрасно показывает возможности активного воображения. Вы понимаете, что в данном случае можно лишь отчасти говорить о методе объективации образов посредством пластических форм, поскольку многие символы появлялись непосредственно в снах; но в любом случае тут демонстрируется атмосфера, вызываемая активным воображением. У меня есть пациенты, которые вечер за вечером работают над своими образами, изображая и запечатлевая свои наблюдения и переживания. Они зачарованы этой работой; архетипы всегда зачаровывают наше сознание. Но в случае их объективации мы тем самым предотвращаем угрозу того, что они могут затопить наше сознание, и делаем возможным их позитивное действие. В рациональных терминах этот эффект объяснить практически невозможно; это своего рода «магический» эффект, он заключается в суггестивном воздействии образов на индивида, с его помощью расширяется и изменяется бессознательное.

Мне сказали, что доктор Беннет принес ряд картин своего пациента. Не будет ли он столь любезен показать их?

Здесь имеется в виду изображение чаши или вазы (рис.14). Конечно, выражено это весьма неуклюже, это просто попытка, намек на чашу или вазу. Мотив сосуда сам по себе является архетипическим образом, имеющим определенное назначение, и с помощью этого рисунка я могу показать, каково это назначение. Сосуд приспособлен к тому, чтобы что-то в себе содержать. Он, например, содержит жидкости, сохраняет их, чтобы они не испарялись и не растекались. Немецкое слово, обозначающее сосуд, Gefass — существительное, происходящее от fassen — класть, содержать, ухватывать. Слово Fassung означает схватывание, сдерживание, обрамление, а метафорически — самообладание, собранность. Таким образом, сосуд на этом рисунке отражает движение, имеющее своей целью собирание и объединение. Вы должны объединить нечто, иначе оно распадется на части. Из того, как скомпонован данный рисунок, а также из некоторых его особенностей очевидно, что психология этого человека содержит целый ряд несоизмеримых элементов. Рисунок характеризует состояние шизофрении. Я не знаком с этим случаем, но доктор Беннет подтверждает корректность моего заключения. Вы видите несоизмеримые элементы по всему рисунку; имеется целый ряд немотивированных и несоотносимых вещей. Более того, вы видите, что поверхность вазы разделяют какие-то необычные линии. Эти линии являются признаком шизофрении; я называю их линиями разлома. Когда шизофреник рисует свою картину, он, естественно, выражает шизофренический раскол, имеющий место в его

собственной психике, и вы обнаруживаете эти линии идущими прямо по какой-то фигуре, подобно трещинам на зеркале. На данном рисунке линий разлома на самих фигурах не видно, они лишь идут по всей поверхности.

Рис. 14. Картина пациента

Этот человек пытается собрать воедино все несопоставимые элементы с помощью сосуда. Предполагается, что сосуд должен быть вместилищем всего его существа, всех несовместимых частей. Попытка собрать их с помощью эго была бы неосуществимой, поскольку эго в каждый конкретный момент времени может совпадать лишь с какой-то одной частью. Посредством символа сосуда он сообщает о своей попытке найти вместилище для всех сущностей, и, следовательно, расположенный в середине мяч или шар указывает на существование несводимого к эго центра (non-ego center).

Рисунок представляет собой попытку самолечения. Он выявляет наличие несовместимых элементов, а также свидетельствует о попытке собрать их воедино с помощью этого сосуда. Данная идея — идея вместилища — является архетипической. Вы обнаруживаете ее повсюду, это один из центральных мотивов бессознательных рисунков. Это идея магического круга, который чертят вокруг всего того, что хотят защитить от враждебного воздействия, исчезновение чего хотят предотвратить. Архаическую идею об апотропаических чарах (*От греч. apotropaios — отвращающий несчастье. — Ред.*) магического круга вы до сих пор можете встретить в фольклоре. Например, когда человек собирался выкопать клад, он чертил вокруг себя магический круг, чтобы оградить себя от дьявола. Когда закладывался фундамент города, было принято совершать вокруг него ритуальный обход или объезд, дабы защитить все находящееся в пределах этого круга. В некоторых швейцарских деревнях по–прежнему существует обычай, согласно которому священник и староста объезжают поля, дабы своим благословением защитить урожай. В центре магического круга или священной территории находится храм. Одним из чудеснейших примеров этой идеи является храм Боробудур на Яве. Обход (circumambulatio) совершается по спирали; паломники движутся мимо изображений всех воплощений Будды, пока не достигают вершины, на которой находится невидимый Будда -Будда, которому еще предстоит явиться. В основании этого храма находится круг, вписанный в квадрат. На санскрите эта фигура называется мандалой. Данное слово обозначает круг, в первую очередь магический круг. На Востоке мандалу можно обнаружить не только в качестве основания храма, но также и на росписях внутри храма, кроме того ее чертят в дни определенных религиозных празднеств. В центре мандалы находится Бог или символ божественной энергии — алмазная вспышка молнии. Вокруг этого сокровенного круга возводится аркада с четырьмя воротами. Затем идет сад, который опоясан другим — внешним кругом.

Символ мандалы несет в себе именно этот смысл: священное пространство (temenos), защищающее центр. Этот символ является одним из наиболее важных мотивов при объективации бессознательных образов (*Jung C.G Commentary on «The Secret of the Golden Flower»// C.W. — Vol.13; Jung C.G. Concerning Mandala Symbolism// C.W. — Vol.9, I.*). Здесь имеется в виду защита центра личности, который не следует выставлять наружу и подвергать воздействиям извне.

Рисунок пациента доктора Беннета является попыткой начертить подобную мандалу. Она имеет центр и вмещает все его психические элементы, а ваза должна быть магическим кругом, temenos, вокруг которого он должен совершать circumambulatio. Таким образом, внимание направлено на центр, но в то же время в поле зрения оказываются все несоотносимые элементы и делается попытка их объединить. Circumambulatio всегда совершается по часовой стрелке. Изменение направления движения считалось недопустимым. Идея circumambulatio в данном случае является первой попыткой пациента найти центр и вместилище для всей своей psyche. Но ему это не удается. Конструкция теряет равновесие, и ваза опрокидывается. И опрокидывается она именно влево — в сторону бессознательного. То есть бессознательное по–прежнему слишком могущественно. Если он

хочет, чтобы его апотропаическая магия заработала, ему следует делать это иным образом. Посмотрим, что он делает в своей следующей картине (рис.15).

В этой картине он пытается достичь симметрии. Теперь все эти чудовищные, несоотносимые сущности, которые раньше ему никак не удавалось охватить, оказываются собранными вместе и принимают более приемлемые и уже не столь патологические формы. Теперь он может придать живым фрагментам своего бессознательного форму змей на священной вазе. Ваза стоит устойчиво, она больше не опрокидывается, т.е. ее форма более совершенна. Окончательно это намерение он еще не реализовал, но смог, по крайней мере, придать своим животным определенные формы. Все это животные из преисподней: рыбы, обитающие в морских глубинах, змеи из царства тьмы, Они символизируют низшие центры его психики, его симпатическую систему. Наиболее примечательно то, что тут появляется скопление звезд. Это означает, что в данном рисунке сосредоточен весь космос, весь его мир. Это намек на бессознательную астрологию, которая у нас в крови, хотя мы этого не осознаем. На самом верху рисунка находится персонификация бессознательного — обнаженная фигура анимы, изображенная со спины. Это типичная позиция; в самом начале объективации подобных образов фигура анимы часто обращена к нам спиной. В основании вазы находится восемь полумесяцев; луна также является символом бессознательного. Человеческое бессознательное является лунным миром, ибо это ночной мир, отмеченный Луной, женским знаком, ибо мир бессознательного — это женский мир. По–прежнему на рисунке встречаются разнообразные ломаные линии, которые нарушают гармонию. Но можно предположить, что если не помешают какие-либо частные осложнения, пациент, вероятнее всего, и дальше будет следовать этим конструктивным путем. Я бы сказал, что есть надежда на то, что он сумеет полностью прийти в себя, поскольку появление анимы — достаточно позитивный признак. Анима — тоже своего рода сосуд, ибо поначалу она вмещает в себя все бессознательное, в противовес тому состоянию, когда оно разорвано на множество фрагментов. К тому же пациент пробует развести мотивы в разные стороны (направо и налево), что свидетельствует о попытках сознательной ориентации. Если сравнить с первым рисунком, исчезает мяч или шар, но этот признак не является негативным. Тут весь сосуд обозначает центр, благодаря проведенной им корректировке ваза больше не опрокидывается, она прочно стоит на своем основании. Все это говорит о том, что он действительно делает попытку овладеть собой.

Рис. 15. Картина пациента

Эти рисунки нужно возвратить пациенту — они чрезвычайно важны. Вы можете сделать копии; пациенты любят делать копии для врача. Но оригиналы нужно оставлять у пациентов, поскольку им необходимо видеть их перед собой; глядя на них, они чувствуют, что их бессознательное выразимо. Объективированная форма воздействует на них, это их завораживает. Суггестивное воздействие рисунка влияет на психическую систему пациента и вызывает эффект, аналогичный тому, что сам пациент вкладывал в свой рисунок. В этом причина поклонения идолам, магического использования сакральных образов, икон. Их магия проникает в нас и исцеляет, но лишь при условии, что мы вкладываем в них свою сущность. Если вы можете вложить в икону свое содержание, она заговорит с вами. Взять хотя бы ламаистскую мандалу с Буддой или Шивой в центре; в той мере, в которой вы способны отдаться ей, она способна ответить и войти в вас. Тут есть магический эффект.

Поскольку эти картины бессознательного выражают реальное психологическое состояние индивида, вы можете использовать их в целях установления диагноза. Из подобного рисунка вы можете сделать точный вывод о состоянии пациента: есть ли у него склонность к шизофрении, или же он просто невротик. Вы даже можете предсказать, что с ним будет дальше. Чтобы извлечь пользу из подобных рисунков, нужно просто иметь некоторый опыт. Конечно, следует быть весьма осторожным. Нельзя с упорством догматика предлагать каждому пациенту: «Теперь рисуйте». Кое-кто утверждает: «У доктора Юнга лечение сводится к тому, что его пациенты рисуют», точно так же, как когда-то говорили, он, мол, всех делит на интровертов и экстравертов и всем твердит: «Вам следует жить так-то и так-то, потому что вы принадлежите к такому-то типу». Это, естественно, не лечение. Каждый пациент является для врача новой проблемой, и он будет исцелен от своего невроза лишь в том случае, если вы поможете ему найти собственный путь разрешения его конфликтов.

Председательствующий:

Дамы и господа, своими аплодисментами вы прекрасно выразили свои чувства по отношению к профессору Юнгу. Сегодня нам благодаря этому циклу лекций в последний раз выпала честь и ни с чем не сравнимое удовольствие слушать профессора Юнга. Мне не хватает слов, чтобы достойным образом выразить всю нашу признательность ему за эти беседы, которые бросают вызов нашим умам и побуждают нас к дальнейшим научным поискам, заставляя задуматься над такими вопросами, которые для всех нас, особенно для тех, кто занимается психотерапией, неимоверно важны. Я полагаю, сэр, что именно такой отклик вы хотели вызвать у нас. Мы в этом институте (*Имеется в виду Институт медицинской психологии, в котором читался данный курс лекций.*) гордимся выпавшей нам возможностью беседовать с вами, и я думаю, что все мы таим надежду, что пройдет немного времени, и вы еще раз посетите Англию, с тем чтобы продолжить наш разговор и побуждать нас к новым размышлениям об этих величайших проблемах.

Лондон

30 сентября – 4 октября

1935 г.

Дамы и господа, спасибо за внимание!

Участники дискуссий

Эти краткие данные приведены, с тем чтобы указать сферу деятельности сотрудников Института медицинской психологии (ИМП) на 1935 год, когда К. Г. Юнг выступал здесь со своими лекциями, и выборочно представить публикации и круг профессиональных интересов каждого из них. Звездочкой обозначены имена участников, председательствовавших на той или иной из пяти лекций.

Байнес Х.Г. [Baynes, Helton Godwin (1882–1943), B.A. (Camb.), 1907; M.B., B.Ch., 1912.]

Хирург в период Балканской войны (Миссия Красного Креста в Турции) и Второй мировой войны. [Штатный сотрудник Госпиталя Моудслей.] В 1919–1922 — ассистент К.Г.Юнга. В 1925–1926 — занимается организацией и принимает участие в экспедиции Юнга в Восточную Африку с целью исследования психологии африканских племен (см.: Jung C.G. Memories, Dreams, Reflections). Один из авторов английских переводов книг Юнга (Psychological Types, 1923; Two Essays on Analytical Psychology, 1928; Contributions to Analytical Psychology,1928). Автор книг Mythology of the Soul (1940); Germany Possessed (1941). Один из пионеров аналитической психологии, представитель юнгианского направления в Англии.

Бендин Л.Дж. [Bendit, Lawrence John, M.A., 1920; D.P.M., 1929; M.D., 1943.]

Ассистент лечащего врача, Институт медицинской психологии (ИМП), 1935. Преподаватель и автор работ по вопросам психологии и религии (в частности, в 1961–1965 в США). К числу его работ принадлежат The Mirror of Life and Death (1965), The Psychic Sense (1943), This World and That (1950).

Беннет Э.А. [Bennet, Edward Armstrong, M.C., M.B., M.Ch., 1925; D.P.M., 1926; M.A., M.D., 1930; D.Sc., 1939.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. В 1942–1945 — консультант по психиатрии в английской группе войск в Индии. Консультант Тэвистокской клиники. Один из попечителей Института К.Г.Юнга в Цюрихе. Автор главы о военной психиатрии в книге Official History of the Indian Armed Forces 1939–1945 (1957); автор книг C.G.Jung (1961), What Jung Really Said (1966).

Байон У.Р. [Bion, Wilfred Ruprecht , D.S.O.; B.A.(Oxon.); M.R.C.S.; L.R.C.P. (London), 1930.]

Ассистент лечащего врача, ИМП, 1935. В 1953–1959 -директор Лондонской психоаналитической клиники. В 1962–1965 -президент Британского психоаналитического общества. Автор книг Learning from Experience (1962), Elements of Psychoanalysis (1963)

Браун Л.Ф. (ум. 1960)[Browne, Leonard Foster, M.D. (Durham), 1913.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. Консультант Тэвистокской клиники. В 1940–1945 — военный психиатр в английской армии. Автор книги Everyday Relationships (1938).

Брантон Ч. [Brunton, Charles, M.A., M.D., Sc.D. (Trinity College, Dublin).]

Старший преподаватель физиологии в Медицинском колледже при Лондонской городской больнице, в Лондонском университете и Университете Ливерпуля, где он также преподавал психологию на медицинском отделении.

Кэмпс П.У. (ум. 1956) [Camps, Percy William Leopold , M.B., B.S.; FRCS., 1014–1918; RAMC (Malta; France).]

Старший хирург больницы Теддингтон Мемориал (Мидлсекс), один из ее основателей.

***Кричтон–Миллер Х.** (1977–1959) [Crichton-Miller, Hugh, M.D. (Edinburgh), 1900, 1902; F.R.C.P. (London), 1939; M.D. (Pavia).]

Основатель Тэвистокской клиники (1920). В 1946–1959 -вице–президент Национальной ассоциации защиты психического здоровья. Один из попечителей Института К.Г.Юнга в Цюрихе. Автор книг The New psychology and the Teacher (1922), Psycho-Analysis and Its Derivations (1933).

Дикс Г.В. [Dicks, Henry Victor, M.A., M.D., F.R.C.P. (Cambridge; London).]

Заместитель директора лечебного отделения, ИМП, 1935. В 1928–1952 — психиатр–консультант Тэвистокской клиники. В 1940–1945 — военный психолог. В 1946–1948 — профессор психологии в Лидском Университете. В 1956 — президент секции психиатрии Британской медицинской ассоциации. В 1966 — президент Королевской медико–психологической ассоциации. В 1967 — принимает участие в научном исследовании коллективной психопатологии нацизма, проводимом под эгидой Университета графства Суссекс. Автор книг Clinical Studies in Psychotherapy (1931), History of the Tavistock Clinic (1936) и др.

***Хэдфилд Дж.А.** (г.р.1882)[Hadfield, James Arthur, M.A. (Oxon.), 1907; M.B.; Ch.B. (Edinburgh), 1916.]

Директор исследовательского отделения, ИМП, 1935. По его приглашению Юнг посетил Тэвистокскую клинику со своими лекциями. Автор книг Morals: An Analysis of Character (1923), Psychology of Childhood and Adolscence (1962).

Хенди Б.Д. [Hendy,Bernard Drummond, M.B.; B.Chir. (Cantab.), 1925.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. Ранее — ассистент лечащего врача в больнице ДеЛа Поль (Вилилерби, Йоркшир).

Хоу Э.Г. [How, Eric Graham, M.B., B.S. (London) , 1927; D.P.M., 1927.]

Ассистент лечащего врача, ИМП, 1935. Автор книг Motives and Mechanisms of the Mind (1930), The War Dance: A Study of the Psychology of War (1937), Mysterious Marriage (1942); Cure and Heal (1965).

Лафф М.К. [Luff, Mary Constance, M.D. (London), 1931; D.P.M. (Manchester), 1927.]

Заместитель директора лечебного отделения, ИМП, 1935.

Маккензи М.Э.Т. [Mackenzie, Marion Enid Townsend, M.B.; B.S. (London), 1931.]

Консультант психиатрического отделения для детей и родителей, Тэвистокская клиника, 1935.Член Британского психоаналитического общества. Автор работ по проблемам здравоохранения.

***Миллер Э.** (г.р. 1893) [Miller, Emanuel. M.A., D.P.M. (Cantab.); F.R.C.P. (London), 1946.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. В 1958 — психиатр в Управлении по медицинским исследованиям и статистике. С 1948 — соредактор журнала British Journal of Criminology. Автор и редактор книг Modern Psychotherapy (1931), Neuroses in War (ed., 1940), Foundations of Child Psychiatry (1936).

***Риз Дж.Р.** (г.р. 1890) [Rees, John Rowlings, C.B.E. (Military Div.); M.A., M.D. (Cantab.), D.P.M., 1920; F.R.C.P., 1944.]

Директор лечебного отделения, ИМП, 1935. В 1944–1945 -военный психиатр–консультант. В 1948–1949 — президент Всемирной ассоциации защиты психического здоровья; в 1949–1962 — ее директор; в 1962 — почетный президент. Автор книг The Case of Rudolf Hess ed., 1947); Mental Health and the Offender (1949).

Росс Т.А. (ум. 1941) [Ross, Thomas Arthur, M.D. (Edinburgh), 1901; F.R.C.P. (London; Ediburgh).]

Лечащий врач и хирург, Королевская лечебница, Эдинбург. Автор книг The Common Neuroses (1923), An Introduction to Analytical Psychotherapy (1932).

Штраус Э.Б. (ум. 1961) [Strauss, Eric Benjamin, M.A. (Oxon.), 1930; F.R.C.P. (London), 1939; Hon. D.Cs. (Frankfort).]

Ассистент лечащего врача, ИМП, 1935. Автор книги Recent Advances in Neurology (1929); соавт. с У.Р.Брейна в написании книги Psychiatry in the Modern World (1958).

Сатти И.Д. (ум. 1935) [Suttie, Ian Dishar, F.R.P.S. (Glasgow), 1920; M.D. (Glasgow), 1931.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. Автор книги The Origins of Love and Hate (1935).]

Райт М.Б. (ум. 1951) [Wright, Maurice Beresford , O.B.E.; M.D. (Ediburgh), 1906.]

Лечащий врач, ИМП, 1935. Специалист по вопросам неврологии в Министерстве пенсий.

Йеллоулис Д. [Yellowlees, David, M.B., Ch.B.]

Психиатр–консультант Западной лечебницы в Глазгоу, директор лечебного отделения Лендсдоунской клиники функциональных нервных расстройств (Глазгоу). Автор книги Psychology's Defence of the Faith (1930).

ГЛОССАРИЙ

Публикуется по кн.: C. G. Jung. Memories, Dreams, Reflections. – London, 1963. – 379 с.

АМПЛИФИКАЦИЯ (прояснение)

Уточнение и прояснение отдельных образов в сновидении с помощью прямой ассоциации и в соответствии с данными гуманитарных дисциплин (символогией, мифологией, мистицизмом, фольклором, историей религии, этнологией и т. д.).

АНИМА И АНИМУС

Воплощение женского начала в мужском бессознательном и мужского начала в женском бессознательном. Эта психологическая бисексуальность есть отражение того биологического факта, что преобладающее количество мужских (или женских) генов является решающим фактором в определении пола. Меньшая часть генов не несет в себе сексуального качества, образуя в человеке соответствующие проявления психики, в обычных условиях остающиеся бессознательными. Анима и анимус проявляют себя наиболее типично, воплощаясь в некоторых фигурах, в снах и фантазиях («сон-девушка»; «сон-любовник») или в иррациональности мужского чувства и женского рассуждения. Как регуляторы поведения, они являются самыми значительными архетипами.

«Каждый мужчина носит в себе вечный образ женщины, не какой-либо конкретной женщины, но определенный женский образ. Этот образ в сущности бессознателен; наследственный фактор изначального происхождения, запечатленный в живущей органической системе человека, отпечаток или архетип всего наследственного опыта женщин, хранилище всех отпечатков, когда-либо запечатленных женщиной. Так как этот образ бессознателен, то он всегда (бессознательно же) проектируется на предмет любви (другой человек) и является одной из главных причин для страстного увлечения или отвращения». (Юнг К. Г. Развитие личности // CW (Здесь и далее ссылки на работы К. Г. Юнга даются по: C. G. Jung. Collected Works. (CW) – London, 1953—1964. Vol. 1-20, Vol. 17. P. 198).

«В своей исходной „бессознательной“ форме анимус является соединением спонтанных, непреднамеренных взглядов, которые оказывают мощное влияние на эмоциональную жизнь женщины, в то время как анима является сходным соединением чувствований, которые влияют (искажающе или как-то иначе) на мужское миропонимание. В результате анимус любит проецировать себя на интеллектуалов, различного рода героев, включая артистов, певцов, чемпионов и пр. Анима имеет пристрастие ко всему, что бессознательно, темно, двусмысленно и пребывает в хаотическом состоянии в женщине, а также к ее тщеславию, холодности, беспомощности и т. д. (Юнг К. Г. Практика психотерапии // CW. Vol. 16. P. 301).

«Естественная функция анимуса (равно как и анимы) – пребывать между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. Подобно тому Персона

является слоем между эгосознанием и объектами внешнего мира. Анимус и анима функционируют как мост или дверь, ведущие к образам коллективного бессознательного, как и Персона, являющаяся мостом в мир.» (Юнг К. Г. [Неопубликованные семинарские записи: Предвидения]. P. 116).

АРХЕТИП

«Понятие архетипа… вытекает из многочисленных наблюдений над мифами и сказками мировой литературы, которые, как оказалось, содержат определенные устойчивые мотивы, которые неожиданно обнаруживаются повсюду. Мы встречаем эти же мотивы в фантазиях, снах, бредах, галлюцинациях индивидов, живущих сегодня. Эти типичные образы и ассоциации являются тем, что я называю архетипическими идеями. Чем более живыми они являются, тем более они будут окрашены индивидуально сильными чувственными тонами… Они впечатляют, воздействуют и очаровывают нас. Они имеют свое происхождение в архетипе, который сам по себе является непредставимым бессознательным, пресуществующей формой, являющаяся частью наследованной структуры психического бытия и может поэтому проявлять себя спонтанно везде и любое время. Из-за своей бессознательной природы архетип лежит в основании чувственно-настроенных комплексов и разделяет их автономию. (Юнг К. Г. Цивилизация в пути // CW. Vol. 10).

«Снова и снова я наталкиваюсь на ошибочное представление, что архетип определяется в соответствии со своим содержанием, другими словами, что это вид бессознательной идеи (если такое выражение допустимо). Необходимо указать еще раз, что архетипы не определяются в соответствии с их формой, да и то в очень ограниченной степени. Изначальный образ определяется по отношению к своему содержанию только тогда, когда он становится осознанным и является, следовательно, заполненным материалом осознанного опыта. Его форма, однако… может быть сравнена с осевой системой кристалла, который, обычно, формирует заранее кристаллическую структуру, находясь еще в „материнской“ жидкости, хотя собственного материала в нем еще не существует. Эта кристаллическая структура возникает согласно специфическому способу, которым ионы и молекулы взаимодействуют. Сам по себе архетип пуст и чисто формален, – ничего кроме способности сформировать, возможности представления, которая дана a priori. Сами представления не являются унаследованными, но лишь формы, и в этом отношении они соответствуют в каждом случае инстинктам, которые также определяются только формой. Существование инстинктов не может быть более доказательным, чем существование архетипов, поскольку они не проявляют себя конкретно». (Юнг К. Г. Архетип и коллективное бессознательное // CW. Vol. 9. P. 79).

«…Мне кажется невозможным, что действительная природа архетипа неспособна стать осознаваемой, что она трансцендентна, вот почему я называю ее психоидом». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // CW. Vol. 8. P. 213).

АССОЦИАЦИЯ

Связь идей, восприятий и т. д. согласно сходству, сосуществованию, противоположности и причинной зависимости. Свободная ассоциация во фрейдовском толковании сновидения: спонтанные идеи, являющиеся человеку во сне безотносительно к ситуации сна.

Управляемая или контролируемая ассоциация в юнгианском толковании сновидений: спонтанные идеи, которые исходят из данной ситуации сна и постоянно связаны с ней.

АССОЦИАТИВНЫЙ ТЕСТ

Методы для обнаружения комплексов измерением времени реакции и интерпретации ответов на данные стимульные слова.

АТТИТЬЮД (установка)

Готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта (или ситуации) и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания тех или иных действий по отношению к данному объекту.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

«Теоретически в области сознания не может быть никаких границ, так как оно способно к неопределенному расширению. Эмпирически, однако, сознание всегда находит свои границы, когда оно сталкивается с незнаемым. Последнее состоит из всего, что мы не знаем, и, следовательно, никак не связано с ЭГО, как центром поля сознания. Незнаемое распадается на две группы объектов: те, которые находятся снаружи и могут быть восприняты органами чувств и те, которые находятся внутри и постигаются „непосредственно“. Первая группа включает незнаемое во внешнем мире; вторая – незнаемое во внутреннем мире. Мы называем эту последнюю – территорией бессознательного». (Юнг К. Г. AION // CW. Vol. 9, ii. P. 3).

«…Все то, о чем я знаю, но о чем в данный момент не думаю; все то, что хоть однажды я осознавал, но забыл теперь; все то, что воспринималось моими органами чувств, но не было зарегистрировано моей сознательной мыслью; все то, что невольно и без внимания я чувствую, думаю, помню, хочу и делаю; все будущие вещи, имеющие форму во мне и могущие однажды осознаться мною: все это и есть содержание бессознательного.» (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // CW. Vol. 8. P. 185).

«Помимо этого мы должны включить все более или менее умышленные подавления болезненных мыслей и чувств. Я называю сумму этих подавленных содержаний „личностным бессознательным“. Но, более того и прежде всего, мы также находим в бессознательном качества, которые являются не индивидуально приобретенными, а наследуемыми, т. е. инстинкты, как импульсы, выполняющие необходимые действия без сознательной потребности. В этом „глубоком“ слое мы находим также архетипы… Инстинкты и архетипы совместно образуют „коллективное бессознательное“. Я называю его „коллективным“ потому, что, в отличие от личностного бессознательного, оно складывается

не из индивидуальных и более или менее уникальных содержаний, а из универсальных и регулярно появляющихся.» (Там же, p. 133).

«Первая группа включает содержимое, которое состоит из целостных компонентов индивидуальной личности и, следовательно, как раз осознаваема; вторая группа образует, так сказать, вездесущее, неизменное и везде идентичное качество или сам по себе субстрат психического бытия». (Юнг К. Г. AION // CW. Vol. 9, ii. P. 7).

«Более глубокие „слои“ психического теряют их индивидуальную исключительность, так как они отступают все дальше и дальше в темноту. „Потемнение вниз“ означает для них приближение к автономно функционирующим системам, они становятся в возросшей степени общими обобщаясь до универсализации и угашенного воплощения в телесном материале, т. е. в химической субстанции. Углерод человеческого тела – просто углерод. Следовательно, „на дне“ психического есть просто „мировое“. (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // CW. Vol. 9, i. P. 173).

БОГО-ОБРАЗ

Понятие, идущее от Отцов Церкви, согласно которому божественная суть воплощена в человеческой душе. Когда такой образ спонтанно образуется в фантазиях, сне, видениях и т. д., то он является с психологической точки зрения явлением самости, символом психологической целостности.

«Только через психическое бытие мы можем установить, что Бог влияет на нас, но при этом мы не способны распознать: исходят ли эти влияния от Бога или из бессознательного. Мы не может сказать: является ли Бог и бессознательное двумя различными сущностями или нет. Оба понятия являются пограничными для трансцендентного содержания. Но эмпирически можно установить с достаточной степенью вероятности, что в бессознательном имеется архетип целостности, который проявляет себя спонтанно в снах и т. д. и тенденция, зависящая от сознательного желания соотносить другие архетипы с этим центральным. Поэтому не кажется невероятным, что архетип воссоздает символизацию, которая всегда символизирует и выражает Божество…

«Бого-образ не совпадает с бессознательным, как таковым, но лишь со специфическим содержанием последнего, а именно – архетипом самости». (Юнг К. Г. Психология и религия: Запад и Восток // CW. Vol. 11. P. 468).

«Бого-образ можно объяснить… как рефлексию самости или, соответственно, объяснить самость как божественный образ в человеке». (Там же, P. 190).

ГИЕРОГАМИЯ

Священный или духовный брак, объединение архетипических фигур в возрожденных мистериях древности, а также в алхимии. Типичными примерами являются представления Христа и Церкви как жениха и невесты и алхимическое соединение солнца и луны.

ДУША

«Если человеческая душа и являет собой нечто, то это нечто оказывается невообразимо сложным и многообразным, и, разумеется, приблизиться к этому нечто с позиций просто психологии инстинкта, невозможно. Я могу только вглядываться пристально с изумлением и трепетом в глубины и высоты нашей психической жизни. Ее непространственный универсум скрывает несказанное изобилие образов, которые были накоплены миллионами лет развития живого и зафиксировались в организме. Мое сознание подобно глазу, который проникает в наиболее отдаленные пространства, оказываясь там уже психическим не-Я (ЭГО), заполняющим эти пространства непространственными образами. И эти образы являются не бледными тенями, а мощными психическими факторами… Рядом с этой картиной я бы хотел поместить зрелище звездного неба ночью, так как единственный эквивалент универсума внутри нас – универсум вовне; и как только я постигаю этот мир с помощью тела, тотчас же я обнаруживаю его посредством психического». (Юнг К. Г. Фрейд и психоанализ // CW. Vol. 4. P. 331).

«Было бы богохульством утверждать, что Бог может обнаружить себя везде кроме человеческой души. В самом деле сама интимность отношений между Богом и душой автоматически предотвращает последнее и сводит его на нет. Мы зашли бы слишком далеко говоря о близости, но все события в душе должны содержать в себе способность отношения к Богу, т. е. соответствие, в противном случае связь никогда не могла бы возникнуть. Это соответствие в психологических терминах, есть архетип Бого-образа». (Юнг К. Г. Психология и алхимия // CW. Vol. 12. P. 10).

ИНДИВИДУАЦИЯ

«Я использую термин „индивидуация“ для обозначения процесса посредством которого человек становится психически „индивидуальным“, неразделимым единством или „целым“. (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // CW. Vol. 9. i. P. 275).

«Индивидуация означает становление единого, гомогенного бытия и насколько индивидуальность охватывает нашу сокровенную, окончательную и неразделимую неповторимость, настолько они также включает становление самости. Поэтому мы можем перевести индивидуацию как „путь к себе“ или „само-реализацию“. (Юнг К. Г. «Два эссе по аналитической психологии // CW. Vol. 7. P. 171).

«Снова и снова я замечаю, что процесс индивидуации неправильно отождествляется со становлением ЭГО в сознании, и, что в результате ЭГО идентифицируется с самостью, а это, естественно, создает плачевную концептуальную неразбериху. В этом случае индивидуация есть не более, чем эгоцентрация и автоэротизм. Но самость включает неопределенно больше, чем просто ЭГО… Самостей столько же сколько и ЭГО. Индивидуация не исключает себя из мира, но собирает в себя мир». (Юнг К. Г. «Структура и динамика психического бытия // CW. Vol. 8. P. 226).

ИНТРОВЕРСИЯ

Отношение или позиция, характеризующиеся ориентацией в жизни, основанной на субъективных психических содержаниях. (См. Экстраверсия).

КВАТЕРНОСТЬ

«Кватерность является архетипом почти всеобщего распространения. Она образует логическую основу для любого целостного суждения. Желая воспроизвести суждение подобного рода, неизбежно попадаешь в выражение четырехкратности. К примеру, если вы хотите описать горизонт как целое, вы называете четыре части света. Везде вы натыкаетесь на четыре элемента, четыре первичных качества, четыре цвета, четыре касты, четыре способа духовного совершенства и т. д. По-видимому существуют также и четыре аспекта психологической ориентации… Для определения самих себя нам необходимо действие, которое устанавливает, что имеется нечто (ощущение); затем другое действие, которое устанавливает что есть нечто (мышление); третье действие или функция утверждает: подходит нам это нечто или нет, желаем мы принять это нечто иди нет (эмоции и чувства); наконец четвертая функция определяет источник нечто и его направление (интуиция). Когда эти действия осуществлены, сказать больше нечего… Идеал завершенности есть круг или сфера, но ее минимальное естественное членение кватерность». (Юнг К. Г. Психология и религия: Запад и Восток // CW. Vol. 11. P. 167).

Кватерность или кватерион часто имеет структуру 3+1, в которой один из элементов, составляющих ее, занимает отличительное положение и составляет сущность не схожую с остальными. (К примеру, три из символов евангелистов являются животными, а символ четвертого, св. Луки, является ангелом). Этот «четвертый», дополняя других делает их «одним», символизируя всю сумму целиком. В аналитической психологии, зачастую, «нижняя» функция (т. е. функция, находящаяся в сознательном расположении субъекта) представляет «четвертую», и их объединение в одно целое в сознании является одной из главных задач индивидуации.

КОМПЛЕКС

«Комплексы суть психические фрагменты, которые выделились в силу травматических влияний или определенных тенденций. Как доказывают ассоциативные эксперименты, комплексы интерферируют с интенциями желания и нарушают обыденность представлений сознания; они нарушают процессы памяти и создают блокады в потоке ассоциаций; появляются и исчезают согласно собственным законам; временно поглощают сознание или бессознательным путем влияют на речь и сознание. Другими словами, комплексы существуют как независимое бытие; факт, который особенно очевиден в состояниях патологического типа. Как, например, голоса, слышимые больными, которые принимают их за собственные, реализации мысли подобно тем „духам“, которые проявляют себя при автоматическом письме и подобным действиям». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // CW Vol. 8. P. 121).

КОМПЛЕКСНЫЕ ИНДИКАТОРЫ

Увеличенное время реакции, ошибки или идиосинкратическое качество ответов, когда стимульные слова затрагивают комплексы, которые субъект желает скрыть или которые он не осознает.

МАНА

Меланезийское слово для обозначения сверхобыденной эффективной силы, исходящей из человеческого бытия, объекта, действия или события или сверхъестественного бытия и духов. Обозначает также здоровье, престиж, силу совершать волшебство и исцелять. Примитвное понятие психической энергии.

МАНДАЛА

Магический круг. У Юнга, – символ центра, цели самости как психической суммации; саморепрезентация психических процессов центрирования; создание нового центра личности. Символически представляется кругом, квадратом или кватерностью симметричным расположением числа четыре и его кратных. В ламаизме и тантрической йоге мандала есть орудие созерцания, местонахождения и место рождения богов. Потревоженная мандала: любая форма, которая отдаляется от круга, квадрата или правильного креста, или чье основное число не равно четырем или кратным ему.

«Мандала означает круг, более точно – магический круг, и эта символическая форма обнаружена не только на Востоке, но также присуща и нам; мандалы были широко представлены в Средние века. Специфически христианские мандалы пришли из раннего средневековья. Большинство их показывает Христа в центре с четырьмя евангелистами или их символами в частях света… Большей частью формой мандалы является цветок, крест или колесо с отчетливой тенденцией к четверке как основе структуры.» (Юнг К. Г. Тайна золотого цветка. 1945, P. 96).

«Мандалы… обычно возникают в ситуациях психического замешательства или дезориентации. Вследствие этого архетип представляет констеллированный паттерн порядка, обозначенный крестом или кругом, поделенный на четыре части; этот паттерн наложен на психический хаос так, что содержимое получает место, и барахтающаяся сумятица удерживается сохраняющим кругом… В то же самое время мандалы являются yantras, орудиями, с помощью которых в бытие образуется порядок.» (Юнг К. Г. Цивилизация в пути // CW. Vol. 10).

ПЕРСОНА

По исходной этимологии – маска, носимая актером.

Персона… – система приспособления индивида к чему-либо или способ действия, который он избирает, имея дело с чем-либо во внешнем мире. К примеру, любое призвание или профессия имеют свою собственную характерную персону.

…Опасность лишь в том, что люди становятся идентичными своим персонам: певец – голосу, профессор – собственным учебникам.

…Можно сказать, немного преувеличивая, что персона есть то, чего в действительности нет, но, что она сама, вместе с другими, считает существующим.» (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // CW. Vol. 9. P. 122).

ИНФЛЯЦИЯ (вздутие)

Выход личности за пределы своих собственных границ за счет идентификации с персоной или, в патологических случаях, – с исторической или религиозной фигурой. Инфляция создает преувеличенное чувство собственной важности (мания величия) и обычно компенсируется чувством неполноценности.

НУМИНОЗ

Термин Р. Отто (психолог религии) для обозначения невыразимого, мистерийного, ужасающего, переживаемого непосредственно, и имеющего отношение только к божественному.

ПАТТЕРН

1. Организация частей, образующих новую форму.

2. Модель или образец (чего-либо).

3. Организованная группа ощущений.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ОБРАЗ

(Я. Буркхардт). Термин, первоначально использованный Юнгом вместо архетипа.

ПСИХОИД «Душеподобный» или «квазипсихический»

…Коллективное бессознательное… представляет психическое бытие тем, что… не может быть непосредственно воспринято или «представлено» в противоположность перцептибельным психическим явлениям и из-за этой «непредставительной» природы я называю ее (эту сферу психического бытия – прим. перев.] психоидом». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // CW. Vol. 8. P. 436).

САМОСТЬ

Центральный архетип – архетип порядка; суммативность личности. Символизируется кругом, квадратом, кватерностью, ребенком, мандолой и т. д.

«…Самость есть величина сверхобычная для сознательного Я. Она включает не только сознательное, но также и бессознательное психическое бытие и оказывается поэтому, так сказать, личностью, которой мы также являемся… Надежда когда-либо достичь хотя бы приблизительно полного сознания самости весьма мала, так как хотя многое мы и осознаем, но всегда будет существовать неопределенное и неопределимое количество бессознательного материала, который принадлежит к общей суммативности самости.» (Юнг К. Г. Два эссе по аналитической психологии // CW. Vol. 7. P. 175).

«Самость есть не только центр, но и полная окружность, которая включает как сознательное, так и бессознательное; самость является центром суммативной целостности, подобно тому, как ЭГО есть центр сознательного разума.» (Юнг К. Г. Психология и алхимия // CW. Vol. 12. P. 41).

«…Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью…» (Юнг К. Г. Два эссе по аналитической психологии // CW. Vol. 7. P. 238).

СИНХРОННОСТЬ

Термин, введенный Юнгом для обозначения значимого совпадения или эквивалентности: а) психического и физического состояния или события, которые не содержат причинной связи друг с другом; такие синхронистические феномены появляются, к примеру, когда внутренне постигаемое событие (сон, видение, предчувствие и т. д.) видится как имеющее соответствие во внешней реальности: внутренний образ предчувствия «оправдывается»; б) сходные или идентичные мысли, сны и т. д., появляющиеся одновременно в разных местах. Ни одно, ни другое совпадения не объяснимы причинным путем, но, по-видимому, исходно связаны с активацией архетипических процессов в бессознательном.

«Мои давнишние изыскания в области психологии бессознательного заставили меня искать другой принцип объяснения, потому что принцип причинности казался мне неадекватным для объяснения определенных удивительных явлений в психологии бессознательного. Таким образом я обнаружил, что имеются психические соответствия, которые не могут быть связаны посредством другого принципа, а именно, случайности событий. Эта связь событий кажется мне существенно данной самим фактом их относительной одновременности, следовательно, „синхронистичностью“. Это выглядит так, как будто время вовсе не абстракция, а конкретная непрерывность, которая содержит определенные качества или условия, проявляющие себя одновременно в разных местах через соответствия, которые не могут быть объяснены причинно, как, к примеру, в случаях одновременного появления идентичных мыслей, символов или психических состояний.» (Юнг К. Г. Тайна золотого цветка. 1945. P. 142).

«Я выбрал этот термин потому, что одновременное появление значимых, но причинно не связанных событий кажется мне существенным критерием. Поэтому я использую общее понятие синхронности в специальном смысле совпадения по времени двух или более причинно не связанных событий, которые имеют то же самое или сходное значение, в противоположность „синхронизму“, который просто означает одновременное появление двух событий». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // CW. Vol. 8. P. 441).

«Синхронность не более трудна и таинственна для понимания, чем понятие дискретности в физике. Последнее не более чем застывшая вера в духовную власть причинности, которая создает интеллектуальные трудности и делает, как ни странно, немыслимым тот факт, что беспричинные события существуют и могли бы когда-либо существовать… Значимые совпадения являются мыслимыми как чистая случайность. Но чем чаще они случаются, и чем больше и более точным оказывается соответствие, тем вероятность их возникновения заметней уменьшается и их немыслимость возрастает до тех пор, пока они далее не рассматриваются как чистая случайность, но из-за отсутствия причинного объяснения, мыслятся как значимая мера… Их „необъяснимость“ вытекает не из

того факта, что причина неизвестна, а потому, что причина немыслима в интеллектуальных терминах». (Там же, P. 518).

ТЕНЬ

Условно «низшая» часть личности; сумма всех личностных и коллективных психических элементов, которые из-за их несовместимости с избранной сознательной установкой не допускаются к жизненному проявлению и в результате объединяются в относительно автономную, «фрагментарную» личность с противоположными тенденциями в бессознательном. Тень выступает компенсаторно по отношению к сознанию; следовательно, ее эффект может быть как позитивным, так и негативным. В снах теневая фигура всегда совпадает с половой принадлежностью спящего.

«Тень воплощает все, что субъект отказывается признавать о самом себе, и кроме того всегда навязывает себя субъекту прямым или косвенным путем – к примеру, низменные черты характера и другие несовместимые тенденции.» (Юнг К. Г. Архетип и коллективное бессознательное // CW. Vol. 9. P. 284).

«…Тень есть то, что спрятано, подавлено в большей части низменной и обремененной виной части личности, чьи основные разветвления уходят в область наших животных предков и, таким образом, включают целый исторический аспект бессознательного… Хотя до настоящего времени полагали, что человеческая тень являлась источником всякого зла, но теперь, с помощью более тщательного исследования может быть установлено, что бессознательный человек, т. е. его тень не состоит только из исключительно морально предрассудительных тенденций, но выражает также ряд хороших качеств, таких как нормальные инстинкты, соответствующие реакции, основанные на реальности инсайты, творческие импульсы и т. д.».

ЭКСТРАВЕРСИЯ

Отношение или позиция, характеризующиеся концентрацией интереса к внешним объектам (см. Интроверсия).